

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

На правах рукописи

Пислегин Николай Викторович
ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО УДМУРТИИ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

Специальность 07. 00. 02 – отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
профессор
Гришкина М.В.

Ижевск 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Крестьянство и эволюция органов управления деревней в конце XVIII – первой половине XIX в.	29
§ 1. Сословная и этно-конфессиональная структура крестьянского населения Удмуртии.....	29
§ 2. Административно-территориальное деление и перестройка органов управления деревней.....	41
§ 3. Органы крестьянского самоуправления, их положение в структуре власти.....	58
Глава II. Фискально-попечительская и этно-конфессиональная политика государства, отношение к ней крестьянства	93
§ 1. Система крестьянских податей, сборов и повинностей.....	93
§ 2. Политика государственного патернализма.....	126
§ 3. Преобразования в сфере поземельных отношений.....	151
§ 4. Власть и нерусское крестьянство.....	178
§ 5. Социальный протест крестьянства.....	198
Заключение	240
Список сокращений	248
Список использованных источников и литературы	249
Приложения	271

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основополагающих изменений в отечественной исторической науке постсоветского периода стало обращение к крестьяноведению, понимаемому как междисциплинарная отрасль знания, связанная с необходимостью комплексного подхода к изучению крестьянства и крестьянских обществ, составляющих основу традиционной социокультурной среды. Различные аспекты взаимоотношений крестьянина с природой, обществом, государством, культурой рассматриваются крестьяноведами на стыке разных дисциплин – философской антропологии, социоантропологии, социологии, истории, этнологии, экономики. Издаются работы, освещающие как общетеоретические вопросы эволюции крестьянского общества, так и специфику отдельных исторических эпох и регионов. На этом фоне естественным выглядит обращение к проблемам власти и крестьянства Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. как одного из крестьянских сюжетов российской истории.

Мы живем в настоящем, уходящем корнями в прошлое. Поэтому «стоит помнить, что крестьяне и крестьянские дети как в прошлом, так и в настоящем представляют большинство человечества и останутся таковыми до конца нашего столетия и еще долго после»¹. В российском обществе, ставшем городским только во второй половине XX в., еще долго будет заметно его крестьянское прошлое. Крестьянство является связующим звеном отечественной истории. Взаимоотношения власти и общества в России на современном историческом этапе также имеют свои корни в крестьянском прошлом. Несмотря на то, что современное сельское население, несомненно, отличается от традиционного крестьянства, знакомство с повседневной практикой взаимодействия с государством, а также с опытом реформаторской деятельности власти в аграрной сфере на различных исторических этапах может быть полезным и сегодня.

Проблема взаимоотношений крестьянства и власти традиционно является одной из фундаментальных в исторической науке. Власть и крестьянство являлись двумя взаимовлияющими силами. Государство регулировало жизнь кре-

стьянства и воспроизводство крестьянского хозяйства через законодательство, административно-управленческую и фискально-полицейскую систему; существенное влияние на все стороны жизни крестьянства оказывали проводимые государством преобразования. В свою очередь, жизнеспособное крестьянство составляло мощный фундамент государства. Именно оно, его платежеспособность определяли уровень развития государственного организма и общественно-политической системы в целом. Государство, вынужденное использовать органы самоуправления крестьянства, не только преобразовывало их под свои, в первую очередь, фискально-полицейские интересы, но и само испытывало глубокое влияние с их стороны. Как заметила Л.В. Данилова, многовековое господство общины у подавляющей массы населения создавало ту атмосферу, в которой жило и развивалось общество: будучи общественным институтом с широкими социальными функциями, община при всем своем демократизме и коллективизме отличалась авторитарностью, жесткостью внутрigrуппового контроля, подчинения личности социуму, ориентацией на традицию и общепринятые образы. Все эти черты имели соответствующий эквивалент в организации политической власти и в целом в общественном строе².

Конец XVIII – первая половина XIX в. занимают особое место в истории России и Удмуртии. Это своего рода переломная эпоха. В «удмуртских» уездах Вятской губернии преобладающим становится русское население, резко активизируется оформление этнической чересполосицы. Хотя в своей основе крестьянское хозяйство оставалось традиционно-натуральным, в Удмуртии, как и в остальных частях страны, развитие товарно-денежных отношений, отходничества, имущественное и социальное расслоение в будущем могли привести к смене социально-экономического строя. Помимо этого, в результате политики правительства (генеральное межевание, усиление регламентации жизни деревни) экстенсивный путь развития аграрной экономики, обеспечивавший существование крестьянства, начинает давать сбои, выразившиеся в падении урожайности полей, нарастании земельного голода, сдерживании крестьянских инициатив. На конец XVIII – первую половину XIX в. приходится преобразование,

в ходе которых ярко проявлялись особенности взаимоотношений крестьянства и власти. Крестьяне Удмуртии практически не были затронуты крепостным правом в его классическом варианте, однако их можно считать феодально-зависимыми от государства, царской семьи, казенного завода. Поэтому проблема крепостничества, назревавшая в России, касалась и крестьянства Удмуртии.

Объектом исследования являются власть и крестьянство Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в. Основным представителем власти необходимо считать государство, чиновничье-бюрократический аппарат и общинные органы, включенные в систему государственного управления. Следует отметить, что администрации удела и казенных заводов принадлежали к государственным органам управления, а вотчинная администрация в конечном счете выполняла поручения государства (сбор государственных налогов, контроль за выполнением повинностей и т.д.). Предметом исследования являются основные категории крестьянства Удмуртии (государственные, удельные, помещичьи крестьяне, непременные работники, лашманы и тептяри), общинные органы самоуправления, их взаимоотношения с центральными и местными органами управления деревней, основные направления воздействия государства на крестьян и реакция последних на политику власти. Территориальные границы работы определяются Глазовским, Елабужским, Малмыжским и Сарапульским уездами Вятской губернии, которые в историографической традиции принято условно соотносить с современной территорией Удмуртии. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII в. до 1861-1866 гг. Нижняя хронологическая грань связана с началом переустройства казенной, дворцовой и приписной деревни, жители которой составляли подавляющее большинство крестьянского населения края. Верхняя – с реформами крестьянства 1860-х гг., начиная с отмены крепостного права (1861 г.) и заканчивая преобразованием 1866 г. в государственной деревне.

Проблема взаимоотношений власти и крестьянства поднималась еще в работах дореволюционных историков. Систематическое изучение крестьянства России конца XVIII – первой половины XIX в., его взаимоотношений с властью

началось в последней четверти XIX – начале XX в. Необходимо согласиться с мнением И.Д. Ковальченко, объяснявшего проявление интереса к этой проблеме обострением аграрного вопроса³. Историки народнического направления уделяли внимание крестьянству и ранее, в то время как представители традиционной официально-охранительной и либеральной историографии, в отличие от соратников-публицистов⁴, концентрировались на изучении деятельности правительственных органов и церкви.

Дореволюционная историография в большей степени обращала внимание на крепостное крестьянство и его взаимоотношения с помещиками. Историк Н.А. Рожков экономические причины отмены крепостного права усматривал в нерентабельности крепостного труда как в сфере промышленного, так и земледельческого производства. По представлениям Н. Огановского, они заключались в увеличении численности помещичьего класса и росте личных потребностей его представителей. Традицией для исследователей консервативного и либерального лагеря было рассмотрение государства как надклассовой, зачастую единственной активной действующей силы⁵.

В историографии народнического направления по широте и глубине постановки проблемы выделяются работы В.И. Семевского⁶. Он впервые использовал материалы ревизий и экономические примечания к генеральному межеванию для выяснения соотношения барщины и оброка, определения земельной обеспеченности государственных и экономических крестьян. Однако им был допущен и ряд недочетов. Например, пользуясь при отборе цифрового материала принципом средних показателей, он вывел завышенные нормы надела пашней и сенокосами, не обнаружил тенденции наступления государства во время межевания на крестьянское землепользование и землевладение.

В дореволюционной региональной историографии особо следует отметить юбилейное издание Вятского статистического комитета (авторы Н.П. Бехтерев, А. Андриевский, Н. Спасский и др.), в котором можно найти разнообразный фактический и аналитический материал по истории, экономике, административному управлению, материальной и духовной культуре крестьян-

ского края⁷. Важные данные о развитии крестьянского хозяйства Вятской губернии в XIX в., в том числе и в ее «удмуртских» уездах содержат материалы Н.Н. Романова⁸. Его демографические исследования не потеряли своей актуальности и в наши дни, более того, они, пожалуй, остаются наиболее детальными и значимыми в исследовании крестьянских переселений, динамики роста сельского населения, его этнического состава⁹. Много интересных работ вятских историков, в том числе и по аграрному развитию было опубликовано Вятской архивной комиссией, издавшей в 1905-1917 гг. более 40 томов своих «Трудов». Правда, периоду конца XVIII – первой половины XIX в. здесь не уделялось достаточного внимания, из действительно значимых работ можно отметить статью П.Н. Луппова, посвященную волнениям непреременных работников в 1807-1808 гг.¹⁰

П.Н. Луппову в региональной историографии (как дореволюционной, так и 1920-1940-х гг.) принадлежит особенное место. Именно его можно назвать первым крупным исследователем истории Удмуртии и удмуртского народа. В работах историка о формах и методах распространения христианства среди удмуртов содержатся данные о жалобах крестьян во время проводившихся в Вятской губернии сенаторских ревизий, охарактеризована община, прослежена этно-конфессиональная политика власти центрального и регионального уровней и т.д.¹¹

Значительный вклад в разработку проблемы внесли историки-этнографы конца XIX – начала XX в. И.Н. Смирнов, Г.Е. Верещагин, Н.Н. Блинов, В. Кошурников и др., много внимания уделившие характеристике удмуртской общины, по их мнению, подчеркивающей замкнутый характер жизни удмуртов. Особенно следует отметить статью Г.Е. Верещагина¹², которую В.Е. Майер назвал «единственным полным и многосторонним описанием общинного землевладения и общинной традиции удмуртов»¹³. Весь материал статьи был составлен на основе личных расспросов, бесед, наблюдений ряда лет в д. Ляльшур Сарапульского уезда (ныне Шарканский район Удмуртии). Автор проникся уважением к тому старинному стихийному строю, при котором, по его убежде-

нию, не было нищенства. Верещагиным описаны история, функции общины, условия и принципы ее существования, механизмы саморегуляции и факторы живучести. В результате эта работа выходит далеко за рамки краеведения. Данные по общине-бускель позволяют подробно рассматривать такие вопросы, как проведение схода, прием и исключение членов общины, наличие у общины общей земли, на которой она может основывать новые поселения, систематические переделы пахотной земли по жеребьевке, структура полей, соотношение общей и частной собственности и т.д. Думается, в силу консервативности общины и аграрной системы в целом, фактические данные Г.Е. Верещагина по крестьянской общине конца XIX в. вполне применимы и к первой половине века с той поправкой, что тогда кризисные явления и разложение традиционного аграрного строя были далеко не так выражены.

Следует отметить, что дореволюционные историки не выделяли отдельно в качестве объекта изучения крестьянство Удмуртии. Четыре «удмуртских» уезда Вятской губернии, разумеется, могли рассматриваться только как ее часть. Впрочем, и сегодня сложно изучать историю Удмуртии вне контекста Севера России и Урало-Поволжья. Сложившееся в историографии выделение территории четырех уездов для рассматриваемого периода во многом носит условный характер.

Общероссийская и, вслед за ней, местная историография большее внимание уделяла изучению государственного начала. Вместе с тем был накоплен значительный фактический материал, рассмотрены основные направления взаимоотношений власти с крестьянами.

После Октября 1917 г. исследователи преимущественное внимание начинают уделять истории народных масс, в том числе и крестьянства. Октябрьская революция положила начало массовому краеведческому движению в стране (которое, правда, к середине 30-х годов было подавлено). С созданием удмуртской государственности перед историками ставится задача «дать более или менее систематизированно историю Удмуртии на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономической формации»¹⁴. В частности, эта работа

осуществляется созданным в 1931 г. Удмуртским научно-исследовательским институтом. Первоначально поставленная задача решалась через приложение к уже известным фактам новой схемы. Исследователи 20–30-х гг. преувеличивали размах борьбы удмуртского крестьянства, его участие в восстаниях и крестьянских войнах, социальное расслоение удмуртской деревни, стремились показать «интенсивное» развитие капиталистических отношений на территории Удмуртии в целом и в удмуртской общине в частности. Положение о выделении удмуртской торговой буржуазии было явной данью теории «торгового капитализма» М.Н. Покровского¹⁵. Представители удмуртской интеллигенции П.В. Кильдибеков, Ф.П. Макаров, К.П. Герд и другие в 1920-х – начале 1930-х гг., занимаясь историей Удмуртии, в частности показывали отсутствие развитых товарно-денежных отношений и поляризации деревни¹⁶. В 30-е гг. они были «разоблачены» как «буржуазные националисты», «троцкистские перерожденцы» и т.п. Попытки формирующейся региональной исторической науки показать особенности удмуртской общины, отсутствие в ней непримиримых классовых противоречий, замедленные темпы ее разложения были квалифицированы как проявление буржуазного национализма.

Однако нельзя говорить о полном разгроме и утрате накопленного. Например, Н.Н. Латышев в своей монографии продолжает традицию рассмотрения политики российской власти в Удмуртии накануне реформ 1860-х гг. как колонизаторской¹⁷. Достоинством этой работы является насыщенность разнообразным конкретным материалом, добытым в архивах, правда применение его было выборочным: исследователь стремился доказать «возникновение товарно-капиталистических отношений и процессы расслоения среди удмуртского крестьянства»¹⁸. В общине удмуртов исследователь, думается, правомерно видит орудие защиты от «тяжестей колониальной политики царизма», от насильственной христианизации и русификации, средство уменьшения «влияния буржуазных отношений и связей». Однако он явно преувеличивал влияние товарно-денежных отношений на общину, превращение ее в средство обогащения «кулацкой верхушки» с помощью «феодално-крепостнических форм эксплуата-

ции». Можно согласиться с утверждением Н.Н. Латышева о естественной «ассимиляции» русским народом как одной из предпосылок втягивания удмуртов в общество с развитыми товарно-денежными отношениями, приняв во внимание медлительность этого процесса.

Значительный вклад в исследование вопросов социального протеста внесла предвоенная монография С.В. Токарева, посвященная проблеме крестьянских картофельных бунтов, прокатившихся по стране в 30-40-е гг. XIX в.¹⁹

После Великой Отечественной войны в работах историков Удмуртии расширился круг рассматриваемых вопросов истории крестьянства. Этому способствовало создание фундаментальных трудов общероссийского плана и в рамках крупных историко-географических регионов. Здесь можно назвать исследования А.С. Череваня, П.А. Колесникова, Л.В. Милова и других²⁰. Общие тенденции аграрного социально-экономического развития первой половины XIX в. в рамках становления, развития и кризиса феодально-крепостнической формации в России освещены в обобщающем труде В.И. Буганова, А.А. Преображенского и Ю.А. Тихонова²¹. Эта работа, вобравшая в себя наиболее значимые достижения советской исторической науки, думается, убедительно указывает на необходимость диалектико-формационного подхода к рассмотрению важнейших аспектов истории в целом и истории крестьянства, в частности.

История аграрных отношений в государственной деревне первой половины XIX в. (а именно к этой категории принадлежало подавляющее большинство крестьянства Удмуртии) нашла полное и всестороннее отражение в двухтомной монографии Н.М. Дружинина²². Аргументируя проблематику своего исследования, он выявил взаимоотношения между государственной властью и крестьянами (перспектива «крестьянской революции» и рост значения в условиях развития товарно-денежных отношений «планомерной эксплуатации государственных имуществ»), а также обратил внимание на историческую связь между реформой государственных крестьян 1837-1841 гг. и реформой 1861 г. Большое внимание в монографии уделяется сопротивлению вятских государст-

венных и удельных крестьян политике власти: отказ проводить выборы в волостные и сельские правления, «картофельные бунты», противодействие принудительной засыпке яровых семян в общественные хранилища, самозванство («великий князь Константин»). В работе прослежено положение государственных крестьян Вятской губернии перед реформой П.Д. Киселева и после нее. В частности, Н.М. Дружинин отмечает весьма слабое влияние реформы на вятских крестьян и незначительное развитие земледелия у северных удмуртов, занимающихся почти исключительно звероловством и лесными промыслами. С последним утверждением нельзя согласиться: в Вятской губернии именно удмурты считались лучшими земледельцами.

Податная политика самодержавия по отношению к крестьянам Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. исчерпывающе освещена в труде В.И. Неупкоева²³. Им отмечено усиленное развитие сословно-податного начала в общественном строе страны, в чем исследователь видел «ответ феодально-абсолютистского государства на уже далеко зашедший процесс распада старых, «классических» форм феодального хозяйства и соответствующих им общественных связей»²⁴.

Исследования Н.П. Ерошкина и П.А. Зайончковского, посвященные развитию органов государственной власти, раскрывают и некоторые проблемы их взаимоотношений с крестьянством²⁵. Изыскания В.М. Кабузана внесли значимый вклад в выявление общей численности, этнического состава и размещения населения России XVIII – первой половины XIX вв.²⁶

Фундаментальная монография П.А. Колесникова, осветившая процессы заселения и земледельческого освоения европейского севера России, развития аграрной культуры и производства, имущественного и социального положения различных категорий северных крестьян за период XV – первой половины XIX вв., охватила своими наблюдениями и русскую деревню Вятского края, введя в научный оборот огромный, до этого мало используемый материал²⁷. Историк, например, отмечает, что кризис государственной деревни в первой половине XIX в., в частности выразившийся в снижении урожайности, особен-

но проявился в вятских уездах, бывших в XVII – XVIII вв. основными поставщиками хлеба в Поморье и Сибирь. Заслуживает внимания разработанная им классификация крестьянского землевладения и землепользования.

Определенное место история Удмуртии, ее крестьянства, взаимоотношений с властью нашла отражение в обобщающих изданиях, вышедших в свет в конце 80-х – начале 90-х гг. Академическое издание «История Урала с древнейших времен до 1861 г.» впервые содержало не характерные для предыдущих изданий разделы «Народы Урала», в рамках обзоров состояния сельского хозяйства, сословной структуры общества и проявлений социального протеста получили освещение политика государства по отношению к крестьянству и ответная реакция на нее²⁸. Взаимоотношения российского абсолютизма с крестьянами, обязанности последних перед государством, классовая борьба крестьянства, а также некоторые аспекты аграрных отношений в Удмуртии отражены в соответствующих томах двух крупных исследований по истории российского крестьянства²⁹. Особенности социальной структуры северной части края рассмотрены в региональной истории северного крестьянства³⁰. Ряд положений крупного коллективного исследования, посвященного сибирскому крестьянству эпохи феодализма, вполне применимы и к удмуртским крестьянам³¹.

Советские историки в своих исследованиях справедливо отмечали негативную роль генерального межевания, приведшего к падению рентабельности традиционного трехполья, сочетавшегося с подсекой и перелогом. В целом можно отметить выросший в 1950-е – 1980-е гг. уровень разработанности проблем аграрного развития. Публикуемые исследования целого ряда ученых отличаются полнотой освещения вопросов как общего развития крестьянства России, так и отдельных регионов и хозяйственных отраслей.

Крестьянство Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. – крестьянство общинное, поэтому актуально обращение к системе крестьянского самоуправления. В советской историографии недостаточная изученность этой проблемы вырисовалась в середине 1960-х гг. в ходе очередной дискуссии об

азиатском способе производства^{*}, которая затем перекинулась на русскую общину. Полемика охватила тогда всю проблематику истории общины как социального института: происхождение, внутренняя организация, характер и роль в жизни общества. Для большинства участников дискуссии община – это форма самоорганизации сельского населения, возникшая естественно-исторически и необходимая на определенной ступени развития; община сохранялась там, где сохранялись докапиталистические условия с натуральным хозяйством, семейным характером производства непосредственных производителей, корпоративностью общественной структуры и т.п. Среди российских историков-аграрников давно шли споры о происхождении общины: издавна ли она существовала или это новообразование крепостничества? В основе старых споров лежало характерное сведение принципов общины к обязательной уравнительности наделов, сословной замкнутости и круговой поруке, а следовательно, трактовка общины как именно поземельной организации. В результате же дискуссии община стала пониматься глубже – не только как поземельная (и шире – социально-экономическая) организация, но и как организация местного самоуправления, сохранявшая демократические начала, даже будучи интегрированной в систему государственного управления. К таким выводам историков власть предрержащие не были готовы, поэтому уже в начале 1970-х гг. дискуссия в приказном порядке была прекращена³². В целом общие выводы этой дискуссии могут быть применимы к общине Удмуртии. Сохраняют также свое значение труды В.А. Александрова, посвященные крестьянской общине XVII – начала XIX вв. – органу самоуправления и низшей административно-управленческой ячейке власти³³. Вопросы крестьянского самоуправления, административно-фискальной роли общины, ее функций «противовеса» господствующей политической организации нашли отражение в работах М.М. Громько, В.В. Рабцевич и Н.А. Миненко³⁴.

С рубежа 1980 – 1990-х гг. в освещении истории крестьянства начинается новый этап, характеризующийся ревизией ряда основополагающих марксист-

---

^{*} Первая дискуссия, затрагивавшая проблему «азиатского способа производства», проходила в 1930-е гг.

ских схем рассмотрения проблемы. По словам М.П. Польского, «в изучении истории крестьянства, аграрного развития страны грех историков в общем велик. Мы долго и обильно загружали трюмы историографии... не только полезной поклажей, но – даже не балластом – шлаком»³⁵. Наиболее изученными для советского периода отечественной историографии можно считать вопросы открытого противостояния крестьянства «эксплуататорам», которое зачастую явно преувеличивалось. Кроме того, важнейшим недостатком историков-марксистов была трактовка крестьянства как «формационной пережиточности», «вечно разлагающейся общности первобытной формации»³⁶. Большую роль в пересмотре позиций сыграл теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития», материалы которого публиковались на страницах журнала «Отечественная история»³⁷. Здесь историки-аграрники обсуждали исследования западных ученых, применимость положений «этики существования» Дж. Скотта, «этики праздности» Р. Сиви, принципа «эпистемиологической двойственности» крестьянства Р. Редфилда и др. к изучению дореволюционного российского крестьянства³⁸. Следует отметить, что советская историография знакомилась с основными направлениями западной социоантропологии и крестьяноведения еще с начала 1980-х гг. Однако в основном это знакомство сводилось к критике построений зарубежных исследователей³⁹. Теперь же началось плодотворное восприятие и использование зарубежного опыта. Так, «климатическую» теорию Л.В. Милова, развиваемую им в 1990-е гг.^{*}, можно предположить, предвосхитили не только построения отечественных историков, начиная с В.О. Ключевского, но и, например, размышления американского исследователя Р. Пайпса, увидевшего корни советского тоталитаризма XX в. в предыдущем развитии российского государства и общества, обусловленном земледелием в неблагоприятных природных условиях⁴⁰.

Важным достижением работ зарубежных исследователей о России, русском государстве, обществе и его части – крестьянстве следует считать обра-

---

* Согласно этой теории весь исторический путь, пройденный Российским государством, в конечном счете был определен неблагоприятными условиями для сельского хозяйства, которые «закалили» великорусский народ

щение к этим вопросам в рамках значительных исторических периодов. Это позволяет, правда, довольно поверхностно проследить основные изменения этноконфессиональной, имущественной, социально-политической ситуации, отметить существенные стороны политики правительства и реакцию на них подданных на различных временных отрезках⁴¹. Поэтому использование наблюдений и выводов иностранных авторов должно быть отнесено к положительному моменту развития современной историографии истории крестьянства.

Еще одним позитивным явлением нового периода стало обращение к трудам основателей крестьяноведения – отечественным ученым первой трети XX в. А.А. Рыбникову, Н.Д. Кондратьеву, Н.П. Макарову, А.В. Чаянову, Д.Н. Челинцеву и др. С конца 1980-х гг. в России крестьяноведение возрождается как самостоятельная отрасль исторической науки, использующая достижения экономики, социоантропологии, этнографии. В 1990-е – начале 2000-х гг. появился ряд изданий, служащих своего рода энциклопедиями современного крестьяноведения⁴².

В свете современных концепций истории крестьянства В.П. Данилов, Л.В. Данилова, Л.В. Милов, А.В. Гордон, А.П. Корелин, В.В. Бабашкин, В.А. Бердинских, В.П. Агафонов, О.Н. Полухин, Е.С. Троицкий и др. размышляют о проблемах голода, дуализма сельской соседской общины, аграрных традициях и новациях, менталитете крестьянства и т.д.⁴³ Б.Н. Миронов в своем эпохальном труде, посвященном социальной истории России имперского периода, значительное внимание уделяет проблеме крестьянства и власти⁴⁴. В частности, следует отметить его данные о социально-демографическом составе крестьянства и влиянии на него государства, выделенные им признаки, при наличии которых можно судить о действительном самоуправлении, наблюдения о месте и роли представителей органов самоуправления.

Из работ, непосредственно касающихся крестьянства Вятского края и Удмуртии как его составной части, необходимо отметить исследования А.В. Эммаусского по социально-экономическому и политическому развитию края в целом и труды Б.Г. Плющевского, посвященные вопросам социально-

экономической истории Удмуртии и хозяйственному развитию вятской государственной деревни в первой половине XIX в.⁴⁵ Последний отмечает проникновение товарно-денежных отношений в хозяйство государственных крестьян, развитие торговли, «известную роль внеземледельческих приработков» (но при этом он указывает на их значительно меньшую роль в первой половине XIX в. и даже в середине его, чем в последующий период), зависимость их развития в большей степени от преобладания денежной ренты, натуральное в основе своей хозяйство вятских крестьян. Можно согласиться с утверждением Б.Г. Плющевского о том, что «в смысле организации управления, размера и порядка взимания подати и отбывания натуральных повинностей, удмурты, татары и марийцы ничем не отличались от русской части «казенной деревни»⁴⁶. Однако эти народности подвергались дополнительным формам эксплуатации, не предусмотренным законодательством, но весьма обременительным (необходимость откупаться от преследований православного духовенства и чиновничества, попытки запрета некоторых традиционных обычаев и т.д.). Необходимо отметить книгу А.А. Александрова, посвященную истории Ижевского завода, в которой он уделяет значительное внимание такой крупной категории крестьянства, выполняющей вспомогательные заводские работы и фактически являющейся крепостной собственностью казенного предприятия, как неперенные работники⁴⁷.

Процессы капитализации деревни, социального расслоения крестьянства, классовой борьбы, аграрных отношений в Вятской губернии и на территории «удмуртских» уездов во второй половине XIX – начале XX в. получили детальное отражение в трудах А.А. Александрова, А.Н. Вахрушева, М.М. Мартыновой, М.А. Садакова, Н.П. Лигенко⁴⁸. Конфессиональная политика государства по отношению к крестьянам Удмуртии изучалась Ю.М. Ивониным⁴⁹.

Значительное освещение проблема крестьянства и власти в Удмуртии конца XV – первой половины XIX в. получила в исследованиях М.В. Гришкиной, опирающейся на максимальный спектр предыдущих работ и широкий круг источников⁵⁰. Она является автором соответствующих разделов коллективной

монографии по истории Удмуртии, вышедшей в 2004 г. В них в сочетании традиционного изложения материала и современных теорий крестьяноведения систематизированы и обобщены знания о крестьянском населении, землевладении и землепользовании, раскрыты основные направления административной и этно-конфессиональной политики государства по отношению к удмуртскому крестьянству, уделено внимание роли традиций и инноваций в хозяйстве сельского населения края, влиянию на них со стороны органов власти⁵¹.

К постсоветскому периоду относятся региональные исследования И.С. Гареева, Н.А. Миненко, В.Е. Мусихина, Г.А. Никитиной, Г.И. Обуховой, И.В. Чемоданова, Р.Б. Шайхисламова, Л.А. Тоймасова и других ученых, чьи работы посвящены различным вопросам истории крестьянства Урало-Поволжья и Сибири, таким как взаимоотношения нерусского крестьянства со светской и духовной властью, характерные черты местной общины, в частности, особенности удмуртской общины – бускель, земельные отношения, отношение крестьян к местной бюрократии, особенности различных крестьянских категорий и т.д.⁵² Изыскания Л.В. Мерзляковой впервые дают подробный социально-политический портрет вятского чиновничества первой половины XIX в., основного проводника политики государственной власти на местах, диссертационные работы Е.М. Берестовой и А.М. Субботиной раскрывают ранее мало затрагиваемые проблемы социально-просветительской деятельности православной церкви и земства во второй половине XIX в. в Удмуртии⁵³. Некоторые аспекты взаимоотношений власти с крестьянством Удмуртии в рамках изучения земледельческой и религиозной культуры удмуртского народа отражены в монографиях историко-этнографического характера Л.А. Волковой и В.Е. Владыкина⁵⁴. Особо следует отметить труды Н.С. Половинкина и П.П. Котова, посвященные удельным крестьянам Среднего Поволжья, Приуралья и Севера, Р.Р. Хайрутдинова по управлению государственной деревней Казанской губернии накануне реформы 1837-1841 гг., С.С. Смирнова, в числе прочего касающегося непрременных работников Камских заводов⁵⁵. Данные исследования в значительной степени продолжают придерживаться формационного подхода,

углубляя и дополняя его современными представлениями о крестьянстве и особенностях политического и социально-экономического строя Российского государства и общества на различных исторических этапах.

Необходимо отметить, что специальной работы по проблеме власти и крестьянства Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. нет. В удмуртской историографии большее внимание уделялось пореформенному крестьянству. Существующие работы в основном рассматривают социально-экономическое развитие деревни интересующего нас периода, в основном изучая по отдельности различные категории крестьянства, отсутствует целостное представление о всей совокупности многообразного предреформенного крестьянства Удмуртии, его взаимоотношениях с властью. Было бы в корне неверно отказываться от теоретико-фактического наследия предшествующей историографии, вместе с тем его нужно дополнять современными аграрными историческими концепциями. Весьма важно обращение к ментальности основных действующих лиц эпохи, в частности, к изучению представлений крестьянства и лиц, управляющих ими, друг о друге. Необходимо восполнить наши знания о наиболее значимых сторонах взаимоотношений удмуртского крестьянина с государством.

Целью диссертации является комплексное изучение основных сторон взаимоотношений власти и крестьянства Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- проследить развитие основных характеристик (численность, этноконфессиональная принадлежность, сословная структура) крестьянского населения;
- раскрыть особенности административно-территориального деления в их динамике, развитие органов государственного управления крестьянством;
- выявить ключевые функции органов крестьянского самоуправления, их эволюцию и положение в структуре власти;
- рассмотреть совокупность крестьянских податей, сборов и повинностей;

- изучить проявления патерналистской политики государства по отношению к крестьянству;
- исследовать наиболее важные земельные преобразования и их значение для отдельных категорий крестьянства и правящих групп;
- проанализировать этно-конфессиональную политику власти по отношению к нерусскому крестьянству;
- выявить и систематизировать факты проявления крестьянского недовольства, определить их основные причины и последствия.

В методологическом плане настоящее диссертационное исследование исходит из принципов системности, детерминизма, объективности и историзма в оценке взаимоотношений крестьянства и власти в их многообразии. Данные принципы подразумевают многофакторный подход в оценке событий и явлений, включение в сферу исследования совокупности экономических, социальных, политических, правовых, культурных аспектов истории взаимоотношений государства и крестьянства на основе привлечения широкого круга разнотипных источников. Основной методологической системой в изучении темы можно считать формационный подход в сочетании с некоторой цивилизационной спецификой объекта и предмета исследования и общего для всего традиционного крестьянства восприятия власти как составной части мировосприятия и адекватного реагирования. В работе использованы специально-исторические и общенаучные методы в их комплексе: сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-системный, социометрический, статический, динамический, дедукции и индукции, анализа и синтеза. Удельный вес каждого определяется исследовательскими задачами, а также характером источниковой базы.

Источниковую базу исследования составляет комплекс опубликованных и неопубликованных источников. К первой группе относятся законодательные акты, справочно-статистические издания и материалы периодической печати, ко второй – архивные документы.

Необходимые сведения по проблеме крестьянства и власти содержат опубликованные источники. Среди них следует выделить законодательные акты первой половины XIX в. Автор обращался к Своду законов Российской империи и обзору «узаконений, правил и прочих сведений» по государственному межеванию, подготовленному Н.А. Ермаковым. Законодательству рассматриваемого периода посвящен шестой том современного фундаментального издания документов российского права X-XX вв.⁵⁶

В 1992 г. вышел сборник документов и материалов, подготовленный Н.С. Половинкиным, который был посвящен дворцовой (удельной) деревне Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XVI – первой половине XIX вв.⁵⁷ Важным источником являются работы, изданные в интересующее нас время. Они содержат не только любопытные фактические данные, но зачастую и оценки их современниками⁵⁸. В 2000 г. изданы сразу две большие книги справочного характера – это «Энциклопедия» и «Справочник-указатель» по православным храмам Удмуртии⁵⁹. Они значительно облегчили поиск источникового материала, а также сами послужили таковым. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии в 1917-1991 гг. содержит некоторую информацию о дооктябрьском этапе истории края⁶⁰.

Среди периодических изданий, материалы которых послужили источником для написания исследования, следует отметить «Вятские губернские ведомости», являвшиеся в рассматриваемое время единственной газетой огромной губернии. Ведомости издавались по официальному заказу губернского правления с 1838 г. и служили далеко не в последнюю очередь источником информации для местных органов управления вплоть до волостных правлений. По газете можно проследить перемещения чиновников, управляющих крестьянами, основные постановления губернской и центральной власти, здесь публиковались объявления о проводимых торгах на сдачу в аренду казенных оброчных статей, подряды, заказываемые для губернских, уездных и волостных органов управления, расписания земских повинностей на трехлетия и т.д. В так называемой «неофициальной части» газеты выпускались статьи, описывающие уез-

ды губернии, быт и обычаи проживающих в них народов, существенное внимание уделялось публикации полезных советов для крестьянского хозяйства⁶¹. В «Вятских епархиальных ведомостях» и «Календарях и памятных книжках Вятской губернии», издававшихся уже в пореформенную эпоху, печатались статьи, затрагивавшие события дореформенного периода⁶².

Важнейшим источником, без которого создание целостной картины взаимоотношений власти и крестьянства в конце XVIII – первой половине XIX в. невозможно, являются использованные в исследовании архивные материалы. Это фонды Российского государственного архива древних актов (г. Москва), Российского государственного исторического архива (г. С.-Петербург), Государственного архива Кировской области (г. Киров), Центрального государственного архива Удмуртской республики (г. Ижевск) и Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук (г. Ижевск).

Значительным фактическим материалом, касающимся различных сторон управления основным податным сословием, обладают фонды центральных государственных учреждений дореволюционной России, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве. Привлечены источники Первого департамента Министерства государственных имуществ, департамента земледелия Министерства земледелия и Главного управления уделов, а также, в меньшей степени, дела департамента государственных имуществ Министерства финансов, горного департамента Министерства торговли и промышленности, Комитета министров, Департамента полиции исполнительной, I департамента Сената и Министерства юстиции⁶³.

В Российском государственном архиве древних актов изучались важные документы, касающиеся проведения генерального и специального межеваний в Вятской губернии, а также готовые планы обмежеванных участков⁶⁴. Помимо этого можно отметить доклад о внутреннем состоянии России на рубеже XVIII-XIX вв. по итогам сенаторских ревизий, в котором, в числе прочего, имеются материалы о ревизиях Вятской губернии 1802 и 1808 гг.⁶⁵

Значимым комплексом самого разнообразного материала по рассматриваемой проблеме располагает Государственный архив Кировской области. В фондах губернских учреждений находятся материалы ревизий, отчеты губернаторов и управляющих губернскими органами, крестьянские челобитные, служебная переписка местных, губернских и столичных ведомств⁶⁶. В этих же фондах содержатся сведения из уездов, волостей и приказов, послужившие основой для бюрократических отчетов и донесений, текущая документация (волостного, уездного и губернского уровней) по повседневному управлению, контролю, сбору налогов, отработке повинностей, сведения о различных происшествиях (эпидемии, преступления, факты неповиновения) и т.д. Уникальные материалы включает фонд Вятского губернского статистического комитета⁶⁷. В частности, в его «описаниях» уездов губернии имеются представительные данные об их населении (численность, сословия и категории, этническая и религиозная принадлежность), населенных пунктах, путях сообщения, основных занятиях жителей, податях, повинностях и сборах, торговле, быте, обычаях и нравах народов, природных условиях и т.д.⁶⁸

Дела, хранящиеся в фонде Мостовинского удельного отделения, представляют собой приговоры сходов удельных крестьян, судящих своих однообщинников. К сожалению, они весьма немногочисленны и отрывочны⁶⁹.

Судебно-следственные дела Глазовского и Сарапульского уездных судов, хранящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской республики, – важный источник по многим сторонам взаимоотношений крестьянства и власти, особенно отчетливо по ним прослеживаются проявления крестьянского недовольства и сопротивления, поземельные отношения, практика функционирования органов крестьянского самоуправления⁷⁰. Обыденная работа низшего фискального органа государства, а также сведения о количестве крестьян, разделении их на различные категории, особенностях несения податных обязанностей отражены в фонде Глазовского уездного казначейства этого же архива⁷¹. Положение непрременных работников фиксируется в делах фонда Ижевского завода⁷². Деятельность духовной власти на местах, конфессиональная политика

и религиозное состояние крестьянства раскрываются в делах Сарапульского духовного правления⁷³. Отдельно можно отметить одно дело, также хранящееся в государственном архиве Удмуртии, которое представляет собой выдержки из материалов фондов Российского государственного исторического архива⁷⁴. Данный источник отражает существенные стороны взаимоотношений крестьянства и власти в Удмуртии, в первую очередь, проявления открытого крестьянского недовольства.

Ряд дел, хранящихся в рукописном фонде Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, являются материалами, собранными и проработанными П.Н. Лупповым и Н.Н. Латышевым в региональных и столичных архивах⁷⁵. Тематика их обширна и разнообразна, но наиболее представлены документы, касающиеся социально-экономического положения непременных работников Ижевского и Камско-Воткинского казенных заводов, крестьянских выступлений против власти, политики правительства по отношению к нерусскому крестьянству, в частности, в кумышечном вопросе. Некоторые записи ученых являются их размышлениями и выводами. В «тетрадах» Н.Н. Латышева, изучавшего историю крестьянства Удмуртии через характерный для советских историков 1930-1950-х гг. ракурс классовой борьбы и колониальной политики царизма, многие выводы выглядят явно натянутыми. Так, например, слухи, играющие и без того достаточно важную роль и могущие поднять на открытое сопротивление, превращены у исследователя в случаи открытой агитации со стороны наиболее сознательных крестьян⁷⁶. Наказание же палками и розгами 21 из более чем тысячи глазовских крестьян, принявших участие в картофельном бунте 1842 г., превратилось по Латышеву в «поголовную порку»⁷⁷. Несмотря на эти моменты, нельзя не признать всю значимость проделанной исследователями работы.

Данная диссертация представляет собой комплексное исследование проблемы взаимоотношений власти и крестьянства Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. Новизна работы состоит в том, что на основе обобщения

достижений предшествующей историографии и привлечения широкого круга источников создана относительно целостная картина борьбы и сотрудничества двух наиболее значительных сил отечественной истории на материалах региона, своеобразного в этническом, конфессиональном и сословном составе сельского населения, в его взаимоотношениях с властью. Ряд источников вводится в научный оборот впервые. Исправлены отдельные фактические ошибки, фигурировавшие в предыдущих исследованиях, уточнены некоторые факты истории крестьянства и местных органов управления Удмуртии.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования ее результатов в дальнейших научных исследованиях по проблемам крестьянства и власти, при создании обобщающих и специальных работ, учебных курсов по истории Удмуртии, Вятской губернии, Урало-Поволжья и в целом России первой половины XIX в. Полученные результаты применимы и в смежных дисциплинах, в частности, в политологии, социологии, этнографии. Содержащиеся в исследовании обобщения и выводы могут послужить примерами неэффективности излишнего вмешательства власти в жизнь народа, с одной стороны, и необходимости постепенных, а самое главное, обдуманых реформ – с другой.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и источников, трех приложений.

¹ Шанин Т. Понятие крестьянства. // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.19.

² Данилова Л.В. Крестьянство и государство в дореформенной России. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. Москва-Тамбов, 1996. С.36.

³ Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959. С.6.

⁴ См., например: Панаев В.А. Общинное землевладение и крестьянский вопрос. Собрание брошюр и статей. СПб., 1881.

⁵ Ковальченко И.Д. Указ. соч. С.6-8.

⁶ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. В 2-х тт. СПб., 1888.

⁷ Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Вятка, 1880. Т.1. Вятка, 1881. Т.2.

⁸ Романов Н.Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. Вып.1.

⁹ Его же. Переселения крестьян Вятской губернии. Вятка, 1880.; его же. Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие. // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.739-818.

¹⁰ Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.103-115.

- ¹¹ Его же. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911; его же. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб., 1899; его же. Взгляд императора Николая I на меры к утверждению вотяков в христианстве. Вятка, 1906; Вятские епархиальные ведомости. 1906. №36. С.1371-1383; №37. С.1415-1429.
- ¹² Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. // Собрание сочинений: В 6 т. Ижевск, 1997. Т.3. Кн.1. С.63-122.
- ¹³ Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Сб. статей. Ижевск, 1981. С.39.
- ¹⁴ Цит. по: Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск, 1994. С.12.
- ¹⁵ Там же. С.13.
- ¹⁶ Кильдибеков П.В., Макаров Ф.П. История классово-борьбы в Удмуртии. Ижевск, 1933; Макаров Ф.П. Феодально-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1935.
- ¹⁷ Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939.
- ¹⁸ Цит. по: Латышев Н.Н. Указ. соч. С.1.
- ¹⁹ Токарев С.В. Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939.
- ²⁰ Черевань А.С. Формирование сословия государственных крестьян на Урале и Европейском Севере. Петрозаводск, 1960; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976; Милов Л.В. Исследования об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.
- ²¹ Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М., 1980.
- ²² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М., Л., 1946. Т.1. М., 1958. Т.2.
- ²³ Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. М., 1987.
- ²⁴ Цит. по: Неупокоев В.И. Указ. соч. С.3.
- ²⁵ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; его же. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX в.). М., 1981; его же. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800-1860 гг.). М., 1985 (1986); Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- ²⁶ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971; его же. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; его же. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992.
- ²⁷ Колесников П.А. Указ. соч.
- ²⁸ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
- ²⁹ История крестьянства СССР. М., 1990; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. Т.3.
- ³⁰ История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т.1.
- ³¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
- ³² Современные концепции аграрного развития. // Отечественная история. 1994. №6. С.3-5.
- ³³ Александров В.А. Обычное право в крепостной деревне России XVIII – начала XIX в. М., 1984; его же. Сельская община в России. (XVII – начало XIX вв.). М., 1976; его же. Сельская община и вотчина в России (XVII – начало XIX в.). // Исторические записки. М., 1972. Т.89. С.231-294.
- ³⁴ Громько М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.). // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С.33-103; Рабцевич В.В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775-1825 гг.). // Там же. С.126-150; Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991.
- ³⁵ Цит. по: Отечественная история. 1992. №3. С.176.
- ³⁶ Современные концепции аграрного развития. // Отечественная история. 1994. №6. С.18.
- ³⁷ Современные концепции аграрного развития. // Отечественная история. 1994. №2. С.31-59. №4-5. С.46-78. №6. С.3-32. 1995. №4. С.3-33; Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1999. С. 280-288.
- ³⁸ См.: Современные концепции аграрного развития. // Отечественная история. 1992. №5; 1995. №4; 1994. №6.
- ³⁹ Гордон А.В. Можно ли модернизировать концепцию модернизации? // Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М., 1981. С.5-31; Старостин Б.Г. Концепции «традиционного общества» в западной социологии. // Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М., 1981. С.32-79; Гордон А.В., Старостин Б.С. Личность и социализация в теориях модернизации. // Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М., 1981. С.225-273; Фурсов А.И. Модели «частичного» крестьянина: «рациональный крестьянин» и «религиозный крестьянин». // Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. Реферативный сборник. М., 1986. Вып.1. С.186-267; его же. Модель «целостного» крестьянина и ее основные противоречия: «морально-экономический крестьянин» // Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. Реферативный сборник. М., 1986. Вып.1. С.41-185; его же. Современный этап изучения крестьянства в немарксистских исследованиях

азиатских обществ. // Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. Реферативный сборник. М., 1986. Вып.1. С.5-40; его же. «Традиционное общество» или «мировая экономика»? Конфликтующие парадигмы развития азиатских обществ в новое и новейшее время. // Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М., 1981. С.80-141.

⁴⁰ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

⁴¹ См., например: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000; Пайпс Р. Указ. соч.; Большакова О.В. Мун Д. Русское крестьянство 1600-1930: Мир, который создали крестьяне. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.5, История: РЖ. М., 2002. С.32-39; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск, 2000.

⁴² Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992; Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.

⁴³ Гордон А.В. Пореформенная российская деревня в цивилизационном аспекте (размышления о постановке вопроса). // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002. С.141-160; его же. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С.57-74; Данилова Л.В. Крестьянство и государство в дореформенной России. // Крестьяне и власть: Материалы конф. Москва-Тамбов, 1996. С.24-37; ее же. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия. // Административные реформы в России в XVIII-XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М., 1990. С.40-92; Захаров А.В. Народные образы власти. // Полис. 1998. №1. С.23-35; Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002; Полухин О.Н. Таинственный путь гражданственности: крестьянское наследие. Белгород, 2000; Бабашкин В.В. Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития. // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С.84-94; его же. Крестьянский менталитет: наследие России царской и России коммунистической. // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С.99-110; Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001; Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997; Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001.

⁴⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). В 2-х тт. СПб., 2000.

⁴⁵ Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996; его же. Разложение крепостничества и отмена крепостного права в Вятской губернии. // К вопросу о формировании капитализма в России. Сб. статей. Киров, 1974. С.3-116; Плющевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып.17. С.128-160; его же. К вопросу о социально-экономическом развитии Удмуртии в последние предреформенные десятилетия. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Сб. статей. Ижевск, 1981. С.3-35.

⁴⁶ Цит. по: Плющевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып.17. С.138-139.

⁴⁷ Александров А.А. Ижевский завод. Ижевск, 1957.

⁴⁸ Александров А.А. Буржуазные реформы 60-70-х гг. XIX в. // Очерки истории Удмуртии XIX в. Материалы по истории Удмуртии. Ижевск, 1996. Вып.3. С.82-140; Вахрушев А.Н. Социально-экономическое положение крестьян Удмуртии в пореформенное время и развитие капиталистического производства в деревне. // Очерки истории Удмуртии XIX в. Материалы по истории Удмуртии. Ижевск, 1996. Вып.3. С.141-157; Мартынова М.М. Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1970. 21 с.; ее же. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века. // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. Ижевск, 1981. С.3-44; Садаков М.А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.). // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск: УдНИИ, 1974. Вып.2. С.91-196; Лигенко Н.П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991.

⁴⁹ Ивонин Ю.М. Христианство в Удмуртии: История и современность. Ижевск, 1987.

⁵⁰ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977; ее же. Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск, 1994; ее же. Удмурты: Этюды из истории IX – XIX вв. Ижевск, 1994; ее же. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Екатеринбург, 1995; ее же. Мултанский пролог. // Мултанское дело: история и современность. Ижевск, 2000. С.20-27; ее же. Христианизация как направление государственной политики по отношению к нерусским народам. // Христианство в истории и культуре Удмуртии: Материалы республиканской научно-практической конференции. Ижевск, 2000. С.5-8; ее же. The Evolution of the State Policy as Regards the Udmurts in the 17th Century and up till about 1850. // KVHAA Konferenser. Stockholm, 1997. P.95-100.

⁵¹ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004.

⁵² Гареев И.С. Марийские крестьяне Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX века: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1999; Миненко Н.А. Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 1994.

№ 1. С.43-52; Мусихин В.Е. Вятские губернаторы. // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы IV научно-практической конференции (К столетию со дня рождения профессора А.В. Эммаусского). Киров, 1999. С.64-65; его же. Вятская деревня: история и современность. Киров, 1996; Никитина Г.А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861-1900 гг.). Ижевск, 1993; Обухова Г.И. Участие зажиточного крестьянства в подрядах на поставку продовольствия Камско-Воткинскому заводу в первой половине XIX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2000. С.63-67; Чемоданов И.В. Земельные угодья вятских крестьян в середине XIX в. // Актуальные проблемы истории: Сб. науч. статей. Киров, 2001. С.24-50; его же. О структуре крестьянской общины на Вятке в середине XIX в. // Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории. Киров, 2000. С.4-8; Шайхисламов Р.Б. Население государственной деревни дореформенной Башкирии. Уфа, 1994; Тоймасов Л.А. Опыты христианского просвещения нерусского крестьянства Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Проблемы аграрной истории Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С.127-136; его же. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004.

⁵³ Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 1997; ее же. Из истории формирования государственного аппарата Вятской губернии в первой половине XIX в. // Очерки истории Удмуртии XIX в. Ижевск, 1996. С.9-31; Берестова Е.М. Социально-культурная деятельность православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2002; Субботина А.М. Земство в Удмуртии (1867-1918 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2000.

⁵⁴ Волкова Л.А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск, 2003; Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира у удмуртов. Ижевск, 1994.

⁵⁵ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996; его же. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992; Котов П.П. Материалы об общественной запашке в удельной деревне Вятской губернии. // Теория и методика краеведения в образовательных учреждениях. Материалы региональной научно-практической конференции. Киров, 2000. С.59-60; его же. Удельные крестьяне Севера, 1797-1863 гг. Сыктывкар, 1991; Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX в.). Казань, 2002; Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в.: Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Челябинск, 1995.

⁵⁶ Свод законов Российской империи. Изд. 1842 г. СПб., 1842; Ермаков Н.А. О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений. М., 1854; Российское законодательство X – XX вв. Т.6. Законодательство первой половины XIX в. М., 1988.

⁵⁷ Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.): Сборник материалов и документов по спецкурсу и спецсеминару. Тюмень, 1992.

⁵⁸ См., например: Барановский Н.С. Вятская очередная выставка сельских произведений в 1858 г. Вятка, 1859; Выписка наставлений и приказаний, данных гг. сенаторами при осмотре Вятской губернии в марте 1800 г. Вятка, 1800; Вятская история с подробным описанием иерархии и нынешнего состояния г. Вятки и губернии Вятской. Учinenная в 1825 г. Рукопись. Вятка, 1830; Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Вятка, 1880. Т.1. Вятка, 1881. Т.2; Шестаков В. Глазовский уезд, историко-экономический очерк. // Вестник императорского русского географического общества. Т. XXVI. Кн. 7, 8. 1859.

⁵⁹ Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель по документам Центрального госархива Удмуртской Республики. Ижевск, 2000; Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000.

⁶⁰ Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917 – 1991 гг. Ижевск, 1995. С.3, 11-24.

⁶¹ ВГВ. 1838-1859 гг.

⁶² См., например: Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 20; Календари и памятные книжки Вятской губернии на 1857, 1860, 1870, 1873, 1894, 1912 гг.

⁶³ РГИА, соответственно: ф.383, 398, 515; ф.379, оп.1, д.1290, ф.37, оп.16, д. 156, ф.1263, оп.1, ж.ст.183, д.978, ф.1286, оп.4, д.306, ф.1341, оп.9, д.1862, ф.1405, оп.39, д.1413.

⁶⁴ РГАДА, ф.1306, оп.2; ф.1354, оп.99- Глазовский уезд, оп.103- Малмыжский уезд.

⁶⁵ РГАДА, ф.1292, оп.1, д.207, л.46-46об., 73-75об.

⁶⁶ ГАКО, ф.582, 583, 575, 176.

⁶⁷ ГАКО, ф.574.

⁶⁸ См., например: ГАКО, ф.574, оп.1, д.12.

⁶⁹ ГАКО, ф.1272.

⁷⁰ ЦГА УР, ф.126, 241.

⁷¹ ЦГА УР, ф.91.

⁷² ЦГА УР, ф.4.

⁷³ ЦГА УР, ф.245.

⁷⁴ ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.133.

⁷⁵ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.5, 8, 9, 24, 32, 45, 60, 63, 464, 468, 469, 673, 946.

⁷⁶ См.: НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.169-173.

⁷⁷ См. соответственно: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.679, л.200 и НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.177.

ГЛАВА I. КРЕСТЬЯНСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ДЕРЕВНЕЙ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Сословная и этно-конфессиональная структура крестьянского населения Удмуртии

Конец XVIII – первая половина XIX в. явились временем, когда сельское население четырех вятских уездов, более 60 % территории которых впоследствии составили современную нам Удмуртию, претерпевало серьезные изменения. Наиболее заметным из этих изменений был его численный прирост. Население Удмуртии росло быстрыми темпами за счет интенсивного переселения крестьян из других уездов Вятской губернии. С большой долей вероятности можно утверждать, что общая численность жителей края, в большинстве являющихся крестьянами, с порядка 300 тыс. в конце XVIII в. увеличилась к 1850 г. почти в 2,5 раза и составила более 700 тыс. человек¹. О соотношении сельского и городского населения можно, например, судить по губернаторскому отчету за 1846 г., по данным которого в Малмыжском, Сарапульском, Елабужском и Глазовском уездах в деревне проживали 520.840 человек (97,7 %), а в 4 уездных городах – 12.435 (2,3 %)². Правда, необходимо уточнить, что здесь во внимание не приняты жители Ижевского и Воткинского горнозаводских поселков, а население Ижевского поселка было значительно по численности населения губернского города Вятки. Но в любом случае удельный вес крестьян превышал 90 %, в начале XIX в. он был несколько выше, чем в его середине. Среди них незначительно преобладали женщины. Следует отметить, что, по-видимому, в условиях неточности, противоречивости и далеко не полной сохранности количественных данных источников рассматриваемого периода оперировать ими приходится весьма осторожно.

Крестьянство Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. было полиэтнично. Сельскими жителями здесь являлись русские, удмурты, татары, башкиры, марийцы и коми-пермяки. Первые три из перечисленных народов по численности доминировали над остальными этносами.

Коренное население – удмурты – проживали в следующих районах, примыкающих друг к другу: 1) правобережье р. Чепцы, а также ее левобережье до верховьев рек Лекмы, Убыти, Сепыча и Лозы (Глазовский уезд); 2) северная, центральная, западная и восточная части Сарапульского уезда; 3) левобережье р. Вятки, начиная с р. Кильмезь (Малмыжский уезд) и 4) северные и центральные части Елабужского уезда. Татарское, марийское и башкирское население было сосредоточено на южных и юго-западных окраинах Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов. Западная часть Глазовского уезда (в XVIII в. это Первый и Второй Каринские станы) была населена также татарами и бесермянами. На северо-востоке этого уезда в верховьях Камы (так называемый Зюздинский край) жили коми-пермяки. Русские крестьяне проживали на правобережье р. Вятки, по берегам р. Камы, на юге Сарапульского уезда, в северной его части по берегу р. Сивы, в верховьях рек Камы и Вятки и на всем западе и юго-западе Глазовского уезда. Если в начале века русское население окружало местности, населенные удмуртами, то к середине столетия оно стало иметь дисперсное проживание среди них. В основном русские крестьяне переселялись из западных уездов Вятской губернии и, менее значительно, – из Пермской. По замечанию Н.Н. Романова, наиболее существенный прирост населения после 1811 г. наблюдался прежде всего «в чисто инородческих местностях южных уездов (Вятской – Н.П.) губернии» и в Глазовском уезде³. Именно первая половина XIX в. стала временем, когда русские крестьяне заселяют коренные районы Удмуртии и в целом начинают численно преобладать. Например, если в начале века в Глазовском уезде числилось около 20 тыс. м.п.д. русских и коми-пермяков, около 23,5 тыс. удмуртов, более 450 татар и более 1300 бесермян, то в середине 1830 гг. численность русских возросла более чем в 1,5 раза (более 37 тыс.), коми-пермяков стало числиться около 6 тыс., численность татар стала превышать 1100 ревизских мужских душ, а число м.п.д. удмуртов возросло лишь до 26 тыс., а бесермян и вовсе уменьшилась до 376⁴. В отношении бесермян возможно ошибочное в первом или втором случае смешение их с татарами или удмуртами, но не менее вероятно неточность приведенных абсолютных

цифр. Вместе с тем, по вычислениям В.М. Кабузана, в Вятской губернии удельный вес татар на протяжении XIX в. вырос с 3 до 4,14 %. Такой быстрый прирост, в числе прочего, был вызван отатариванием некоторой части удмуртов (их доля снизилась с 6,29 до 5,31 %) и марийцев (снижение с 4 до 2,71 %) ⁵.

По сведениям М.В. Гришкиной, к V ревизии (1795 г.) среди населения Удмуртии русские составляли 50,3 %, удмурты – 37,4 %, татары – 8,7 %, марийцы – 2,0 %, бесермяне – 0,9 %. К 1834 г. удельный вес русских возрос до 52,3 %, а удмуртов соответственно сократился до 33,6 %. Доля остальных народов осталась практически неизменной ⁶. По данным Н.Н. Латышева, если за время с 1811 г. по 1868 г. прирост общего числа населения Вятской губернии составил 111,5 %, то по 4 уездам территории Удмуртии – 160,2 %, в то же время естественный прирост удмуртского населения составил 61,2 %. Внутри указанного временного промежутка 24-летний период с 1834 по 1859 г. был временем самой высшей прибыли русских крестьян-переселенцев «во все нерусские местности вплоть до самых дальних, окраинных из них». Причем этот прирост давали именно крестьяне ставших к XIX в. коренными русскими районов Вятской губернии, из других губерний переселений почти не было ⁷.

К 1850 г. в крае было учтено около 300 тысяч русских, свыше 208 тысяч удмуртов, 48,5 тысяч татар, около 7,7 тысяч марийцев, более 5,5 тыс. башкир, около 4,8 тысяч бесермян ⁸.

Принадлежность крестьянства Удмуртии к той или иной конфессии определялась многими факторами, в том числе его национальностью. Русские, удмурты, марийцы, бесермяне в подавляющем большинстве являлись православными, татары и башкиры исповедовали ислам. Но из этого правила были ощутимые исключения. Значительное число русских крестьян являлись старообрядцами, многие представители финских народов официально продолжали придерживаться своих традиционных языческих верований (особенно сильной

эта тенденция была среди принадлежащих к тептярскому сословию), некоторые татары были православными христианами*.

Крестьянство Удмуртии рассматриваемого периода было неоднородным не только по этническому и конфессиональному признакам. Сельские жители четырех уездов принадлежали к достаточно существенно различающимся по социально-правовому статусу разрядам.

Самой многочисленной категорией крестьянства Удмуртии первой половины XIX в. были государственные, или казенные крестьяне. Государственные крестьяне в социально-экономическом и правовом отношении являлись наиболее свободной группой предреформенного российского крестьянства, однако и они оставались феодально-зависимыми⁹. Для современников это были «свободные сельские обыватели», сидевшие на государственной земле и отбывавшие государству или арендаторам казенных имений оброчные и барщинные повинности. В целом казенные крестьяне подразделялись на оброчных крестьян великорусских губерний, к числу которых принадлежали и государственные крестьяне Удмуртии, и крестьян-барщинников Правобережной Украины, Литвы, Белоруссии и Прибалтики. По замечанию Н.М. Дружинина, это было особое сословие феодальных держателей государственной земли, обязанных уплачивать казне докапиталистическую ренту¹⁰. Именно казенные крестьяне составляли массовую социальную опору государственной власти и являлись основными плательщиками казны. Наличие огромного массива свободного от частновладельческой зависимости крестьянства обеспечивало государству возможность контроля над всеми сферами общественной жизни¹¹.

В сословие государственных крестьян на территории Удмуртии вошли чернососшные, ясашные, экономические, ланд-милицкие (или ланцы) и приписные (до 1807 г.) крестьяне, лашманы, а также служилые татары и бесермяне. Согласно ведомости Вятской казенной палаты за 1800 г. мужское крестьянское население Глазовского уезда было представлено следующим образом: 13.763

---

* Большинство нерусских крестьян, формально являвшихся православными, в действительности продолжали придерживать традиционных верований.

черносошных; 2014 экономических; 175 ланд-милицких; яшашных: 2792 русских, 37 крещеных татар, 194 некрещеных татар, 22.943 крещеных удмуртов, 668 некрещеных удмуртов, 949 крещеных бесермян, 73 некрещеных бесермян; служилых: 25 крещеных татар, 202 некрещеных татар, 289 крещеных бесермян; 2 дворовых в г. Глазове и 491 приписных к Ижевскому заводу, итого – 44.617¹². По другим, по-видимому, завышенным данным, население казенных волостей Глазовского уезда по V ревизии составляло более 49 тыс. душ мужского пола и около 55 тыс. – женского, Малмыжского – соответственно более 29 тыс. и около 31 тыс., Елабужского – более 27,5 тыс. и более 30 тыс., Сарапульского – около 35 тыс. и 39 тыс. и в целом по губернии – более 433 тыс. д.м.п. и более 483 тыс. д.ж.п.¹³ Соответственно население 4 удмуртских уездов здесь превышало 32 % от общего губернского уровня.

Численность казенных крестьян Удмуртии по итогам VIII и IX ревизий может быть представлена в следующей таблице:

Таблица I

Численность государственных крестьян Удмуртии по итогам VIII и IX ревизий

Уезд	Численность крестьян			
	VIII ревизия (1834 г.)		IX ревизия (1850 г.)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Глазовский	74.909	81.421	90.986	98.880
Малмыжский	56.605	62.340	69.480	74.573
Сарапульский	38.870	35.347	39.691	42.437
Елабужский	33.393	37.160	40.068	42.419
Итого	203.777	216.268	240.225	258.309
Всего	420.045		498.534	
По губернии	596.416	681.016	727.099	798.822
Всего по губернии	1.277.432		1.525.921	
Доля населения удмуртских уездов, %	32,88		32,67	

Таблица составлена на основании данных: НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.244.

Следует отметить, что различные группы продолжают упоминаться в источниках первой половины XIX в., однако они уже не имеют каких-то особенных прав и обязанностей¹⁴. В 1807 г. приписные крестьяне Удмуртии либо стали обычными казенными крестьянами, либо вошли в состав категории непрременных работников. VI ревизия (1811 г.) стала последней, когда официально на общероссийском уровне выделялась одна из этих групп – экономические кре-

стьяне, составившие довольно значительную прослойку (более 13 %) вятских селян, численно преобладая, таким образом, над удельными крестьянами (8,56 %). В VII ревизию (1815 г.) экономические крестьяне увеличили удельный вес государственного крестьянства (с 71,39 % согласно VI ревизии до 83,15 %)¹⁵. По мнению Н.Н. Романова, деление государственных крестьян на чернососных, экономических, ясашных и ландмилицких продолжалось до учреждения Министерства государственных имуществ¹⁶. Однако только лашманы вплоть до 1865 г. действительно составляли особую прослойку государственного крестьянства.

Согласно российскому законодательству, лашманы* являлись государственными крестьянами, приписанными к Адмиралтейству для производства работ по заготовке леса для военно-морского судостроения. Наиболее важной льготой за выполнение этой работы было освобождение от поставки рекрутов¹⁷. К лашманам Удмуртии принадлежали татары, бесермяне и незначительное число марийцев и удмуртов. Если в начале XIX в. представители данной категории проживали во всех «удмуртских» уездах, то после преобразования 1817 г. лашманы Глазовского и Сарапульского уездов были возвращены в казенное ведомство. В целом по стране в начале XIX в. насчитывалось свыше 943 тыс. м.п.д. лашманов, а после 1817 г. их осталось около 120 тыс. И в последующем численность лашманов сокращали до нормы 1817 г.¹⁸ К середине века в крае (в Малмыжском и Елабужском уездах) насчитывалось 21.700 лашманов обоего пола. Деньги, заработанные лашманами на заготовке леса, зачитывались в уплату подушной подати. Всем необходимым для выполнения работ они снабжали себя за счет своего хозяйства¹⁹.

Категория удельных крестьян возникла в ходе преобразования дворцовой деревни в конце XVIII в. Согласно устоявшемуся мнению и современников, и исследователей, удельные крестьяне были общей и неотчуждаемой собственностью членов царской семьи, являясь, таким образом, одной из категорий част-

---

* Этимологию слова связывают с немецким: laschen - обрубать, отесывать и Mann – мужчина, человек (См.: Даишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Доктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С.56.).

новладельческих, однако они не были вещной собственностью, как это зачастую случалось с помещичьими крестьянами и дворовыми. Для государственных органов удельные крестьяне всегда представлялись владельческими. Уже в 1798 г. Сенат разъяснял, что удельные крестьяне вышли «из класса государственных и сравнены с поселянами владельческими», увольнение их в мещанство и купечество может осуществляться только «по праву помещицкому». Вотчинником в данном случае выступал орган государственной власти – департамент уделов. В течение первого десятилетия XIX в. и с 1858 г. удельные крестьяне по уголовным и гражданским делам подлежали общим судам России. В период с 1808 по 1858 гг. большинство дел разбирала удельная администрация, следствие проводила земская полиция с участием удельных чиновников. Последние вели и все дела в судах. Крестьяне не допускались на судебные разбирательства и не имели прав на наем поверенных. Как и помещичьи, удельные крестьяне были лишены возможности по собственной воле менять место жительства. Когда в 1811 г. из Вятского удельного имения сообщили, что со времени V ревизии крестьяне «в довольно значительном числе, самовольно переходя под разными предлогами из селения в селение, укоренились там, где местожительство себе избрали», в том числе и в сопредельных Оренбургской и Пермской губерниях, было решено выработать меры предупреждения самовольных переходов. В частности, местным властям предписывалось строго следить, чтобы переселений не было: в случае самовольного переселения можно было взыскивать за каждую душу мужского пола по 10 руб. с селения, отпустившего и принявшего, крестьянин подлежал обратному переселению за свой счет и помещению на месяц в работный дом. Следует согласиться с устоявшимся мнением, что по своему положению данная крестьянская категория занимала промежуточное положение между крепостными и государственными крестьянами²⁰.

Удельное крестьянство Удмуртии в этническом отношении было русским. По итогам V ревизии мужское население вятской удельной деревни преодолело 40-тысячный рубеж, более 20 тыс. человек из этого числа проживали в Сарапульском и Елабужском уездах²¹. В конце 1850-х гг. удельных крестьян

стало более 75 тыс., численность населения 6 приказов, расположенных на территории Удмуртии, превысила 40 тыс. «наличных душ» (1858 г.)²².

Еще одной категорией крестьянства Удмуртии были неперемные работники. Они являлись вспомогательной рабочей силой Ижевского и Камско-Воткинского казенных заводов. Образование этого сословия относится к началу XIX в. Окончательное утверждение замены приписных крестьян неперменными работниками в Удмуртии приходится на 1807 г. Согласно «Положению о неперменных работниках» 1807 г., последние уподоблялись «прочим служащим казенным людям при заводах казенных и вечноотданным к заводам при заводах частных», в частности «в отношении полиции, суда и расправы и вообще относительно порядка на службе» они ставились на один уровень с мастеровыми и «вечноотданными»²³. Таким образом, произошло фактическое прикрепление данной категории крестьянского населения к заводам, чего не было по отношению к приписным крестьянам. Еще одним важным отличием неперменных работников от приписных явилось то, что последние набирались среди русских крестьян*, а в новообразованный разряд стали причислять и крестьян-удмуртов. Набор производился среди приписного населения Пермской и Вятской губерний из расчета по 58 годных с 1000 душ всего мужского населения, учтенного 5-й ревизией. Зачислению подлежали лица в возрасте от 18 до 40 лет. Призаводские селения, список которых был утвержден, поступали в неперменные работники полностью, исключая лишь рожденных после ревизии. Дети, не попавшие в ревизию, после достижения 18 лет также зачислялись в категорию своих родителей. Во вспомогательные заводские работники попадали и лица, ранее не входившие в число приписных крестьян, но живущие в призаводских селениях. Именно за счет населенных пунктов, расположенных недалеко от Ижевского и Воткинского заводов, в первую очередь и была создана новая категория рабочей силы. К ней были причислены, в частности, удмуртские Юс-

---

* В XVIII и начале XIX в. считалось, что инородцы, прежде всего в силу незнания русского языка, неспособны выполнять заводские работы (См.: Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.105-106.)

кинская и Завьяловская волости, ранее никогда не относившиеся к приписным. Этим государство достигло колоссальной экономии средств.

Вновь набранные должны были отслужить на заводах 30 лет, а их дети и последующие поколения – 40 лет, после чего получали отставку наравне с мастерами. Практиковалось и зачисление в неперемные работники рекрутов. В итоге мог произойти следующий казус: после 8 ревизии удельный крестьянин поч. Федосова Козловского приказа Сарапульского уезда, граничившего с землями неперменных работников Ижевского завода, был отдан в рекруты и, будучи зачислен как раз в неперменные работники этого завода, был оставлен на месте жительства «в доме братьев своих – удельных крестьян»²⁴.

Неперменные работники после того, как заканчивался срок их нахождения на вспомогательных заводских работах, могли переходить в другие сословия, заниматься любой деятельностью, а если оставались при заводах, то заводы должны были обеспечить их посильной работой и давать содержание. Потерявшие способность к труду должны были помещаться в богадельни за заводской счет. Селения, целиком зачисленные в неперменные работники, освобождались от государственных податей и повинностей, включая рекрутские наборы и поставку подвод, с них слагались все предыдущие недоимки. Годные работники должны были работать на заводах, а остальные оказывать им помощь²⁵.

По итогам VIII ревизии неперменные работники Удмуртии составляли более 10 тыс. душ мужского пола²⁶. К 1855 г. неперменных работников с их семьями при Камских заводах было насчитано более 25 тысяч человек, проживавших в 52 селениях, приписанных к Ижевскому заводу, и 76 – к Воткинскому²⁷.

Особые военно-служилые категории сельских жителей представляли собой башкиры и тептяри, арендовавшие землю у башкир и получившие свое название от феодальной повинности, которую они когда-то несли в пользу госу-

дарства (тептярский ясак)*. В этническом отношении последнее сословие являлось очень пестрым, тептярями были татары, марийцы, чувашаи, удмурты, мордва и часть башкир²⁸. Возможно, что значительную часть тептярей на территории Удмуртии представляли марийские крестьяне²⁹. Эта категория занимала промежуточное положение между податным и служилым сословиями. Как податные они ограничивались размерами земельных владений, вносили душевую подать, несли натуральные повинности в пользу государства и т.д. Как военно-служилое сословие тептяри должны были составлять и содержать за свой счет два пятисотенных военно-сторожевых полка. Данные полки комплектовались мужчинами в возрасте от 20 до 50 лет, которые должны были заступать на службу в полном боевом снаряжении и с двумя лошадьми. В административном отношении, в отличие от других податных, тептяри подчинялись военному ведомству. В первой половине XIX в. наметилась тенденция постепенного их превращения в одну из категорий государственных крестьян. Причины такого процесса были вызваны падением значения военно-сторожевой службы. Тептярские полки все больше и больше начинали использоваться для хозяйственных целей (строительные работы, укрепление линий, заготовка фуража и т.д.). В 1836 г. оренбургский военный губернатор предложил полностью перевести в разряд государственных крестьян тептярей как «народ невоинственный»³⁰. Однако тенденция преобразования служилого сословия в простых сельских обывателей реализовалась лишь после упразднения в 1865 г. Башкиро-мещерякского войска.

Тептяри Удмуртии проживали в основном в Елабужском уезде, башкиры – в Сарапульском и Елабужском уездах. В 1811 г. (VI ревизия) насчитывалось более 2700 башкир и тептярей мужского пола, по итогам VIII ревизии их насчитывалось около 4,5 тыс. В середине XIX в. совокупная численность этих сословий превышала 12 тысяч человек, более 7 тыс. из них были тептярями³¹. Такой прирост объясняется не столько естественным воспроизводством этих кате-

---

* По-видимому, изначально термин «тептярь» происходит от тюрк. «дэфтэр» – тетрадь, т.е. запись об аренде в специальной тетради.

горий, сколько включением в их состав все новых крестьянских масс, переселяющихся на башкирские земли.

Помещичье землевладение в Удмуртии было сосредоточено преимущественно на территории, когда-то входившей в состав Казанского ханства. По X ревизии (1858 г.) в Вятской губернии насчитывалось более 37 тыс. помещичьих крестьян, что составляло к общему числу сельского населения около 1,7 %. На территории Удмуртии процент крепостных помещичьих крестьян был несколько выше – 2,8 % или более 11 тыс. человек. Кроме того, необходимо учитывать крепостных на частных заводах. По Глазовскому уезду на 4 заводах в 1858 г. числилось посессионных крестьян обоего пола 5,6 тыс. человек. Первое место по количеству крепостных крестьян занимал Елабужский уезд, здесь было сосредоточено 49,6 % общего числа крепостных, второе место принадлежало Малмыжскому уезду (34,7 %). В Сарапульском уезде насчитывалось 1448 человек или 12,9 % (селения Тимеевка, Агаревка, Арзамасцево, Шумшор, Мыза и др.), но здесь насчитывалось наибольшее по губернии число дворовых людей³².

На долю 12 крупнейших помещичьих имений приходилось более 70 % крепостных Вятской губернии. На территории Удмуртии это были имения помещиков Тевкелевых* (Терсинская волость Елабужского уезда, 1854 души), Озеровых (села Старый Бурец, Петровское, Красные Ключи и др. Малмыжского уезда, более 1600 душ), Юшковых (Гоньба, Ирюк, Калинино, Дмитриевка Малмыжского уезда, более 1300 душ), генерала Татищева, в последующем де-Бособр (д. Савали или Богородская Малмыжского уезда, около 650 душ), Машковцевых (с. Арзамасцево Сарапульского уезда, почти 600 душ). Крепостные Удмуртии в своем большинстве состояли на оброке, но наряду с получением денежного (от 8 до 9 рублей с души ежегодно) и натурального (шерстью, льноволокном, хлебом, яйцами, маслом, мясом и другими продуктами) оброка владельцы использовали труд крепостных на своих вотчинных мануфактурах. В начале XIX в. на всех предприятиях частновладельческой промышленности

---

* В отличие от крепостных крестьян других помещиков, русских по национальности, Тевкелевым принадлежали также крепостные-татары.

было занято 1190 крепостных, что составляло 60 % общего числа рабочих. Крепостные преобладали в частной железоделательной, медеплавильной, поташной, стекольной, писчебумажной промышленности. Существовала также и барщина³³.

В целом можно отметить, что крестьянское население Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в. являлось неоднородным по всем основным рассмотренным характеристикам. Прежде всего, оно выросло численно, перенесло значительные изменения его этнический состав. Именно в этот период был пройден тот барьер, после которого удмурты превратились в меньшинство на своей родине, а для многих русских крестьян проживание по соседству с иноязычным населением стало нормой. Однако в контексте взаимоотношений с государством основополагающим являлось разделение на ряд различающихся по многим показателям социально-правовых подгрупп. Можно сказать, что права и обязанности той или иной крестьянской категории исторически формировались в связи с ролью, которую им уготовало государство. Казенные крестьяне, самая многочисленная группа дореформенного крестьянства Удмуртии, являлись основным, но далеко не единственным источником выплат и особенно отработок для казны, они проживали на государственных землях, обширных и наименее заселенных, во многом отсюда они обладали большей свободой передвижения и правоспособностью, непосредственно управлялись органами государственного управления. Вторая по численности группа – удельные крестьяне – были прикреплены к землям, доходы с которых кормили императорскую семью. Управление данной категорией обеспечивала особая государственная структура – управление уделов. Еще более закрепощенными, но уже к частным лицам, и отсюда наименее затронутыми непосредственным управлением государственными органами, являлись крепостные крестьяне, удельный вес их никогда не превышал 3 %. В силу специфичности податей и повинностей в пользу государства (с преобладанием среди них натуральных отработок) особым управлением обладали непрременные работники, лашманы и тептяри.

§ 2. Административно-территориальное деление и перестройка органов управления деревней

К территории современной Удмуртии историки традиционно относят 4 дореволюционных уезда Вятской губернии: Глазовский, Сарапульский, Елабужский и Малмыжский. Конец XVIII в. ознаменовался преобразованием Вятского наместничества в губернию. Указ об этом был издан 12 декабря 1796 г., практические мероприятия по внедрению нового территориально-административного устройства начались в 1797 г. Отныне Вятская губерния состояла из 10 уездов (вместо прежних 13). По данным Н.Н. Романова, территория ликвидированного Малмыжского уезда была разделена между соседними уездами следующим образом: Среднекушкетская, Янгуловская, Арборская, Вятскогорская, Нижнечетаевская, Порекская и Мукикаксинская волости вошли в состав Уржумского уезда; Малмыжская, Китякская, Копкинская, Сосновская, Полянская, Кизнерская, Староомгинская, Водзимонская и Большеучинская – в состав Елабужского; Копкинская и Селтинская – Глазовского и Николаевская волость вошла в Сарапульский уезд³⁴. В 1804 г. вышел указ об объединении Вятской и Пермской губерний во главе с генерал-губернатором К.Ф. Модерахом, который пробыл на этой должности до 1811 г. После 1817 г., когда был восстановлен Малмыжский уезд, территория Удмуртии распределялась, как и прежде, между четырьмя уездами весь последующий XIX и начало XX в.³⁵

Как уже отмечалось, самой многочисленной категорией населения Удмуртии в конце XVII – первой половине XIX в. являлись государственные крестьяне. Одной из первых попыток создания центрального органа по управлению ими явилось учреждение 4 марта 1797 г. экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства при Сенате. Наиболее важным мероприятием экспедиции стала подготовка организации волостного управления в государственной деревне России. Как самостоятельное учреждение экспедиция государственного хозяйства просуществовала недолго. Постепенно ряд отраслей экономики был выведен из сферы ее компетенции. В

частности, в 1798 г. надзор за казенными лесами был вновь возвращен Адмиралтейств-коллегии. После образования министерств теперь уже просто экспедиция государственного хозяйства была отделена от Сената и вошла в 1802 г. в состав Министерства внутренних дел. В 1811 г. ее функции были возложены на созданный при Министерстве финансов департамент государственных имуществ. В ведение департамента помимо непосредственного управления государственными крестьянами перешли функции надзора за лесами, землями, оброчными статьями. В этом департаменте были сосредоточены основные структуры хозяйственного и финансового управления государственной деревней и государственными имениями, переданными из различных учреждений и ведомств. Наконец, в 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ³⁶.

Хозяйственное управление государственными крестьянами до реформы П.Д. Киселева находилось в компетенции казенных палат. До 1801 г. казенная палата была подчинена в хозяйственном отношении Камер-коллегии и включала в себя экспедицию директора домоводства, которая наблюдала за казенными крестьянами, оброчными статьями, хлебными запасами. Впоследствии экспедиция была преобразована в хозяйственное отделение казенной палаты с новыми, расширенными полномочиями. С начала XIX в. казенные палаты являлись местными учреждениями Министерства финансов. Окончательное устройство казенной палаты было закреплено лишь инструкцией 29 сентября 1831 г. До 1837 г. палата возглавлялась вице-губернатором, а затем особым председателем. Вятская казенная палата состояла из 5 отделений: хозяйственного, лесного*, питейных сборов, казначейств и контрольного. Общее присутствие палаты, состоявшееся из вице-губернатора, начальников отделений и асессора, вело совместно с губернатором дела по торгам на подряды, решало общие проблемы всех отделений палаты или же, наоборот, не входивших в компетенцию ни одного из ее отделений. Хозяйственное отделение казенной палаты, возглавляе-

---

* 19 июля 1826 г. при Вятской казенной палате было образовано лесное отделение. Обер-форштмейстер с канцелярией, до этого исполнявшие функции по заведыванию лесами, были введены в его состав (См.: Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.390.).

мое первым советником палаты, играло определяющую роль в хозяйственно-финансовом управлении податным населением губернии, в том числе государственными крестьянами и государственными имуществами. «Свод учреждений государственных и губернских» зафиксировал более 30 функций хозяйственного отделения, важнейшая из которых заключалась в «управлении казенными поселянами всех наименований, в губернии состоящими, и данными им от казны в наделении землями и угодьями, кроме лесов». Лесное отделение осуществляло надзор за казенными лесами, наделяло общины лесными участками, выделяло лес под вырубку, оформляло сделки на лесные оброчные статьи и т.д. Отделение утверждало поступающие на заключение казенной палаты тяжёлые дела о лесах и следственные дела о самовольных порубках. Казначейское отделение отвечало за поступление сведений и доходов и расходах по уездам и в губернии в целом, контролировало ход сбора податей и различных видов земских повинностей; в уездах ему подчинялись уездные казначейства, ведавшие непосредственным приемом и хранением податей и земских сборов. Уездные казначейства предоставляли в казначейское отделение и земские суды сведения о недоимках. Через уездные казначейства казначейское отделение продавало рекрутские квитанции, гербовую бумагу, выдавало паспорта крестьянам. В уездных казначействах хранились ревизские сказки. Контрольное отделение казенной палаты следило за деятельностью уездных казначейств, проводило ревизию финансовых книг, присланных из уездов, готовило годовой генеральный отчет казенной палаты³⁷.

Весной 1839 г. при хозяйственном отделении казенной палаты был открыт временный стол «для решения нерешенных дел по части государственных имуществ». По открытии палаты государственных имуществ его штат (столоначальник, его помощник и три писаря) перешел в ее ведомство³⁸. Само хозяйственное, а также лесное отделения казенной палаты после 1839 г. были ликвидированы с последующим их открытием уже при новой палате.

По реформе П.Д. Киселева в основу управления государственными крестьянами была положена четырехъярусная административная система: губер-

ния – округ (уезд) – волость – сельское общество. На губернском уровне казенную палату заменяла палата государственных имуществ. В начале 1839 г. в Вятке была открыта особая приуготовительная комиссия, в последующем преобразованная в палату государственных имуществ. Открытие Вятской палаты государственных имуществ произошло 1 июля 1839 г., Малмыжского окружного правления – 20 августа, Сарапульского – 22 августа, Елабужского – 24 августа, Глазовского – 10 сентября³⁹. Но еще в сентябре земские суды, волостные правления и многие другие «присутственные места и лица» обращались по вопросам, относящимся к государственным крестьянам, в казенную палату. Губернское правление вынуждено было также, в частности, напомнить земским судам о «скорейшей сдаче государственных имуществ в ведение гг. окружным начальникам»⁴⁰. Лидерами в передаче стали Сарапульский и Малмыжский земские суды, 2 и 3 октября доложившие о ее окончании⁴¹.

Вместе с тем чиновник особых поручений I департамента государственных имуществ Кобяков, ревизовавший в 1839-1840 гг. на предмет успешности работы новых органов власти ряд центральных, северных и уральских губерний страны, в том числе и Вятскую, отметил, что в новом управлении на момент ревизии функционировали только губернский и уездный уровни, сельское же самоуправление в своей основе работало еще по-старому. При этом и на уровнях палат государственных имуществ и окружных управлений, по замечанию ревизора, оставались «пустоты без наполнения», например, «по делам между собою о личных обидах и насилии в имуществвах, крестьяне начали обращаться с просьбами к окружным начальствам, но окружные начальства, за неоткрытием расправ, предназначенных проектами, не везде вступают в разбирательство сих просьб, а отсылают их в подлежащие присутственные места». А вот как Кобяков оценил чиновников новых ведомств: «Совокупность лиц, занявших должности по новому управлению, можно назвать удачным собранием таких людей, которые имеют общесредние способности и общесреднюю степень добродетели». Впрочем, по его мнению, эти «общесредние» качества с лихвой компенсировались «расположенностью к честности, сильным рвением и усердием к

службе», а основным недостатком являлась малоопытность, т.е. недостаточное умение «примерять легко и скоро все точки в круге служебного действия к букве закона». Честность новых чиновников для ревизора была особенно важна, поскольку вятские крестьяне в целом «обладали привычкой подкупать людей на всякое зло»⁴². В отношении Вятской губернии большинство утверждений Кобякова, на наш взгляд, далеко от истины. Вятское чиновничество в значительной своей массе было малообразованно и корыстолюбиво, на должности же по новому управлению не хватало людей. Поэтому сомнительна данная ревизором характеристика. Так, в последнюю сенаторскую ревизию (1824 г.) было открыто и доказано существование «излишних и противозаконных поборов» по всей губернии в размерах от 2 до 6 руб. ежегодно с каждой ревизской души и участие в них «всей почти земской полиции и многих чиновников губернии»⁴³. По замечанию Л.В. Мерзляковой, особенности Вятской губернии – отсутствие дворян, преобладание крестьянского населения, отличающегося крайне низким уровнем грамотности, слабой правовой защищенностью, удаленностью губернии от центра – вызывали объективные трудности в подборе чиновников, оказывали влияние на состав последних и, вместе с тем, открывали возможности для злоупотребления властью⁴⁴.

Палата государственных имуществ должна была заниматься организацией местного управления в округах, волостях и сельских обществах, поддержанием среди крестьян полицейского порядка, попечением о правах, хозяйстве и культурно-бытовых нуждах крестьян, наблюдением за отбыванием крестьянских повинностей, управлением казенными ненаселенными землями, оброчными статьями и лесными угодьями. Во главе нового учреждения был поставлен управляющий, а в составе палаты было учреждено два отделения – хозяйственное и лесное. Первое сосредотачивало в себе дела по попечительству над государственными крестьянами и по заведыванию государственными землями и оброчными статьями, второе управляло лесными казенными угодьями. Хозяйственным отделением руководил советник, лесным – губернский лесничий. В помощь советнику полагался ассессор, в помощь губернскому лесничему – уче-

ный лесничий. Для ведения текущего делопроизводства отделения получали делопроизводителей, столоначальников, бухгалтеров и писцов. При палате должны были состоять стряпчий, гражданский инженер, землемер, чиновники по особым поручениям и пр.⁴⁵

Второй ярус в системе местной администрации по киселевской реформе составляло окружное управление в лице окружного начальника и действовавшего при нем штата низших чиновников и мелких служащих: помощника по хозяйственной части, окружного и младших лесничих, письмоводителя, канцелярских служителей, конных и пеших рассыльных. Получая распоряжения палаты, окружной начальник должен был исполнять их на территории округа, воздействуя на крестьянские массы через органы волостного и сельского управления. В его руках находилась единоличная власть над государственными крестьянами всего округа: он управлял волостной и сельской администрацией, занимался попечительством и поддержанием полицейского порядка, контролировал отбывание сборов и повинностей, решал хозяйственные вопросы деревенской жизни, должен был следить за нравственностью крестьян. Ко всему этому добавлялись функции управляющего казенными ненаселенными землями и лесами в пределах уезда. По мнению Н.М. Дружинина, институт окружных начальников явился прообразом крестьянских опекунов пореформенного периода – мирового посредника и земского начальника⁴⁶.

Полиция в дореформенной России губернских органов не имела. Общий полицейский надзор за крестьянами возлагался на губернское правление и губернатора лично. На уездном уровне в состав земского суда вместе с земским исправником входили по два заседателя от дворян и поселян, избиравшихся на три года. Закон о земской полиции (июнь 1837 г.) добавил к этому числу двух заседателей от государственных крестьян. По этому же закону произошло разделение уездов на станы во главе со специальными заседателями земского суда – становыми приставами. В Елабужском уезде было учреждено два стана, в других «удмуртских» уездах – по три⁴⁷.

Земский суд обладал как исполнительной, так и следственной властью. Кроме непосредственных полицейских функций в первой трети XIX в. земская полиция следила за избранием кандидатов в волостные и сельские органы управления, юридически (но не фактически) не имея права влияния на ход выборов. Земский суд отвечал за ход выполнения земских повинностей, уплату государственных налогов, за взыскание недоимок, принимал активное участие в рекрутских наборах. Он также имел право рассматривать дела между государственными крестьянами о землях, принадлежащих казне, разбирать жалобы крестьян на приговоры мирских обществ, если дела не заканчивались примирением через волостного голову. В 1811 г. полицейские органы получили полномочия судить крестьян «в маловажных полицейских винах». Решения земских судов могли быть обжалованы крестьянами в казенной палате. Если решение палаты вызвало несогласие, крестьяне могли обратиться с апелляцией в Сенат⁴⁸. Так продолжалась вплоть до реформы П.Д. Киселева, поставившей над государственными крестьянами вместо земских исправников окружных начальников. Земской полиции теперь оставались только следующие функции: 1) пресечение преступлений против веры, против общественного порядка и учреждений правительства, против личной и имущественной безопасности, 2) производство следствий по уголовным и гражданским делам, подлежащим ведомству общих судов, 3) исполнение приговоров общих судов. Однако, и на окружного начальника, в свою очередь, возлагалось «наблюдение и распоряжение по предупреждению и пресечению беспорядков, также по пресечению явного соблазна и разврата в поведении»⁴⁹. При этом, например, в случае необходимости конфискации имущества государственного крестьянина земской полицией требовалось присутствие депутата от окружного управления «для бытия при описи имени»⁵⁰. И в целом любое сколько-нибудь крупное следствие, проводимое полицейскими органами в отношении казенных крестьян, требовало наличия «депутата со стороны государственных имуществ». Подобное же правило действовало и удельном ведомстве.

Судебные дела, выходящие за рамки компетенции органов крестьянского самоуправления, земской полиции, окружных управлений и др. рассматривались учреждениями Министерства юстиции. Первоначально суд над крестьянами находился в ведении нижней земской расправы в уездах в первой инстанции и верхней земской расправы в губернии – во второй. Для дворян существовали особые суды, соответственно нижние земские в уездах и высшие земские – в губернии. Третьей инстанцией, общей для всех судов, являлись палаты гражданского и уголовного судов. Последней инстанцией по судебным делам был Сенат.

В конце XVIII – начале XIX в. судебные органы подверглись реорганизации. Нижние расправы и часть судов второй инстанции не были включены в губернские штаты 1796 г. Указ 9 сентября 1801 г. подтвердил замену всех расправ общим уездным судом. В состав уездного суда наряду с председателями были включены по два заседателя от дворян и государственных крестьян и канцелярские служащие. Судебные дела второй инстанции рассматривались в первой трети XIX в. непосредственно в палатах гражданского и уголовного судов. Высшей инстанцией, как и прежде, оставался Сенат. В определенных случаях апелляции могли восходить и на «высочайшее воззрение». Суды дореволюционной России являлись по своей сути придатком как администрации, так и полиции. Решения и приговоры уездного суда, палат гражданского и уголовного судов должны были поступать на утверждение губернатора. В 1841 г. вятские палаты уголовного и гражданского суда были объединены в одну палату уголовного и гражданского суда⁵¹. Следствия проводились, в основном, членами земского суда.

Общий надзор за состоянием законности в губернии был возложен на губернского прокурора, двух губернских стряпчих по казенным и уголовным делам, уездных стряпчих на местах⁵².

В первой половине XIX в. учреждались различные комитеты, комиссии и присутствия, тем или иным образом имевшие в своей компетенции крестьян и их хозяйство. Можно назвать комитет земских повинностей (1805-1874 гг.),

квартирные комиссии и комитеты (1808 и 1841 гг.), строительную и дорожную комиссии (1832 г.), объединенные в одну комиссию (1849-1865 гг.), комитет о народном продовольствии (1818, 1822-1864 гг.), губернский и уездный оспенный комитеты (1812-1865 гг.), комитеты общественного здоровья (1852-1865 гг.), управлявшие отдельными сторонами местного хозяйства и благоустройства, а после 1864 г. передавшие многие свои функции земствам⁵³.

Для казенных крестьян в 1797 г. была введена единица административного деления – волость, которая заменила собой все прежние единицы: концы, десятки, сотни, доли, отличавшиеся пестротой не только в названиях, но и в размерах и в численности населения (правда, численность населения волостей продолжала сильно различаться)*. Именно уезд и волость являлись основными административно-территориальными единицами рассматриваемого периода. Однако, если уезды после 1817 г. не преобразовывались, то по отношению к волостям этого сказать нельзя. Например, по новому административному делению 1797 г. Глазовский уезд насчитывал 60 волостей со средней численностью около 820 ревизских душ на волость⁵⁴. Уже в начале XIX в. здесь было 26 волостей с числом ревизских душ от 514 до 3000 (в среднем несколько более 1600 м.п.д. на волость)⁵⁵. Такие же явления были характерны и для Елабужского и Сарапульского уездов.

В 1825 г. произошло укрупнение ряда волостей Вятской губернии. Изменения в удмуртских уездах отражены в таблице II:

---

* Еще довольно длительное время после преобразования могли употребляться и старые названия. Так, в прошении за 1798 г. удмурт Гаврил Дементьев место проживания описывает следующим образом: «Глазовской округи Верхочепецкой нижней доли Уканских деревень деревни Зянинской» (См.: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.632, л.2.). Для него, таким образом, произошло совмещение старого и нового административного деления: Верхочепецкая нижняя доля – деревни Уканской волости. Оброчные статьи южных уездов и после генерального межевания сохранили в своих названиях указания на бывшую принадлежность. Так, в 1834 г., в числе прочих, недоимка состояла на оброчных статьях Малмыжского уезда под названиями «ясашной Михайла Дмитриева сотни деревни Малый Китяк Илейки Токмурзина» или «служилой Давыдовой сотни Усманова деревни Адаевой» и т.д. (ГАКО, ф.582, оп.1, д.81, л.1298-1341.)

Итоги административного преобразования 1825 г. в Удмуртии

Новая волость	Число душ	Из каких волостей, число душ в них	Центр новой волости
Елабужский уезд			
Танаевская	3327	Котловская (1432) и Танаевская (1895)	с.Лекарево
Еловская	2932	Свиногорская (1379), Еловская (912) и Юрашевская (641)	с.Елово
Ильинская	3222	Ильинская (1845) и Камаевская (1377)	с.Ильинское
Варзятчинская	2136	Варзятчинская (1754) и Варзиомгинская (382)	д.Варзятчи
Тихогорская	2435	Тихогорская (1305) и Староигринская (1130)	д.Верхняя Игра
Саралинская	2906	Саралинская (2083) и Гришкинская (823)	с.Челны
Сарапульский уезд			
Дробино-Алтынская	3330	Дробининская (1713) и Алтынская (1617)	д.Развилы
Даниловская	3424	Даниловская (2193) и Иж-бобьинская (1231)	с.Данилово
Дебеская	2845	Дебеская и Большепургинская	с.Дебесы
Пургинская	3456	Ильинская (1552) и Сретенская (1904)	д.Пурга
Малмыжский уезд			
Китякская	3039	Китякская (1751) и Тойминская (1288)	д.Большой Китяк
Адаевская лашманская	3066	Копкинская и Адаевская	д.Адаева
Сюмсинская	2529	Вотскокопкинская (1187) и Мукикаксинская (1342)	д.Сюмсинская
Николаевская	2798	Нылги-Жикьинская (1321) и Николаевская (1477)	д.Новая Датъя-Можга
Водзимоеньинская	3057	Водзимоеньинская (1237) и Большеучинская (1820)	д.Итчидокья
Старотрыкская	2443	Кизнерская (1634) и Староомгинская (809)	д.Старый Трык
Глазовский уезд			
Поломская	3786	Поломская (1897) и Зуринская (1889)	с.Поломское
Чуринская	3130	Чуринская (2120) и Починошная (1010)	д.Тукбулатовская
Елгано-Астраханская	3891	Елгано-Астраханская (1471), Верхосунская (795) и Зачурмыжская (1625)	д.Ухтымская
Лумпунская	3129	Лумпунская (798), Сырвайская (821) и Порезская (1510)	с.Уни

Таблица составлена по данным: ГАКО, ф.582, оп.81, д.18, л.1-2, 9, 110, 110об., 128об., 132, 132об., 144об.-146.

Как видно из приведенной таблицы, из 13 старых волостей Елабужского уезда с численностью от 641 до 2083 душ было образовано 6 новых волостей с численностью от 2136 до 3327 ревизских душ. Для других уездов Удмуртии такое укрупнение представлено следующим образом: Сарапульский уезд – из 8 старых волостей (1552-2193 души) – 4 новых (2845-3456 душ), Малмыжский уезд – соответственно 12 (809-1820 душ) и 6 (2443-3097 душ) и, наконец, Глазовский уезд – 10 (795-1897 душ) и 4 (3129-3891 душ). По замыслам власти, укрупнение должно было послужить компенсацией за увеличение земского сбора на «прибавочное жалованье» и «фуражные деньги» чиновникам земской полиции⁵⁶.

Указом 1833 г. «для удобнейшего собирания податей» в казенных имениях страны вводилось промежуточное звено между волостью и селением – «сельское мирское общество». С началом реформы П.Д. Киселева это нововведение было закреплено⁵⁷. До этого времени, а в ряде уездов Вятской губернии еще и в ходе преобразования*, для удобства в собирании налогов и контроля за выполнением различных повинностей волости делились на участки, которые стремились составлять из 500 ревизских душ. На наш взгляд, участки фактически выполняли роль сельских обществ. Даже после окончательного упразднения пятисотенных участков в ходе реформы государственной деревни крестьяне могли по привычке назвать сельское общество по-старому. Так, в 1844 г. в прошении на имя вятского губернатора татар и бесермян Убытского сельского общества Кочуковской волости Глазовского уезда общество названо участком⁵⁸.

При проведении реформы государственной деревни 1837–1841 гг. волости и общества в очередной раз были укрупнены. Так, если раньше стремились, чтобы в волости проживало 3 тыс. ревизских душ, то по закону от 30 апреля 1838 г. нормой стало 6-8 тыс. м.п.д. В отличие от закона 1797 г., к волости были приписаны «смежные казенные незаселенные и пустопорожные земли и оброчные статьи, исключая лесных»⁵⁹. Волость делилась на сельские общества численностью до 1500 ревизских душ, в которые объединялись селения, расположенные поблизости друг от друга, имеющие общее владение землей и т.д. Численность сельских обществ, как можно видеть из приведенной ниже таблицы, также сократилась весьма значительно:

Таблица III

Укрупнение волостей и сельских обществ по реформе П.Д. Киселева

Уезд	Число волостей		Число обществ	
	стало	было	стало	было
Глазовский	14	18	51	145
Сарапульский	6	10	27	67
Малмыжский	10	15	38	121
Елабужский	6	9	23	70

Таблица составлена по данным: РГИА, ф.383, оп.2, д.1227, л.150.

* В журнале учета доходов Глазовского уездного казначейства за 1839 г. подати собираются от участков (См. ЦГА УР, ф.91, оп.1, д.43, л.1об.-32об.).

В период после реформы П.Д. Киселева и до 1859 г. административные преобразования носили частный характер. Так, в 1850 г. с разрешения I департамента государственных имуществ центр Макан-Пельгинской волости Елабужского уезда был переведен в с. Грахово, соответственно волость была переименована в Граховскую. Тогда же были объединены Чутьяновское и Ново-чутьемское сельские общества Сарапульского уезда с образованием нового центра в д. Веня⁶⁰.

В целом можно отметить, что данные преобразования были направлены на унификацию административно-территориального деления уже в рамках волостей. В частности, органы власти стремились достичь того, чтобы численность населения в волостях была примерно одинаковой. Это обеспечивало, в свою очередь, более действенный контроль над крестьянами, облегчало управление ими, а также позволяло в какой-то мере сгладить неравенство в затратах на содержание местного управления и самоуправления. Однако из-за постоянного роста сельского населения, своеобразия природных и социально-экономических условий достичь полной унификации было невозможно. Отмеченные факторы учитывали преобразования 1859 г.: было произведено разукрупнение волостей и разделение их на разряды в зависимости от численности в них крестьян. Волости с населением от 1 до 2 тыс. душ м.п. относились к третьему разряду, от 2 до 4 тыс. – ко второму и от 4 тыс. – к первому. Ранее, до реформы П.Д. Киселева, волости делились на 2 типа (отделения): волость численностью от 300 до 2 тыс. душ мужского пола причислялась к первому отделению, от 2 до 3 тыс. и больше – ко второму⁶¹. В результате преобразований 1859 г. получилась следующая картина: Сарапульский уезд: волостей 17, из них первого разряда – 4, второго – 7, третьего – 6 и 1 общество на правах волости (менее 1 тыс. душ м.п.); Елабужский: волостей 14, из них первого разряда – 3, второго – 6, третьего – 1; Глазовский: волостей 35, из них первого разряда – 9, второго – 19, третьего – 7; Малмыжский: волостей 25, из них первого разряда – 7, второго – 15, третьего – 3⁶². От разряда волости прежде всего зависел штат ее органа самоуправления.

Данное преобразование преследовало и фискальные цели: было положено начало ликвидации сельских управлений. Вначале эта мера была применена в 5 губерниях: помимо Вятской, это были Московская, Тверская, Псковская и Самарская губернии. В результате административные расходы казны сократились на 67 тыс. руб. (около 22 %), а в дальнейшем экономия составила 3,3 тыс. руб. в год.

В 1859 г. правительство приступило также к ликвидации окружных управлений, взамен которых была введена должность чиновников особых поручений⁶³.

Большие изменения в конце XVIII – начале XIX вв. претерпевало управление уделами. С 1798 г. контроль над удельной деревней осуществлялся на основании «Учреждения об императорской фамилии», в соответствии с которым был создан департамент уделов во главе с министром. На местах, при казенных палатах было образовано 9 удельных экспедиций, одна из которых, Вятская, подчиняла себе удельных крестьян Вятской, Пермской и Оренбургской губерний. Аналогом казенной волости в удельной деревне был приказ. Из 15 приказов Вятской губернии Гольянский, Козловский, Мостовинский, Мазунинский, Каракулинский, Колесниковский, Яромажский и Качкинский приказы входили в состав Сарапульского и Елабужского уездов. Приказ объединял до 3 тыс. м.п. душ. В конце 1807 г. с. Гольяны было передано в ведомство Ижевского оружейного завода, взамен удельное ведомство получило подмосковные селения государственных крестьян⁶⁴.

Система управления удельными крестьянами образца 1798 г. просуществовала недолго; стали проявляться ее несовершенства: большая удаленность экспедиций от приказов, многочисленные конфликты между удельными и губернскими властями. В мае 1808 г. было принято «Положение департамента уделов», призванное реорганизовать ее среднее и низшее звенья управления. Экспедиции были упразднены, и вместо них были организованы 19 удельных контор (имений), в т.ч. Вятская, и 3 отделения в губерниях, где было менее 10 тыс. крестьян муж. пола, одно из них, Пермское, входило в состав Вятской

конторы. Штат конторы состоял из 8 чиновников и 15 канцелярских служащих. В отличие от экспедиций, они были поставлены в совершенно независимое от государственных учреждений положение⁶⁵.

В 1809 г. крестьяне Козловского приказа Сарапульского уезда (5529 ревизских душ) были переданы в удел великой княгине Екатерине Павловне с «последующим ее потомством»⁶⁶. В 1810 г. были ликвидированы Колесниковский и Яромажский приказы, а административный центр Мазунинского приказа был переведен в с. Галаново. В 1808 г. удельным конторам было дано разрешение учреждать новые приказы при наличии от 2 до 4 тыс. м.п.д., чтобы избежать удаленности селения от центра приказа более чем на 100 верст. Однако на территории Удмуртии количество приказов не было увеличено, хотя в целом по стране вместо 156 стало 210 низших административных единиц удела⁶⁷.

Территория приказов не оставалась неизменной. По-видимому, крупнейшее преобразование произошло в 1810 г. По разрешению 1808 г. на изменение границ приказов к 19 населенным пунктам Каракулинского приказа было присоединено 11 селений ликвидированного Колесниковского приказа, в том числе села Колесниково, Чеганда и Пьяный Бор. Последнее село при этом находилось на территории Елабужского уезда. К Галановскому приказу (села Галаново, Мазунино и еще 23 деревни и починка) было присоединено 10 поселений (в том числе с. Вятское), ранее входившие в состав Мостовинского и Каракулинского приказов. К 29 населенным пунктам Мостовинского приказа было присоединено 13 селений из состава Колесниковского, Каракулинского и Мазунинского приказов. Наконец, к 37 селам, деревням и починкам Нечкинскому приказу было присоединено 19 селений расформированного Яромажского приказа. Лишь Козловский приказ после 1810 г. остался в неизменном виде⁶⁸. С этого времени и до реформы 1863 г. в Удмуртии находились 6 удельных приказов: Мостовинский, Козловский, Нечкинский, Галановский, Каракулинский – Сарапульского уезда и Качкинский – Елабужского⁶⁹. Удельные крестьяне проживали также на территории Малмыжского уезда, в административном отношении они подчинялись приказам, расположенным в Яранском уезде.

В 1808 г. Вятская удельная экспедиция была преобразована в удельную контору, в ведомство которой были также включены приказы соседней Пермской губернии, составлявшие ее Пермское отделение. В 1830 г. Пермское отделение Вятской удельной конторы было преобразовано в самостоятельное имение⁷⁰.

В 1831 г. «по дальности расстояния 6 удельных приказов от Вятской удельной конторы последовало... учреждение в Сарапуле особого отделения конторы для сих приказов», получившее по местопребыванию его управляющего название Мостовинского⁷¹. Восточные приказы Вятского имения (Елабужский и Сарапульский уезды) находились на расстоянии до 600 верст от Вятки, в то же время они располагались в бассейне реки Камы, которая естественным образом соединяла эти территории с пермским удельными поселениями. Поэтому в 1859 г. 6 восточных приказов Вятского имения и 3 приказа Пермского имения были объединены и образовано Сарапульское имение, контора из Перми перенесена в Сарапул⁷².

Изменения претерпевало и управление Ижевским и Воткинским заводами, в подчинении которых находилась такая категория, как неперемные работники. После передачи в 1796 г. казенных Камских заводов из ведения Вятской казенной палаты они находились под управлением Берг-коллегии. По «Проекту горного положения для управления заводов хребта Уральского», введенному в 1806 г., высшим органом управления горнозаводской промышленностью стал департамент горных и соляных дел при Министерстве финансов. В его ведении находилось и Пермское горное правление, с 1807 г. ставшее управлять всей промышленностью Урала. Пермский и вятский генерал-губернатор стал главой горного правления. Фактическое же руководство принадлежало помощнику генерал-губернатора – пермскому берг-инспектору. В 1826 г. Николай I учредил должность главного начальника заводов хребта Уральского, который был независим от генерал-губернатора. С 1832 г. Уральское горное правление было переведено в Екатеринбург, Урал поделен на округа, а заводские конторы подчинены окружным начальникам. Все эти изменения косну-

лись частных горных заводов и Камско-Воткинского завода, который с 1828 г. стал составлять самостоятельный горный округ. Ижевский завод с устройством на его базе в 1807 г. оружейного производства был передан Артиллерийскому департаменту военного министерства. Соответственно менялась и подчиненность непрременных работников.

Непрременные работники не имели своих волостей или подобных им мелких административных единиц. 35 населенных пунктов Кулюшевской волости, 16 – Забегаловской, 3 – Алтынской, 20 – Завьяловской и 7 – Юскинской волостей Сарапульского уезда после своего причисления в 1807 г. к Ижевскому и Воткинскому заводам вышли за рамки установленного для государственных крестьян административно-территориального деления⁷³. С этого момента можно отметить наличие двух отделений во главе со старшинами при каждом из казенных заводов Удмуртии. В этом плане интересно обращение к административному опыту Ижевского завода, к которому во второй четверти XIX в. было приписано более 50 прилегающих населенных пунктов. Разделение непрременных работников Ижевского завода на русское Забегаловское и удмуртское Завьяловское отделения (Воткинский завод – Гавриловское и Кулюшевское отделения) имело своей целью более совершенный и всеобъемлющий контроль за производимыми работами⁷⁴.

Кроме уже названных категорий на территории Удмуртии проживали также лашманы и тептяри. Над лашманами установилось двойное управление. В вопросах трудовой повинности они были подчинены правлению низового комитета Адмиралтейства в Казани, а по всем прочим вопросам – органам местного управления⁷⁵. По положению от 25 августа 1817 г. с 1818 г. создавались лашманские волости; на территории Удмуртии такими, например, в 1820-е гг. были Юрашевская волость Елабужского уезда и Адаевская – Малмыжского⁷⁶. В 1850 г. лашманы Удмуртии проживали в 8 обществах 4-х волостей Малмыжского уезда и 2 обществах Еловской волости Елабужского уезда⁷⁷.

Из 99 тептярских команд России середины XIX в. 3 команды располагались в Елабужском уезде. В административном отношении они подчинялись

военному ведомству. В течение 1850-1851 гг. тептяри Вятской губернии перешли в ведомство Министерства государственных имуществ⁷⁸. При приеме они были приписаны к волостям государственных крестьян, был оставлен прежний порядок управления ими. Тептяри делились на три команды и проживали в 28 деревнях, из которых 12 были чисто тептярскими, 5 – тептярско-башкирскими и в 11 селениях они проживали совместно с казенными крестьянами из татар, марийцев и частично башкир. В 1855 г. это служилое крестьянское сословие было присоединено к башкиро-мещерякскому войску и включено в состав неслужащих кантонов. Тептярские старшины были заменены юртовыми старшинами, в свою очередь подчиненными кантонному начальству и попечителям. С сентября 1855 г. тептяри Удмуртии входили в 12-й башкирский кантон, кантонная квартира располагалась в д. Салауш Елабужского уезда⁷⁹.

В целом на протяжении первой половины XIX в. можно проследить попытки централизации управления крестьянством, выразившиеся, в частности, в укрупнении волостей, попытках включения в состав государственных крестьян тептярского населения, приближении друг к другу систем управления удельными и государственными крестьянами и т.д. Данные меры, по замыслу органов власти, позволяли бы облегчить управление и контроль и сэкономить средства на содержание растущего чиновничьего аппарата. Однако уже с конца 1850-х наблюдается обратная тенденция: выросло число волостей, в государственной деревне были ликвидированы окружные управления. Все это можно связать как с ростом крестьянского населения, так и некоторой эволюцией в сторону предоставления больших прав крестьянским сообществам. На территории Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в. происходили довольно значительные административно-территориальные преобразования, итогом которых в конечном счете была постепенная унификация крестьянского населения в административном отношении. Реформы 60-х гг., заключавшиеся в ликвидации всех прежних категорий крестьянства и формировании единого сословия «свободных сельских обывателей», предусматривали перевод на волостную

систему управления. Посылы к такому преобразованию имели место еще в первой половине XIX в.

§ 3. Органы крестьянского самоуправления, их положение в структуре власти

Конец XVIII – первая половина XIX вв. в истории российского крестьянства являются временем растянутых частных и более глобальных преобразований, которые подготовили реформы 1860-х гг. Все в большей степени органы самоуправления общины перестраивались государством под свои нужды. Реорганизации в немалой степени затрагивали и различные категории крестьянства Удмуртии.

Б.Н. Миронов отметил, что любому органу самоуправления должны быть присущи следующие признаки: 1) он является представителем местного общества, проводником его особых интересов и стремлений; 2) его члены избираются местным обществом; 3) обладает самостоятельностью и инициативой в выборе способов осуществления возложенных на него государством задач; 4) обладает правами юридического лица (имеет собственность, берет обязательства, вступает с государством в юридические отношения); 5) выполняет государственные задачи; 6) контролируется общественным мнением; 7) самостоятельно принимает постановления, которые могут отменяться и корректироваться государственными органами⁸⁰. С рядом существенных оговорок органы крестьянского самоуправления Удмуртии первой половины XIX в. обладали этими признаками. По замечанию А.А. Вилкова, произошла парадоксальная вещь: жестко централизованное государство вынуждено было для своего успешного функционирования признать значительную правомочность крестьянского «мира». Крайне невысокий объем совокупного прибавочного продукта мог изыматься на государственные нужды лишь внеэкономическими методами. Чтобы добраться до каждого отдельного крестьянина, государству нужен был бы огромный аппарат и еще более значительные средства на его содержание. Из этого своеобразного замкнутого круга государство вышло, пере-

дав фискальные функции общине на принципах круговой поруки. Взамен была признана самоуправленческая функция общины и определенные гарантии невмешательства в ее внутренние прерогативы. Вместо отдельного подданного, имеющего определенные права и обязанности, совокупным субъектом правоотношений с государством признавался крестьянский «мир»⁸¹. Община являлась «инородным телом» в государственном управлении. Существование таких антагонистических институтов было возможно лишь при условии выполнения одним из них «подсобной, вспомогательной роли»⁸². Эта роль досталась органу крестьянского самоуправления.

Перестройка управления крестьянами была начата государством в конце XVIII в. с удельной деревни. Села и деревни удельных крестьян объединялись в приказы численностью до 3 тыс. м.п.д. в каждом. При казенных палатах открывались удельные экспедиции, непосредственно ведавшие приказами. Последние являлись органом самоуправления: учреждалась должность «приказного выборного» и двух старост – казенного и приказного, «по общему через три года выбору». Приказной выборный (в последующем голова) должен был объявлять крестьянам правительственные и удельные распоряжения, удерживать в повиновении крестьян, в том числе следить за их нравственностью, обеспечивать сохранность удельных земель и т.д. Казенный выборный осуществлял денежные поборы с крестьян, взыскание недоимок и охрану удельного имущества. Приказной староста разбирал мелкие тяжбы между крестьянами, обеспечивал внутренний порядок в приказе, следил, чтобы в селениях его приказа не укрывались беглые и беспаспортные и т.д., т.е. выполнял полицейские функции. Наконец, еще одно должностное лицо, писарь, занимался оформлением всех документов в приказе и перепиской с вышестоящими органами управления.

В селах и деревнях предусматривалось избрание выборного (старосты) сроком на 1 год, десятских – от каждых 10 дворов (поочередно, сменяясь через 3 месяца).

Выборы производились на соответствующих сходах, на которых было обязательно присутствие члена экспедиции. Последняя на своем заседании

окончательно утверждала выборы. Все должности, кроме десятских, оплачивались «миром» (от 3 до 6 руб. серебром в год), лица, их занимающие, освобождались от нарядов и работ, но подати должны были вносить наравне с рядовыми общинниками. Закон охранял выборных: «обидевшие словом приказных» наказывались штрафом в 1 руб. сер., других по полтине: в случае же, если «кто дерзнет рукой», предусматривалось увеличение штрафа в три раза, наказание тюрьмой или «употреблением в разные работы»⁸³.

Наряду с административными обязанностями, выборные должны были осуществлять и хозяйственный надзор: следить, чтобы крестьяне не оставляли землю без обработки и скот без присмотра, правильно обрабатывали посевы и огороды и т.п.

По «Положению» 1808 г. удельные экспедиции заменялись конторами, независимыми от губернских властей. В каждом приказе должны были избираться один голова и два заседателя, четвертый член приказа, писарь, назначался управляющим конторой и числился в дальнейшем в штате департамента уделов. Функции и обязанности чинов оставались прежними, но менялся порядок выборов и положение выборных. Выборы становились многоступенчатыми: от каждых 100 м.п.д. на сходах назначались двое «из людей совершеннолетних, имеющих собственное свое хозяйство, доброго поведения и не токмо не бывших никогда в публичных наказаниях, но даже в подозрении». Управляющий именем, со своей стороны, из кандидатов, представленных общинами, назначал «не менее 10 человек лучших людей, имеющих качества старшин». Из этих «лучших людей» представители селений и избирали голову приказа и двух заседателей*. При этом голова избирался не на три года, а бессрочно. Избранные приказные чины должны были утверждаться в департаменте уделов. В результате зависимость органов самоуправления от удельной администрации значительно усилилась: она получила возможность почти полностью контролиро-

---

* Позднее их чаще стали называть, как и прежде, приказными и казенными старостами.

вать выборы от крестьян, функции выборных органов были определены удельными властями и регулировались в дальнейшем в нужном направлении.

По новому положению на сельском уровне самоуправления кроме старосты и десятских выбирались еще два добросовестных для разбора тяжб между крестьянами. Основной их целью было примирить тяжущихся, иначе дело поступало в приказ, а далее – в контору⁸⁴.

Община удельных крестьян продолжала оставаться и первой инстанцией суда. Суд, как правило, производился на сходе. Например, в январе 1832 г. жители д. Бисерки Мостовинского приказа Сарапульского уезда осудили своего однодеревенца Капитона Тенсина, занимавшегося кражами совместно с «подозрительными воровскими людьми», а теперь «совершенно изобличенного в зарезании пришлой овечки черной, стоящей 3 рубли». Тенсину были назначены удары розгами. Наказания такого рода весьма типичны. Система общинного суда здесь превращалась в низшую инстанцию официального судебного делопроизводства. Интересен тот факт, что в приговорах подобного рода могут отсутствовать подписи и печати должностных лиц местного самоуправления, что может свидетельствовать о формальности письменной фиксации судебного решения на основании обычного права. В приговоре по делу крестьянина Тенсина единственным официальным удостоверением легитимности наказания является подпись жителя поч. Сиверного крестьянина Ивана Чикурова, «приложившего руку» за всех остальных, неграмотных участников суда⁸⁵.

При преобразовании в десятикратном размере было увеличено жалование всем должностным лицам сельского управления, более четко обозначены их обязанности, расширены привилегии членов их семей. В частности, семьи выборных лиц освобождались от рекрутской повинности, могли длительное время проживать в городах, имели преимущество перед другими крестьянами при взятии в аренду оброчных статей и т.п.⁸⁶

В 20-е годы при реализации реформы Л.А. Перовского было запрещено выбирать на мирские должности «неплательщиков податей» (1827 г.), из числа участников «мирских сходов» были исключены те, кто по тому или иному по-

воду попадал в штрафные книги приказов*. В начале 30-х гг. круг выбираемых был еще раз ограничен: из него исключались крестьяне-старообрядцы. В Вятском имении за один 1835 г. по этой причине было отрешено от разных выборных должностей более 20 человек.

В удельной деревне разрешалось по приговору схода людей «дурного поведения» сдавать в рекруты. Но в 1829 г. министр двора и уделов пришел к выводу, что «обыкновенных исправительных мер к улучшению нравственности и состояния крестьян недостаточно», так как в случае «превосходства (на сходе – Н.П.) голов крестьян дурного поведения подобные им скорее найдут защиту, чем справедливое возмездие». По представлению министра император разрешил отдавать провинившихся в рекруты простым решением управляющего конторой. Позднее это положение (1831 г.) было закреплено в «Уставе рекрутском»⁸⁷.

В 1829 же году были введены 3 разряда для приказов и отделений в зависимости от количества ревизских душ, повышено жалованье должностным лицам (головам – в зависимости от разряда приказа от 114 до 242 руб., старостам, добросовестным, писарям – от 85 до 170 руб. сер.). Были усилены меры наказания должностных лиц за злоупотребления или уголовные преступления. Управляющий удельной конторы мог без суда и следствия сдать крестьян, преступивших закон, в рекруты или отправить в ссылку⁸⁸. В 1840 г. департамент уделов циркулярно определил, что в случае отказа крестьян составить «мирской приговор о порядке исполнения» того или иного предписания властей последним подлежит составить об этом акт «за подписом» приказных выборных и нескольких свидетелей, после чего распоряжение вступает в силу⁸⁹. Все это говорит о постепенном и последовательном уменьшении прерогатив общины удельных крестьян.

---

* В отношении неплательщика община могла пойти и на крайние меры – конфисковать и продать принадлежавшее ему имущество. Так, например, случилось летом 1836 г. с домом крестьянина Мостовинского приказа Никифора Беляева: здание «деревянного строения поступило в здешнее общество за неплатеж недоимки» и было продано сарапульскому купцу Г.В. Колчину (См.: ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.253, л.50.).

В своих действиях удельные крестьяне опирались на мнение «мира», принимали решения и формулировали требования на общинных сходах. Выборные же органы в этих случаях занимали неоднозначную позицию: иногда они оставались с крестьянами, в других случаях поддерживали действия официальных властей. По наблюдениям Н.С. Половинкина, положение общинной организации удельных крестьян может быть охарактеризовано следующими моментами: 1) за счет общины формировались два звена управления – приказное и сельское, содержание их полностью лежало на общине; 2) выборы на общинные должности проводились с санкции и под контролем чиновников удельного ведомства по определенному ими же порядку; 3) подчиненность общинных органов усиливалось практикой утверждения выборных, возможностью лишиться полномочий; 4) община удельного крестьянства все больше утрачивала свои функции, которые переходили в ведение удельной администрации; 5) община и общинные порядки, тем не менее, еще прочно сохранялись в сознании крестьян и определяли стереотипы поведения основной массы населения удельной деревни⁹⁰.

На наш взгляд, складывание системы организации самоуправления удельной деревни и проведение преобразований в государственной деревне являлись образцом друг для друга. Аналогом удельных приказов в государственной деревне стали волости, в частности, численность населения волости, как и приказа, определялась в 3 тыс. ревизских душ. В каждую из волостей были соединены селения. Отличным от удельного управления стало учреждение еще одного звена самоуправления государственных крестьян – сельских обществ (с 1833 г.). В общине государственных крестьян Удмуртии существовала иерархия территориальных общин: одnodеревенская – сложная сельская, зачастую могущая не совпадать с официально признаваемой, – волостная⁹¹.

Важное место в структуре крестьянского выборного самоуправления принадлежало волостному правлению. Волостное правление являлось одновременно низшим органом государственной власти и высшим органом крестьянского самоуправления. В него вошли волостной голова, староста села, в ко-

тором образовывалось правление, и писарь. По букве закона, волостное правление по делам, относящимся к полиции, подчинялось земскому суду, а по всем предметам хозяйственного управления относилось к ведомству казенной палаты и, в последующем, – окружного управления и палаты государственных имуществ. По реформе П.Д. Киселева состав волостного правления подвергся значительным изменениям. В него входили теперь волостной голова и два избранных заседателя, один по полицейской, другой по хозяйственной части, с одного года до трех лет увеличилось время его функционирования. Волостной писарь, в отличие от прежнего порядка, не избирался крестьянами и не входил в состав волостного правления; он назначался окружным начальником и состоял «при волостном правлении», заведая письмоводством. С 1838 г. вводился новый орган – волостная расправа как судебнo-апелляционная инстанция сословного типа. Она состояла из того же головы и «добросовестных», избранных населением, для разбора крестьянских проступков и споров⁹².

Выборы членов волостного правления по закону 1797 г. производились на сходе, на котором должны были присутствовать по два человека от каждой ста душ. Из списка собравшихся самими крестьянами определялись «старшие и лучшие люди» в количестве не менее 10 чел. Из их числа присутствовавшие на сходе крестьяне избирали голову, затем старосту волостного села. Указ от 30 апреля 1817 г. предписал утверждение мирского приговора не менее чем двумя третями голосов избирателей. В последующем эта система изменилась: крестьяне отправляли от каждой ста душ по пять человек, имеющих хорошее хозяйство, доброе поведение и «не бывших никогда в публичных наказаниях». Им разрешалось назначить из своей среды не менее 24 «лучших людей», которым и поручалось избрать 12 кандидатов на должность головы. Получивший наибольшее количество шаров (голосов) становился волостным головой. Другой кандидат, набравший в сравнении с остальными большее количество шаров (и становившийся таким образом «старшим из кандидатов»), имел право по выбытию избранного головы, например, по болезни, вступить в эту должность⁹³. Выборы должны были происходить в октябре, избранные к должностям обяза-

вались приступить к службе 1 января. При выборах должны были присутствовать уездный стряпчий и члены земского суда, не имевшие формального права оказывать влияние на ход выборов.

После 1838 г. в состав волостного схода входили не все крестьяне-домохозяева волости, а представители от казенных селений, выделенные путем определенной избирательной процедуры. Каждое трехлетие, за неделю до Михайлова дня (1 ноября) в каждом сельском обществе производились «частные сельские выборы»: сельский старшина собирал всех совершеннолетних домохозяев и спрашивал, кого они желают назначить выборными на сельский сход. От каждых 10 домохозяев должны были быть названы два представителя. При этом можно было называть исключительно крестьян «не моложе 25 лет от роду, хорошего поведения, не бездомовных, рачительных по хозяйству». После выбора представителей на сельский сход, избранные из своей среды выделяли по одному от каждых четырех человек на волостной сход.

Каждое трехлетие, в ноябре, волостное правление созывало новоизбранный волостной сход для проведения волостных выборов. Предварительно все сельские общества, входившие в состав волости, избирали на предстоящее трехлетие по три кандидата на каждую волостную должность: волостного головы, заседателей волостного правления и «добросовестных». Из числа намеченных кандидатов волостной сход под председательством волостного головы избирал требуемых должностных лиц путем баллотировки шарами, причем на каждую должность необходимо было избирать по три кандидата. Окружной начальник, рассмотрев представленные документы: приговор, баллотировочный список, справки из волостных дел и выписки из штрафных книг – давал свое заключение палате государственных имуществ. Последняя, в свою очередь, взвешивала представленные доводы и «по своему усмотрению» утверждала в каждой должности одного из трех избранных сходом, а двух других – кандидатами на случай выбытия первого. Для утверждения волостных голов и их заместителей требовалось, кроме того, постановление губернатора. По окончании

волостных выборов волостной сход распускался и не созывался вплоть до новых выборов⁹⁴.

С 1800 г. на волостных сходах происходило также назначение выборщиков для избрания сельских заседателей в совестной, уездные и земские суды. Эти выборы производились раз в три года. Сельские заседатели избирались в уездных городах выборщиками по одному человеку от 500 душ казенных крестьян. Каждый выборщик должен был быть снабжен доверенностью от мирского общества⁹⁵. В свою очередь, этих выборщиков также избирали по обществам представители от каждых пяти дворов; на эти выборы составлялись специальные мирские приговоры, заверенные подписями грамотных. Как обычно, в подобных мирских приговорах могли присутствовать и тамги нерусских выборщиков⁹⁶.

Списки лиц для замещения должностей заседателей совестного, уездного и земского судов зачастую составлялись общими, но с указанием предстоящей должности. Так, например, выглядел список от Малмыжского уезда на трехлетие 1847-1850 гг.:

Таблица IV

**Список кандидатов на выборные должности
по Малмыжскому уезду на 1847-1850 гг.**

№	Список кандидатов	Число набранных баллов		Возраст, лет	Грамотность	Семейное и имущественное положение	Занятия	Не были ли в штрафах, наказаниях и под начетом
		За	Против					
1.	В Малмыжский уездный суд настоящими Усадской волости Ахметзян Фанзов	93	7	40	Грамоте знает по-татарски	Жену, детей, дом и землю имеет	Хлебопашество и другие крестьянскими промыслами	Не бывал
2.	Жайгильской волости Ефим Марков Марков	89	11	26	Грамоте неучен	тоже	тоже	тоже
3.	В земский суд настоящими: Сизинерской волости Козьма Палафиев Лоншаков	85	15	29	Грамоте	тоже	тоже	тоже

					те учен			
4.	Малорожжинской волости Федор Иванов Картышев	83	17	35	Грамо- те не- учен	тоже	тоже	тоже
5.	Кандидаты в уездный суд: Жайгильской волости Демьян Федоров Кипелев	42	6	30	тоже	тоже	тоже	тоже
6.	Волипельгинской волости Митрофан Копысов	49	51	43	тоже	тоже	тоже	тоже
7.	Кандидаты в земский суд: Сизинерской волости Иван Никитин Зыкин	31	69	34	Грамо- те учен	тоже	тоже	тоже
8.	Жайгильской волости Иван Юдин Марков	32	36	26	Грамо- те не- учен	тоже	тоже	тоже
9.	В Вятский совестной суд на- стоящими: Волипельгинской волости Назар Дмитриев	64	36	35	тоже	тоже	тоже	тоже
10.	Уватуклинской волости Харитон Машкавцов	64	36	60	тоже	тоже	тоже	тоже
11.	Кандидаты в совестной суд: Сардыкбажской волости Мухамет Рахим Даутов	57	43	35	тоже	тоже	тоже	тоже
12.	Волипельгинской волости Осип Харитонов	32	68	35	тоже	тоже	тоже	тоже
13.	Кандидаты в Малмыжский уездный суд: Арборской волости Бикмухамет Ишмуратов	87	10	40	тоже	тоже	тоже	тоже
14.	Уватклинской волости Агаф Григорьев	78	19	55	тоже	тоже	тоже	тоже

Таблица составлена по данным: ГАКО, ф.583, оп.603, д.171, л.72-73, 78.

Замена избранного представителя могла произойти по разным причинам, например, из-за «буйственных поступков и пьянства» должностного лица. Так, по постановлению Вятского губернского правления от 4 марта 1847 г. был уволен сельский заседатель Малмыжского земского суда Козьма Лоншаков, а его место занял кандидат Иван Марков⁹⁷. Отказывались от должности и сами выборные лица, в частности, из-за каких-либо неприятных коллизий, сложившихся в хозяйстве выбранного. Подобное случилось с сельским заседателем Сарапульского уездного суда удмуртом из с. Нылги Большенорьинской волости Ионной Леонтьевым, который «лишился родного своего брата Ивана, оставшегося в дому для исправления работ, оплачивая за 4 души податей, отправления повинностей и прокормления семейства, состоящего кроме меня из 8 человек, как то престарелого дяди, которому от роду более уже 60 лет, трех моих сыно-

вей, из коих старшему только еще 9 лет, а прочих женска пола и те тоже престарелых лет, кроме жены моей». Леонтьев, «дабы не привести семейство... в нищету и дом в разорение», просил освободить его от занимаемой должности. Данную просьбу рассматривало губернское правление, которое переложило решение вопроса на мирское общество, к которому принадлежал проситель⁹⁸. Обычно губернское правление именно таким образом решало все подобные казусы с выборными крестьянскими должностями⁹⁹.

Сельский заседатель из крестьян получал жалование и не мог быть отдан в рекруты, подвергнуться наказанию без суда. Во второй четверти XIX в. жалование заседателя от крестьян уездного суда составляло 60 руб. ассигнациями в год. Каждое волостное правление обязывалось также ежемесячно присылать в земские суды и окружные управления людей для выполнения обязанностей рассыльных¹⁰⁰.

Важнейшие вопросы, решаемые на волостном сходе, касались раскладки обязанностей крестьян перед государством (выплата податей, отработка повинностей, предоставление рекрутов и т.д.), необходимости назначения мирских сборов и прочих «разных советов мирских», могущих затронуть всех жителей волости. Так, в январе 1800 г. при Омутнинском волостном правлении Глазовского уезда был созван сход для раскладки податей и повинностей по селениям и для «развода на некоторые необходимые мирские расходы». На сходе произошел своеобразный торг между головой Чирковым и крестьянами: волостной начальник просил назначить «себе на расходы» сбор по 5 коп. с ревизской души, мир же соглашался первоначально на 3 коп., а в последующем – на 4 коп., о чем и «велел» сообщить жителю д. Качкашурской Дмитрию Князеву. Итогом спора стало судебное разбирательство, в ходе которого выяснилось, что 5-копечный сбор, требуемый головой, полагался в качестве жалования для волостного писаря. С 4912 душ волости, таким образом, следовало 245 руб. 60 коп., сумма «с их правления весьма несоразмерная», к тому же сбор проводился на полгода раньше положенного срока. Был также выявлен ряд других нарушений. Глазовский уездный суд принял сторону крестьян, сформулировав следующее

требование к должности главы волости: «Голова определен не для того, чтобы обременять поселян... несообразными и совсем противозаконными поборами, но должен невинных поселян от всяких угнетений излишних и издержек защищать..., дабы он, как наивозможно, старался расходы уменьшить и сделать их поселянам нетягостными»¹⁰¹.

Все исполнительные функции волостного правления были возложены на волостного голову, являвшегося представителем губернских и уездных органов управления. Голова обязывался исполнять фискально-полицейские задачи. Основным в деятельности волостных голов был сбор налогов и недоимок, распределение и контроль за исполнением натуральных повинностей. Волостным головам запрещалось участвовать в раскладке податей, но именно они следили за тем, сколько каждое селение должно было заплатить налогов по числу ревизских душ. В определенные законом сроки уплаты налогов, особенно в осеннее время, после реализации крестьянами урожая, волостные головы выезжали в селения для ускорения сбора денег на местах. Им было предоставлено право отправки неплательщиков в работные дома или наказания крестьян, но после утверждения на эти действия мирского приговора. С другой стороны, и волостные головы отвечали своим имуществом и свободой за недоимки, допущенные по их вине. Так, в 1831 г. за «растраты мирских денег, собранных в подати и за лесные изделия», было описано имущество бывших в 1825, 1826 и 1829 гг. головами в Кляповской волости Глазовского уезда «из вотяков новокрещен» Абрама Бегишева, Ивана Максимова и Изота Баженова. В отношении последнего из них не помогло и прошение его отца Архипа Баженова, утверждавшего, что выборы «мирским обществом» на главную должность сына было проведено без его согласия и что описанное имущество принадлежит ему как домохозяину, у которого сын лишь «имеет проживание»¹⁰². В 1833 г. бывший в 1831 г. головой в Зюздинской волости Глазовского же уезда Галактион Сидоров за крупную растрату в размере 1676 руб. 42 коп. был отдан в рекруты¹⁰³.

До 1833 г. собранные подати доставлялись старостами сельских общин в волостное правление и затем вносились волостными головами в уездное казна-

чейство. На голов и сельских старост возлагалась обязанность сбора денег на земские повинности. Волостной голова должен был хранить мирскую кассу и в конце года обязывался отчитываться перед обществом, которое свидетельствовало, что «миром все расходы считаны». На волостных голов и мирских старост были возложены обязанности за уплату крестьянами недоимок, собираемых ими под контролем членов земского суда. Они наблюдали за исполнением натуральных повинностей, контролировали очередность. Голова отвечал за поставку рекрутов, представляя их лично в рекрутское присутствие и получая зачетные квитанции. Должностные лица крестьянского самоуправления были ответственны за исполнение постановлений и указов вышестоящих учреждений во вверенных им волостях. На головах и старостах лежали общие полицейские обязанности по охране правопорядка, поимке беглецов и дезертиров. Они были обязаны обеспечить содействие членам земской полиции в доставлении в уездные и губернские судебные учреждения арестантов, обвиняемых и свидетелей, выполнение указаний всех судебных инстанций. Помощь в этих функциях оказывали специально избранные сборщики и рекрутские отдатчики в рамках функционировавших в ряде мест до начала 1840-х гг. пятисотков, в последующем замененных сельскими обществами¹⁰⁴.

Указом Сената от 24 августа 1797 г. волостному голове предоставлялось право решать на сходе дела о кражах, не превышающих сумму в 5 руб. Указ от 14 июня 1812 г. распространил этот порядок на другие «маловажные преступления» – драки, непослушание, кратковременные отлучки крестьян без разрешения и т.д. Однако, до конца 30-х гг. XIX в. судебные приговоры сельских общин, решение волостного схода и волостного головы в отличие от постановлений чиновников обязательной силы не имели. После 1838 г. суд по поводу крестьянских «проступков» и исков (с правом наказания розгами до 20 ударов и штрафами до 5 руб. серебром) был возложен на волостную и сельскую расправу.

Волостные головы отвечали за выдачу паспортов для крестьян-отходников, оформляя их через уездные казначейства, выдавали «виды» для

продажи крестьянами продуктов в ближайших городах. Кроме того, волостные головы должны были наблюдать за общим состоянием крестьян и их хозяйств, предоставлять различные сведения в органы местной администрации и т.д.¹⁰⁵ Волостные правления, а, значит, прежде всего волостные головы давали «наряды» крестьянам выступать в качестве помощников и понятых для земской полиции и землемеров¹⁰⁶.

Законом 1838 г. устанавливалось, что «волостной голова остается в своей должности и по прошествии трехлетия на неопределенное время, пока сам не будет просить увольнения, или пока начальство по жалобам крестьян по неспособности головы или по другим уважительным причинам, не признает нужным избрать на его место другого».

Волостной голова выполнял те же функции, что и окружной начальник, но только в пределах своей волости. По реформе государственной деревни волостное правление рассматривалось как коллегиальный орган, решающий дела или единогласно, или большинством голосов. Но начала коллегиальности приобретали в глазах верховной власти служебное, вспомогательное значение, по справедливому замечанию Н.М. Дружинина, все это только должно было «корректировать институт волостного управления, воздвигая преграду злоупотреблениям и произволу старшего волостного начальника». При волостном правлении учреждалась волостная расправа как «вторая степень домашнего суда». В ее состав входили в качестве рядовых членов старший и младший добросовестные, избранные волостным сходом, а в качестве председателя – волостной голова¹⁰⁷.

Архивные данные позволяют утверждать, что волостное начальство в ряде случаев собирало сход части крестьян своей волости, когда дело касалось именно этой части. Так поступило, например, правление Бурановской волости Сарапульского уезда, создавшее во время Великого поста 1849 г на сход крестьян только двух сельских обществ, на которых лежала ответственность за исправление участка на Сибирском тракте. На сходе им было предложено либо «непрерывно каждому отправиться на тракт» (а участок находился в 150 вер-

стах), либо нанять «бывших тут же на сходке крестьян». Был выбран второй вариант, «дабы чрез отлучку из своих жительств не расстроиться в хозяйстве»¹⁰⁸. 15 ноября 1860 г. произошел сход Леденцовского податного участка Леденцовской волости Глазовского уезда, на котором присутствовали волостной голова, сборщик податей, смотритель магазина и 55 выборных. Помимо выбора должностных лиц на будущий год собравшимися «с общего всех совета единогласно» была одобрена передача земли для «вновь заведенного» починка, совершенная 3 июня¹⁰⁹.

Органами сельского общества являлись сельский сход, созывавшийся для решения и обсуждения общественных дел, сельское начальство, призванное управлять обществом, и сельская расправа (после 1838 г.) как низшая судебная инстанция для разбора крестьянских споров и мелких проступков. Сельский сход, в отличие от волостного, собирался не только для проведения выборов, но и выступал высшим распорядительным органом сельского общества. Круг проблем, решаемый сельским сходом, охватывал самые разнообразные стороны хозяйственной и общественной жизни крестьян. На нем рассматривались дела о переделах общественных угодий, семейных разделах, распределялись мирские оброчные статьи, составлялись ходатайства и приговоры по мирским делам, решались семейно-бытовые вопросы. Важнейшая функция сельского схода заключалась в раскладке государственных податей, повинностей, взыскании недоимок. Законами требовалось, чтобы волостная администрация в данном вопросе не вмешивалась в действия сельского схода, так как раскладка производилась по отдельным селениям, а не по приговору всей волости. По рекрутской повинности сельский сход определял лишь кандидатов в рекруты, но окончательное решение принималось на волостном совете.

В состав сельского схода входили представители исполнительной власти (сельский старшина, старосты, сборщик податей, смотритель магазина) и выборные от домохозяев. Обыкновенно сельские сходы созывались в определенные, строго установленные сроки: 1) в январе – «для раскладки податей, повинностей и сборов и для составления приговоров о мерах взыскания недоимок за

истекший год», 2) в конце апреля или начале мая – «для распределения в случае надобности полей и для составления приговоров о мерах взыскания недоимок с неплательщиков за первую половину», 3) в сентябре или начале октября – «для составления приговоров о потребности мирских расходов, равно о мерах к побуждению недоимщиков»; на этих же сходах должны были обсуждаться и остальные вопросы деревенской жизни. Кроме того, один раз в три года, «через два дня после Филиппова заговенья» (т.е. 17 ноября), созывались специальные сходы для производства выборов на сельские должности. Как исключение из установленного правила, но с особого разрешения окружного начальника, могли созываться чрезвычайные сходы в случаях, «не терпящих отлагательства»¹¹⁰.

Сельский исполнительный аппарат был сложнее волостного. На сельском сходе проводились выборы сельских начальников – старост, писарей, сотских, десятских, полесовщиков, сборщиков податей, вахтеров запасных хлебных магазинов, с 1831 г. – старост рекрутских участков. Крестьяне, занявшие на выборах на ту или иную должность второе место, становились кандидатами на эту должность. Так, по причине болезни основного сборщика Ишмурата Арасланова подати за вторую половину 1848 г. по Починошному сельскому обществу Кочуковской волости Глазовского уезда собирал «старший кандидат» Иван Шмелев. Его действия могут служить примером неграмотности большинства крестьянских должностных лиц в денежных вопросах. Шмелев действовал следующим образом: собирая с крестьян своего общества по 2 руб. 39 $\frac{1}{4}$ коп. серебром с души, он двумя частями отвез их в Глазовское уездное казначейство и взамен получил гербовые квитанции. Однако во время второй сдачи денег писарь казначейства, «по имени и прозванию неизвестный», уведомил о недостатке в размере 25 руб. 40 коп. По прибытии в сельское управление новоиспеченный сборщик собирался проконсультироваться у сельских начальников о своих дальнейших действиях, но те уехали на длительное время с партией рекрутов в Глазов, между тем и сам он «сделался болен». Поэтому, «чтоб не пропустить в срок взноса», сбором занялся его сын. Дополнительный сбор с 820 ревизских душ Починошного общества, по самостоятельным их подсчетам должен был

составить по $3\frac{3}{4}$ коп. серебром или $13\frac{1}{2}$ коп. ассигнациями, результатом сбора каким-то образом стал излишек в размере 11 руб. $55\frac{3}{4}$ коп. серебром, больше должного быть в результате такого подсчета излишка. Эта сумма не была принята ни казначейством, ни первоначально волостным правлением, и только после прямого указания окружного начальника, деньги были причислены к «мирским временным неокладным сборам» (или «остаточным от рекрутских наборов за расходом суммам»). Иван Шмелев за «неумышленную ошибку» заплатил потраченными на разбирательство временем и нервами¹¹¹.

Сельские общества могли назначать лесных сторожей, пожарных и натурных (для контроля за отбыванием натуральных повинностей и сбора средств на отбытие их наймом) старост и караульных. В селах с православным населением выбирались церковные старосты, церковные сторожа, в мусульманских приходах – караульные при мечетях. Многие эти должности не входили в состав официально утвержденных¹¹².

Реформа П.Д. Киселева вводила новый институт сельского старшины, возглавляющего общество, взимание податей становилось обязанностью особого сборщика и его помощников. На выборах помимо сборщика податей избирался и кандидат на эту должность¹¹³. Увеличивалось количество сельских старост в зависимости от числа крестьянских дворов в селениях. Только в малоллюдных селениях могли совмещаться в одном лице старшина и староста, сборщик и смотритель магазина. Выборы сельских должностных лиц производились каждое трехлетие тем же способом, каким избирались кандидаты в члены волостного правления¹¹⁴.

Сельский староста в своем селении и сельский старшина в своем обществе юридически выполнял такие же обязанности, что и волостной голова в волости. Среди многочисленных обязанностей сельских старост важнейшим являлся сбор податей и повинностей. По «Положению» 28 ноября 1833 г. сельские общества должны были состояться из одного или нескольких селений в составе от 300 до 500 душ, по реформе государственной деревни нормой стало считаться 1,5 тыс. ревизских душ на общество. Крестьяне выбирали сельского

старосту на три года вместо прежнего срока в один год, одновременно возложив на него функции сборщика податей. Старосты по-прежнему не могли быть исключены из денежного платежа казенных податей, но общество вместо уплаты ежегодного жалованья в 10 руб. могло вознаграждать старосту хлебом или отводить из общественных угодий дополнительные земли, либо освобождать его от натуральных повинностей.

Сельские и волостные управления обязывались выдавать подведомственным крестьянам паспорта на отлучку из мест жительства, удостоверения на продажу продукции своего хозяйства и т.д.¹¹⁵

Полицейская функция являлась важнейшей для органов крестьянского самоуправления. Самыми многочисленными представителями сельской администрации являлись сотские и десятские, избранные на эти низшие полицейские должности от общего количества дворов в селении. Сотские избирались сроком на один год, а десятские сменялись ежемесячно по очереди. Крестьяне выбирали также кандидатов на места сотских. Сотские и десятские выполняли обязанности по охране порядка в селе, во время сходов, праздников, на сельских ярмарках. Они использовались при поимке и конвоировании арестантов, обязывались оказывать помощь членам полиции и суда и т.д.¹¹⁶ Очевидно, не было случайностью, что именно десятник Дмитрий Стерхов в августе 1861 г. в д. Дуванак Чепановской волости Сарапульского уезда нашел и доложил «проезжавшему» волостному голове об обнаруженной у полевых ворот записке с угрозами поджечь деревню*. В январе 1848 г. сотский с. Имдибалихи Карлыганского сельского общества и одноименной волости Сарапульского же уезда первым сообщил о состоявшемся конфликте удельных и государственных крестьян, результатом которого стало избиевание беременной жены казенного крестьянина Григория Андреева «вилами и кулаками» за съеденный свиньями озимой хлеб¹¹⁷.

---

* Считаю возможным привести полностью содержание этой курьезной записки: «Ах вы дуванаковцы богатые, чего вы думаете? Пришли из Турции пять человек, да хотим сжечь всю деревню, дайте нам денег 1000 руб., дак ничего не станем делать то, а то наперво овин зажжем, деньги вынесите в яровые, сами уедте оттуда, а кого увидим, того застрелим» (См.: ЦГА УР, ф.241, оп.2, д.7, л.5.).

Должности сотских и десятских оставались в подчинении земского суда и после реформы П.Д. Киселева. Земский суд мог их отрешить, обратившись напрямую в губернское правление, минуя все органы ведомства государственных имуществ. Таким способом в 1850 г. были отрешены от своих должностей сотские Степан Ефимов и Михей Решетников, которые, по донесению пристава 3-го стана Сарапульского уезда, оказались «неспособны к службе по тупоумию и нерасторопности». Места их заняли кандидаты Григорий Бочкарев и Михайла Санников, «оказавшиеся по испытанию способными к полицейской службе»¹¹⁸.

По замечанию Н.М. Дружинина, в ходе реформы П.Д. Киселева здание сельского управления «увенчалось» сооружением особого судебного органа – сельской расправы – «в виде первой степени домашнего суда по делам государственных крестьян». В компетенцию расправы входил разбор споров, тяжб и проступков государственных крестьян, если крестьянские иски не были обоснованы официально составленными актами, а совершенные проступки не были связаны с уголовными преступлениями. Кроме того, сельская расправа производила оценку и продажу имущества неисправных плательщиков. Во главе ее стоял сельский старшина, два других члена расправы – «старший и младший добросовестные» – избирались крестьянами, но утверждались и увольнялись губернской палатой по заключению окружного начальника и подвергались замечаниям, выговорам и арестам сельским старшиной, волостным правлением и окружным начальником. Закон 1838 г. создавал при сельской расправе тюрьму для крестьян, приговоренных к заключению под стражу, а в делопроизводство расправы включал ведение двух шнуровых книг – «штрафной» (для записи всех наказаний крестьян) и книги денежных взысканий, наложенных на крестьян вынесенными приговорами, в них предусматривались подписи или приложение специальной печати, в случае неграмотности членов суда¹¹⁹. Обычным приговором этого органа крестьянского суда было наложение штрафа и наказание розгами. Так, 11 марта 1850 г. Унигучинская сельская расправа Кочуковской волости Глазовского уезда приговорила удмурта Петра Невоструева к 18 ударам розог и определила довольно значительный штраф в размере «годового ок-

лада казенных податей, земских и мирских денежных повинностей, следующих с одной души» (4 руб. 88 коп. серебром). Проступок Невоструева заключался в избиении в пьяном состоянии своего брата Демьяна и полицейского сотского Василия Быкова¹²⁰.

Расправа не могла судить людей, не принадлежащих к сословию государственных крестьян. Например, в 1849 г. довольно незначительное дело о «зарезании в лугах коровы» отставного каптенармуса Степанова крестьянином Тойкинской волости Сарапульского уезда Никитой Култышевым совместно с мастеровым Камско-Воткинского завода Гаврилом Кочневым было передано в ведение уездного суда, который и присудил виновных к наказанию розгами¹²¹. Этот проступок, будь он совершен внутри общины, мог бы быть рассмотрен сельской или волостной расправой. В то же время для утверждения такого важного решения, как выселение из общины неугодных членов были необходимы приговор всего сельского схода, «засвидетельствования» волостного правления и окружного управления, и только после этого палата государственных имуществ окончательно решала судьбу провинившихся¹²².

Расправа на практике выступала не только как исключительно орган суда первой инстанции. Зачастую она принимала более деятельное участие в управлении делами общины. Так, в апреле 1847 г. после обнаружения самовольной порубки крестьянами Тойкинской волости Сарапульского уезда в Оханском лесничестве (на границе Вятской и Пермской губерний) десятские и понятые от государственных крестьян Черновского сельского общества Бердышевской волости (Пермской губернии) по распоряжению сельского старшины и под наблюдением добросовестного сельской расправы были отправлены «для взятия и привоза в сельское управление нарубленных... дров»¹²³.

Особняком среди представителей сельского и волостного уровней управления стояли писари. Найти грамотного человека, могущего вести все усложняющееся делопроизводство, было очень сложно. Ситуация усугублялась тем, что первоначально запрещался наем на эту должность людей не из сословия государственных крестьян. Лишь в 1827 г. данное правило было отменено для 12

губерний, в числе которых была и Вятская, но проблема оставалась насущной и в последующее время. Указ от 28 ноября 1833 г. разрешал сельским обществам избирать писарей для ведения записей в податных тетрадях и табелях. Для этих целей крестьянские мальчики обучались грамоте за мирской счет в приходских и уездных училищах, а также у грамотных людей, прежде всего церковнослужителей, после чего они использовались на писарских должностях¹²⁴. Несколько позже были открыты особые писарские школы как для государственных, так и для удельных крестьян Удмуртии. На волостного писаря возлагалась обязанность регистрировать и классифицировать все входящие бумаги, заготавливать бумаги исходящие, не требующие справок и совещаний, собирать предварительные справки и «соображения с законами» по более сложным вопросам, прочитывать документы волостному правлению, наконец, составлять приговоры в соответствии с принятыми постановлениями. Кроме того, волостной писарь обязан был вести различные шнуровые книги: окладов и платежей сельских обществ, приходо-расходных сумм волостного правления, мирских сборов и расходов, поступивших и истраченных сумм по мирским оброчным статьям, книги крестьянских духовных завещаний и обязательственных сделок и т.д.¹²⁵ Примерно такой же круг обязанностей лежал и на сельских писарях.

По справедливому замечанию Р.Р. Хайрутдинова, на протяжении всего XIX в. именно волостные писари являлись полноправными хозяевами волостных правлений и единственными толкователями всех правительственных указов, распоряжений и инструкций. Этому способствовал их относительно большой кругозор, принадлежность преимущественно к городским обществам, а иногда и к привилегированным сословиям. Неграмотность большинства голов вынуждала доверять писарям всю переписку с вышестоящими учреждениями. Писари, в большинстве русские, легче находили взаимопонимание с представителями органов местной администрации¹²⁶. Не меньшим было влияние и сельских писарей. С другой стороны, местные чиновники учитывали эти обстоятельства и в случае нарушений справедливо возлагали на писарей большую ответственность, нежели на других представителей местного самоуправления.

Так, весной 1849 г. с крестьян Бурановского и Большекечевского обществ Бурановской волости Сарапульского уезда был произведен сбор на перестройку моста и труб на Сибирском тракте без утверждения палаты государственных имуществ. По возникшему следователь земского суда заметил, что вина лежала прежде всего на волостном писаре Иване Цигвинцеве. Именно ему вменялось в прегрешение составление письменной договоренности с подрядчиком, на основании которой они и собирали деньги с крестьян. Без утверждения договора в волостном правлении и без дальнейшего представления его в окружном правлении Цигвинцев не имел на это права, «о чем ему более известно, нежели [безграмотным] кандидату головы Яковлеву и заседателю Семенову»¹²⁷.

Всякого рода злоупотребления, получившие широкое распространение среди представителей крестьянского самоуправления, зачастую своими вдохновителями имели именно писарей. Подтверждением этого служат многочисленные свидетельства современников и судебные разбирательства. Так, широкий размах приняли незаконные поборы с крестьян на ямскую повинность в Шарканской волости Сарапульского уезда в 1840-х гг. В 1849 г. чердынский мещанин Федор Ветошев раскрыл механизм проводимых поборов: оказалось, что шарканское волостное начальство, руководимое писарем Дмитрием Бехтеревым, вынудило крестьян отказаться от натурального отбывания ямской повинности, проводя взамен хлебные и денежные поборы (от 70 коп. до 1 руб. серебром с ревизской души), превышающие действительные нужды на наем профессиональных ямщиков, к тому же последние находились под их полным контролем. После перевыборов Шарканского волостного правления в 1844 г. новоизбранные голова Афанасий Вахрушев и заседатель волостного правления Артамонов тоже стали пособниками Бехтерева. Совместно с писарем Карлыганской волости Шиловым Бехтерев взял в оброк более 50 мукомольных мельниц и значительное количество пашенных и сенокосных угодий по всему Сарапульскому уезду, о торгах на которые сами крестьяне не были извещены. Эти люди предоставили во время заключения контрактов значительные залоги и поэтому были вынуждены скрыть свои должности: Шилов представился сарапульским

мещанином, а Бехтерев – простым крестьянином своей волости. Этот пример «вдохновил» писаря Пислеглудского сельского общества Большепургинской волости Захара Попова, построившего себе в д. Якшур-Бодье дом из принадлежащего Ижевскому заводу леса, вывезенного «на место через наряд поселян». Став писарем Большепургинского волостного правления, он за вознаграждение стал составлять фальшивые приговоры на переселения в пределах подконтрольной ему волости, при этом вводя в заблуждение желающих переселиться крестьян о ненужности на это разрешения «высшего начальства». Писари Бехтерев и Попов, при участии волостных начальников, «дозволили себе произвести с поселян каждой волости противозаконный сбор без особого на то разрешения высшего правительства» по 30-35 коп. серебром с более 10 тыс. ревизских душ двух волостей на постройку новых зданий для волостных правлений. Построенные дома оказались некачественными, «почему в самое короткое время необходимо будет... все печи перекласть, полы и потолки теперь же требуют переборки». На мебель для правлений тогда же было собрано по 5 коп., действительные же затраты составили $\frac{1}{4}$ от собранной части. Примерно в это же время писарь Бурановского волостного правления Михаил Цигвинцев, родом из мещан г. Сарапула, проводил сбор на ямскую повинность в размере 80-90 коп. серебром и пуда овса с м.п.д., в дополнение к этому им был произведен 20-копеечный сбор на постройку моста на Сибирском тракте, который на самом деле строился из сумм земского сбора «без участия общества». Результатом махинаций стал дом, купленный в Сарапуле за 900 руб. серебром¹²⁸.

Писари могли просто «подставить» неграмотных представителей крестьянского самоуправления. Так, уже упомянутые растраты в Кляповской волости Глазовского уезда в 1825, 1826 и 1829 гг., по показаниям обвиняемых голов, возникли в результате фактического их присвоения писарями Иваном Горбушиным и Кондратием Еськиным «в число своего... жалованья, а после оное и из казначейства получили»¹²⁹. Плачевна судьба удмурта Конона Попова, служившего с 1844 по март 1846 г. головой в Верхлюмской волости Глазовского уезда. В течение 1846-1862 гг. по отношению к нему проводились следствие и

суд по обвинениям в растрате собранных мирских денег, требованиях взяток (в частности, за прекращение дела о найденных человеческих костях и гниющего трупа при одной из деревень волости), фальшиво составленных приговорах крестьянских сходов. Сам Конон Попов был неграмотен, очевидно, немаловажную роль в правонарушениях сыграли волостной писарь Степан Веселухин и его помощник крестьянин Веприков. Обвиняемый долгое время находился в заключении, а в 1861 г., по свидетельствам земляков, 73-летний старик ничего не имел и находился на иждивении племянника, «в чужом доме»¹³⁰.

И после увольнения бывшие писари продолжали играть значительную роль во взаимоотношениях крестьянства и власти. Так, уже в пореформенное время (1867 г.) мировой посредник V участка Малмыжского уезда просил у вятского губернатора выселения из с. Сюмси Вылынгуртской волости «в места приписки» крестьян Ивана Попова, Александра Халевина и Ивана Глушкова (уроженцев Старотрыкской волости Малмыжского уезда, Сулаевской волости Вятского уезда и слободы Кукарки Яранского уезда соответственно) как «не имеющих оседлости в семьях и не занимающихся ни хлебопашеством, ни промыслом, а пропитывающихся поборами с крестьян за составление ни к чему не ведущих просьб и ложных удостоверений». Чиновник опасался, что эти люди «в предстоящий рекрутский набор могут принести большой вред среди боязливых и неразвитых вотяков». Оказалось, что они раньше занимались письмоводством в местном волостном правлении, будучи нанятыми волостным писарем Николаем Глушковым (кстати, сыном упомянутого Ивана Глушкова, другой его сын также служил писарем в Казанской губернии). Когда Николая Глушкова уволили, они остались безработными, но быстро нашли занятие, помогая неграмотным в большинстве удмуртским крестьянам решать насущные вопросы в бюрократических коридорах власти. Свою роль в обретении нового занятия сыграла не только их грамотность, но и уверенность местных крестьян в их влиянии на «управление волости»¹³¹.

Жалованье представителей самоуправления государственных крестьян было ниже, чем в удельном ведомстве. Так, согласно указу от 7 августа 1797 г.

волостным головам полагалось 20 руб. ассигнациями в год, старостам (старшинам) – 10 руб. Жалованье волостного головы в 20-х гг. XIX в. определялась в 250 руб., старосты волостного правления – 120 руб.¹³² Такие деньги никоим образом не могли удовлетворить даже самые непритязательные требования, и несение общественно-государственной службы, несмотря на ряд льгот, являлось большим бременем для крестьянского хозяйства. В это же время вольнонаемным писарям при волостных головах официально полагалось от 300 до 400 руб., а сторожам и посыльным – до 60 руб. в год¹³³. Такая ситуация, с одной стороны, способствовала мздоимству крестьянских выборных. С другой стороны, по мнению Б.Н. Миронова, отсутствие существенных привилегий и регулярное переизбрание, в числе прочего, позволяли общине держать их под своим контролем, в то же время писари, обладающие редкой и поэтому незаменимой грамотностью, наиболее часто отрывались от крестьян¹³⁴.

Помимо постоянных должностей общинного самоуправления в течение всего рассматриваемого периода существовали различные временные, во многом неформальные должности выборных, поверенных и т.п. Так, в 1824 г. крестьяне Глазовского уезда избирали от своих волостей и пятисотков специальных выборных, которые должны были обеспечивать проезд императора через закрепленные за ними участки царского маршрута¹³⁵. Во время проведения денежных и продуктовых сборов на наем подрядчиков для выполнения натуральных повинностей, подарки чиновникам и пр. также могли выбираться специальные люди. Такой сбор, в частности, был проведен в Красноглинской волости Глазовского уезда в 1836 г. Козьмой Курдяковым, Федотом Кузовлевым и Тимофеем Черных деньгами по 1 руб. ассигнациями и продуктами питания «для продовольствия» помощника землемера Гусева и «партии его», которые более двух месяцев проводил в волости утверждение меж. Доставлением собранных денег и припасов до адресата занимался Логин Смехов, избранный крестьянами для выполнения обязанностей «кормежного»¹³⁶. Поверенные могли, например, представлять интересы общины во время проведения чиновниками-землемерами генерального и различных частных (специальных и полубовных)

межеваний¹³⁷. На сходе этим представителям делегировались широкие полномочия: они могли совершать различного рода сделки, выгодные для крестьянского сообщества, соотноситься с властными структурами, решая проблемы своей общины. Так, в 1848-1852 гг. именно поверенные от части жителей 3 сельских обществ Малополомской волости Глазовского уезда и одного починка Жайгильской волости Малмыжского уезда после запрещения сделки палатой государственных имуществ добились уже в Сенате разрешения на продажу земли, когда-то приобретенной совместно в бытность нахождения до 1825 г. в составе Зуринской, а затем Поломской волости Глазовского уезда. При этом одним из поверенных выступал посторонний человек, государственный крестьянин Вятского уезда Григорий Наговицын, заинтересованный в покупке этой земли и переселении сюда с частью своих односельчан¹³⁸. В такой практике действий иногда возникали сбои, обусловленные широтой полномочий поверенных. Община не была застрахована от происшествий, подобных случившемуся в 1844 г. с жителями двух починков Комаровской волости Глазовского уезда: еще в 1816 г. двумя поверенными от общества была совершена покупка около 10 десятин «из числа всемилостивейше пожалованных г. Энгелю земель по обе стороны реки Лунпуна», купчая была заключена на имя этих поверенных. В результате сын одного из поверенных Владимир Шибанов решил на основе купчей крепости присвоить половину покосов и построенной на той земле мельницы и обратился в уездный суд, доказывая незаконность владения собственностью лицами, не указанными в документе. Юридически право было на стороне истца, поэтому суду для принятия справедливого решения пришлось использовать право 10-летней давности «неправильного» владения¹³⁹.

Государство перекладывало на функционирующие органы крестьянского самоуправления ряд мероприятий, которые способствовали контролю над ними. Так, некоторые расходы на проведение ревизий перекладывались на плечи их объекта: по приговору схода Бисеровского сельского общества Порубовской волости Глазовского уезда от 11 сентября 1850 г. было выбрано 5 крестьян «с определением им положенной по 2 коп. с души серебром платы на наем от себя

уже вольных писарей и покупку бумаги» для переписки набело сказок IX ревизии¹⁴⁰.

Интересно, хотя и весьма спорно отношение американского историка Р. Пайпса к развитию самоуправления у государственных крестьян России. В частности, по его мнению, киселевские реформы позволили государственным крестьянам получить право собственности на свою землю и разрешение создавать органы самоуправления, что сделало их «фактически свободными людьми»¹⁴¹. Более взвешенным, на наш взгляд, является мнение Л.Ф. Писарьковой, утверждающей, что лишь в результате означенной реформы сельские общества получили юридическое признание и превратились в административные единицы с выборной властью, исполнявшей полицейские, хозяйственные, судебные и финансовые функции¹⁴². Таким образом, реформа стала удачной попыткой государства в очередной раз усилить свое влияние на крестьянскую общину. Все вышесказанное с наименьшей степенью можно отнести и к реформе удельных крестьян, значительно сократившей, как мы могли заметить, прерогативы общины. В 60-е гг. XIX в. основные положения этих реформ были распространены на всех крестьян, в том числе на помещичьих.

Система самоуправления лашманов претерпевала изменения, подобные преобразованиям в государственной деревне. Специфика деятельности лашманских волостных правлений и старшин заключалась в сфере выполнения возложенной на лашманов трудовой повинности. По каждому селению и волости, которые были приписаны к адмиралтейству, ими составлялись семейные списки с учетом жителей, способных выполнять повинность (мужчины 18-55 лет). На основании этих списков соблюдалась очередность и учитывался конкретный характер работы – отбывать повинность пешком или конным. Остальные функции лашманского самоуправления не отличались от подобных обязанностей у казенных крестьян¹⁴³.

Самоуправление непременных работников Ижевского и Воткинского казенных заводов также было приспособлено к необходимости выполнять заводские работы. Общины непременных работников из малоспособных к работам

людей выбирало и назначало низших должностных лиц – смотрителя, старшин, вахтеров, выборных, десятников и сотников. Обязанности смотрителя заключались в распределении непременных работников по работам в соответствии с годовым нарядом в начале года и после каждого их увольнения в отпуск для домашних дел, а также в составлении расчетов по плате. Старшины, возглавлявшие отделения, вели непосредственное наблюдение за работами и отвечали за выдачу жалованья, они находились в постоянном контакте с администрацией завода. При них находились по два помощника, один из которых наблюдал за конными работниками, а другой – за пешими. Для удобства контроля за выполнением работ непременные работники при каждом заводе разбивались на десятки и сотни во главе с выборными десятниками и сотниками. Старшины окончательно утверждались горными начальниками, а десятники и сотники – заводской администрацией. При этом общество избирало на каждую должность по два кандидата с тем, чтобы утверждающий имел возможность выбора. Сотники и старшины освобождались от физической работы, десятники трудились наравне с остальными. Десятник отвечал за исправное выполнение нарядов своим десятком, члены которого, по возможности, назначались на одну и ту же работу. Он наблюдал за состоянием и даже за содержанием лошадей и упряжи, а также за поведением подчиненных. Сотник руководил работами всей сотни. Ему давалось также право «разбирать малые распри и несогласия между работниками», «дабы они не теряли времени от работ для принесения таковых жалоб». Вахтеры принимали выполненную работу, а выборные наблюдали за переездом непременных работников из места жительства к заводским работам, за благосостоянием крестьян и разбирали мелкие ссоры между ними¹⁴⁴.

Со стороны завода ближайшее заведывание непременными работниками было возложено на особое лицо, которое называлось «смотрителем лесов и непременных работников»; у него были два помощника из обер-офицеров. В распоряжении смотрителя находились особые писари, которые, очевидно, вели учет работы каждого непременного работника¹⁴⁵.

Тептяри управлялись выборными старшинами, которые после избрания должны были утверждаться земским судом. В помощь им с каждых 200 дворов выбирались сотники и десятские, которые употреблялись ими, главным образом, при взыскании податей. В ведении старшин могло находиться различное число деревень и населения. Должность была общественной: за нее он не получал никакого жалованья, срок его службы также не был определен. Обязанности старшин были различными, хотя и не определялись никакими специальными правилами. Обычно при вступлении старшин в должность земским судом выдавалась общая инструкция, которая и определяла их права и обязанности. Обычными функциями старшин являлись: 1) получение от начальства предписаний и извещение о них мирского общества; 2) обязанность следить за порядком, в т.ч. разбор мелких тяжб; 3) наблюдение за исправлением тептярями государственных и общественных повинностей*; 4) поставка рекрутов для тептярских иррегулярных формирований. Непосредственный контроль за деятельностью старшин осуществлял земский исправник¹⁴⁶.

Губернское правление, в заведовании которого находились тептяри, не имело никаких постоянных правил относительно управления ими. Не было положений, определяющих права и обязанности старшин, отсутствовали правила, по которым должны были производиться рекрутские наборы. Оренбургский генерал-губернатор Ханыков заметил: «Конечно, тептяри живут, но единственным признаком гражданственности в них является отсутствие явного грабежа, платеж податей и поставка рекрутов, во всех же прочих отношениях – это дикое состояние управления»¹⁴⁷. В течение 1850-1855 гг. тептяри Удмуртии находились в ведомстве Вятской палаты государственных имуществ, однако это выразилось лишь в том, что палата заменила губернское правление, а окружной начальник – земского исправника. Несмотря на то, что передача тептярей под юрисдикцию гражданского органа власти начала разрабатываться еще с начала 1840-х гг., оказалось, что существенных изменений к большей упорядоченно-

---

* Денежные сборы с тептярей уездные казначейства отправляли в Военное министерство (См.: Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.478-479.).

сти управления ими не произошло. Поэтому в 1855 г. они были присоединены к башкиро-мещерякскому войску, главы их самоуправления стали называться юртовыми старшинами¹⁴⁸.

Властные органы иногда предпринимали попытки узнать мнение народа о себе, о проводимых над ним экспериментах. Обычным ответом на расспросы были ответы вроде: «Ништо, батюшка, по нас хороши, дурного не видим»¹⁴⁹. Утверждение, что российский крестьянин «по праву может считаться самым умудренным не только по приобретенному опыту ведения сельского хозяйства в суровых природно-климатических условиях, но и по опыту брани в адрес своего руководства и существующих порядков»¹⁵⁰ обычно оказывалось верным только когда этого руководства не было поблизости. Уже упомянутому служащему I департамента государственных имуществ титулярному советнику Кобякову было поручено, в числе прочего, узнать действительное надежды и чаяния государственных крестьян. В итоге он отмечал недоверчивость к нововведениям. Кратко мечта крестьян выражалась словами: «Заплатил, что положено, и живу, как умею, по-своему», что, по замечанию ревизора вятской государственной деревни Холодовского, характеризовало их как «стадо, которое стригут, но которое идет, куда хочет»¹⁵¹. В этом проявлялась дихотомия крестьянина – государственника и анархиста, противоречие «господствующих локальных крестьянских ценностей и нарастающего осознания необходимости единой и сильной политической организации»¹⁵².

Вступая в разговоры с крестьянами, чиновник старался «выставить все то, что может в новом управлении казаться им самым полезным и приятным», в ответ же получал «однообразные отзывы»: «Так, батюшка, так, да начальства много будет, сбору больше» или «мы люди темные, просто знаем, а по-новому не сумеем». Кобяков также отмечал, что крестьяне опасались стать в результате преобразований крепостными или удельными¹⁵³. Именно под лозунгами не допустить этого прошли так называемые картофельные бунты в 1834 и 1842 гг.

В результате секретной миссии, Кобяков пришел к выводу, что наиболее выраженными были следующие желания крестьян: 1) пользоваться свободно

природными ресурсами и, прежде всего, лесом; 2) отбывать рекрутчину не от двора, а «отца с сыновьями»; 3) хлеб из запасных магазинов раздавать всем, а не только «нуждающимся», могущим оказаться «ленивыми и недомовитыми»; 4) по возможности, заменить натуральные повинности денежными выплатами¹⁵⁴. На первый взгляд представляется, что все это свидетельствует о развитии в ревизуемых губерниях товарно-денежных отношений, но на поверку оказывается, что эти пожелания направлены на уравнение в том немногом, где не было равенства. Оказывалось, что существующая рекрутская система более бьет по тому, «кому назначенный в рекруты ближе по кровному родству», «ленивые и недомовитые» разбирают запасный хлеб под видом необходимой ссуды, многие натуральные повинности, особенно подводную, уравнивать можно, только переведя ее в денежный эквивалент, не говоря уже о том, что равное, неконтролируемое кем-либо пользование природными ресурсами было для крестьян само собой разумеющимся.

Взаимоотношения с властью накладывали свой отпечаток и на этническую ментальность и, наоборот, особая ментальность вынуждала власть действовать по-особому. Так, по замечанию вятского губернатора П.С. Рунича, удмурты крайне опасались лишней раз попасть в поле зрения органов власти, отличаясь «недоверчивостью к начальству». Поэтому они «рассеялись» по лесам, подальше от начальства, и всячески поддерживали друг друга, не делая на ближнего «жалоб и доносов», мстя, вплоть до убийства, тому, кто «учинит донос в каком-либо деле один на другого или сделает кровную обиду». С другой стороны, они стремились выполнить все обязанности, «по приказаниям насылаемые к ним от волостных правлений», стараясь таким образом побыстрее избавиться от внимания власти¹⁵⁵. И власть стремилась, в свою очередь, учитывать эти особенности, вводя смягчительные и разрешительные указы. В частности, Рунич рекомендовал земским исправникам никак не наказывать удмуртов «за пропущенные по ревизии души». Немного позже уже Александр I издал указ, предписывающий всех удмуртов Вятской губернии записывать в ревизские сказки по мере того, как они будут являться, не подвергая за это штрафу¹⁵⁶.

Государство всячески старалось приспособить крестьянское самоуправление под свои нужды. Преобразования первой половины XIX в. отвечали прежде всего этой цели. В наибольшей степени этого удалось достичь в удельной деревне и среди непрременных работников, в наименьшей – среди тептярей. Результатом стали «смещение функций политической и поземельной общины»¹⁵⁷ и в целом эволюция крестьянских общностей в сторону удовлетворения запросов государства и его слуг. Вовлечение представителей общины в систему управления, по замечанию В.А. Александрова, притупляло «остроту повседневного социального антагонизма», удешевляя аппарат принуждения и обеспечивая с его помощью выполнение крестьянами повинностей¹⁵⁸. Вместе с тем, административные преобразования, в свою очередь, старались учитывать сложившиеся общинные структуры. Многие неформальные, не предусмотренные законодательством структуры крестьянского самоуправления, как можно было заметить, не только успешно существовали, но и, в свою очередь, способствовали решению поставленных властью задач.

¹ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.144.

² Подсчитано по: ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.96.

³ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.771-772, 808-809; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.13-14; д.946, л.7.

⁴ ЦГА УР, ф.91, оп.1, д.10, л.175-175об.; ГАКО, ф.574, оп.1, д.12, л.3.

⁵ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992. С.191.

⁶ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.145-146.

⁷ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.16-17.

⁸ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.145-146.

⁹ См., например: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.-Л., 1946. Т.1. С.23-34; Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Курган, 1999. С.7; Терешкина М.И. Подати и повинности государственных крестьян Марийского края в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С.64; Токарев С.В. Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939. С.15, 17-18; Софронов М.Г. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П.Д. Киселева. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Казань, 1952. С.63.

¹⁰ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.5, 32.

¹¹ Данилова Л.В. Крестьянство и государство в дореформенной России. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. Москва-Тамбов, 1996. С.28.

¹² ЦГА УР, ф.91, оп.1, д.10, л.175-175об.

¹³ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.468, л.86.

¹⁴ См., например: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.49, л.16, д.129, л.2, д.638, л.1, д.658, л.3об.-4, оп.3, д.84, л.71; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.45, л.81.

¹⁵ Кабузан В.М. Указ. соч. С.107.

¹⁶ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.801.

¹⁷ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.240.

¹⁸ Даишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С.57.

¹⁹ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.145.

- ²⁰ Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России, 1797-1865. Смоленск, 1986. С.6; Котов П.П. Удельные крестьяне Севера, 1797-1863 гг. Сыктывкар, 1991. С.9; Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.99-103; Серкина С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Саранск, 2002. С.13.
- ²¹ Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992. С.29, 116.
- ²² ГАКО, ф.582, оп.139, д.25, л.148об.-151, 278об.-279.
- ²³ Цит. по: Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в.: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Челябинск, 1995. С.382-383, 386.
- ²⁴ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.576, л.110.
- ²⁵ Смирнов С.С. Указ. соч. С.369, 370; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.464, л.32.
- ²⁶ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.798.
- ²⁷ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.145; Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.513.
- ²⁸ Шайхисламов Р.Б. Население государственной деревни дореформенной Башкирии. Уфа, 1994. С.34.
- ²⁹ См.: Гареев И.С. Марийские крестьяне Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX века: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1999. С.172.
- ³⁰ Шайхисламов Р.Б. Указ. соч. С.34-35; Гареев И.С. Указ. соч. С.181.
- ³¹ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.145; Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.478-479, 800.
- ³² НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.45, л.68-69; Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.562.
- ³³ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.30-31; История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.190-191.
- ³⁴ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.787.
- ³⁵ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.143-144.
- ³⁶ Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX вв.). Казань, 2002. С.63; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.323.
- ³⁷ Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.67-70.
- ³⁸ ВГВ. 1839. №15. С.83.
- ³⁹ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.449-451.
- ⁴⁰ ВГВ. 1839. №39. С.235-236.
- ⁴¹ ВГВ. 1839. №43. С.252.
- ⁴² РГИА, ф.383, оп.2, д.2279, л.1-2, 3, 25об.-26, 33-33об., 43об.-45.
- ⁴³ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.106. См. также: Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880. Т.1. С.360, 374-378. Т.2. С.471-472; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.45, лл.87-90; ВГВ. 1839. №15. С.83.
- ⁴⁴ Мерзлякова Л.В. Чиноничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С.15.
- ⁴⁵ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.527, 528, 533.
- ⁴⁶ Там же. С.544.
- ⁴⁷ ГАКО, ф.582, оп.81, д.1538, л. 1-2об., 58-59об.
- ⁴⁸ Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.70-71.
- ⁴⁹ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.543.
- ⁵⁰ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.4, л.200об.-201.
- ⁵¹ См.: Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.460.
- ⁵² Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.72-73.
- ⁵³ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право. // Отечественная история. 2001. № 3. С.32; Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880, 1881. Т.1. С.330. Т.2. С.412.
- ⁵⁴ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.468, л.86.
- ⁵⁵ ЦГА УР, ф.91, оп.1, д.10, л.175-175об.
- ⁵⁶ ГАКО, ф.582, оп.81, д.18, л.1-2, 9, 110, 110об., 128об., 132, 132об., 144об.-146.
- ⁵⁷ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.297.
- ⁵⁸ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.151, л.4.
- ⁵⁹ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.545; Шайхисламов Р.Б. Указ. соч. С.82; Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С.32; Токарев С.В. Указ. соч. С.22.
- ⁶⁰ ВГВ. 1850. №24. С.212.
- ⁶¹ ГАКО, ф.582, оп.45, д.77, л.31.
- ⁶² ГАКО, ф.582, оп.139, д.433, л.2-4, 5об.-8об.
- ⁶³ Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. М., 1987. С.158-159.
- ⁶⁴ РГИА, ф.1341, оп.9, д.1862; ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.409.

- ⁶⁵ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.107; Горланов Л.Р. Указ. соч. С. 15.
- ⁶⁶ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.184.
- ⁶⁷ Горланов Л.Р. Указ. соч. С.16.
- ⁶⁸ ГАКО, ф.583, оп.602, д.292, л.11-16.
- ⁶⁹ ГАКО, ф.582, оп.6, д.811, л.250.
- ⁷⁰ Горланов Л.Р. Указ. соч. С.15.
- ⁷¹ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.405-406.
- ⁷² Половинкин Н.С. Указ. соч. С.107.
- ⁷³ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.673, л.16об.-17.
- ⁷⁴ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.9, л.313; ЦГА УР, ф.4, оп.1, д.782, л.291-291об.; Смирнов С.С. Указ. соч. С.383.
- ⁷⁵ Даишев С.И. Указ. соч. С.57.
- ⁷⁶ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.255; ГАКО, ф.582, оп.45, д.61, л.59-59об., оп.81, д.18, л.132.
- ⁷⁷ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.244об.-245.
- ⁷⁸ Гареев И.С. Указ. соч. С.172, 178, 181.
- ⁷⁹ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С. 478-479.
- ⁸⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XXв.). СПб., 2000. Т.1. С.429; Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С.6.
- ⁸¹ Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997. С.61-62.
- ⁸² Рабцевич В.В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775-1825 гг.). // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск, 1977. С.128.
- ⁸³ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Тюмень, 1996. С.105-106; Горланов Л.Р. Указ. соч. С.13-14.
- ⁸⁴ Горланов Л.Р. Указ. соч. С.15.
- ⁸⁵ ГАКО, ф.1272, оп.1, д. 2, л.3-4.
- ⁸⁶ Горланов Л.Р. Указ. соч. С.16.
- ⁸⁷ Половинкин Н.С. Указ. соч. С.107-109.
- ⁸⁸ Горланов Л.Р. Указ. соч. С.16.
- ⁸⁹ Половинкин Н.С. Указ. соч. С.113.
- ⁹⁰ Там же. С.112, 114.
- ⁹¹ Использованы термины: Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.). // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ие, 1977. С.44-53, 103.
- ⁹² Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.545.
- ⁹³ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.121, л.11об.
- ⁹⁴ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.546-548.
- ⁹⁵ Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.122-123; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.323; ВГВ. 1840. №40. С.162-163.
- ⁹⁶ ГАКО, ф.583, оп.603, д.171, л.154-156об.
- ⁹⁷ Там же. Л.85.
- ⁹⁸ Там же. Л.127-128.
- ⁹⁹ См. также: ГАКО, ф.583, оп.603, д.211, л.258-258об., 261-262, 264.
- ¹⁰⁰ ГАКО, ф.583, оп.603, д.171, л.127-128.
- ¹⁰¹ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.32, л.446-450об.
- ¹⁰² ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.574, л.19об., 52, 55-56об.
- ¹⁰³ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.577, л.232.
- ¹⁰⁴ См., например: ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.81, л.1-3об., д.82, л.3, д.84, л.6-12.
- ¹⁰⁵ Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.128-129.
- ¹⁰⁶ ВГВ. 1840. №17. С.111-112.
- ¹⁰⁷ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.548, 554-556.
- ¹⁰⁸ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.322, л.2-3об.
- ¹⁰⁹ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.734, л.46.
- ¹¹⁰ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.557-558.
- ¹¹¹ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.213, л.3-3об., 7-8, 37об.-38.
- ¹¹² Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.118-119; ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.271, л.2, 25-25об., д.320, л.1-2об., 15-15об.
- ¹¹³ ГАКО, ф.575, оп.21, д.327, л.2.
- ¹¹⁴ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.562.
- ¹¹⁵ См., например: ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.698, л.91.
- ¹¹⁶ Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.119-120.
- ¹¹⁷ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.4, л.49, 51об.
- ¹¹⁸ ГАКО, ф.583, оп.603, д.211, л.301-301об.
- ¹¹⁹ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.569-570.

- ¹²⁰ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.233, л.10об.-11об.
- ¹²¹ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.5, л.17об., 18, 162-163.
- ¹²² ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.4, л.231-231об.
- ¹²³ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.576, л.82.
- ¹²⁴ Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.132.
- ¹²⁵ Дружинин Н.М. Указ. соч. М.-Л., 1946. Т.1. С.555.
- ¹²⁶ Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.71.
- ¹²⁷ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.322, л.5-5об.
- ¹²⁸ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.696, л.14-20об., 23-25.
- ¹²⁹ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.574, л.52.
- ¹³⁰ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.175, л.41-44, 116-124; д.175а, л.80, 114об.; д.175б, л.1, 6-9, 16об.-18, 30-31, 69, 118, 118об., 132-135, 142-142об., 157-157об.
- ¹³¹ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.5, л.64-67.
- ¹³² Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.71.
- ¹³³ ГАКО, ф.582, оп.45, д.77, л.30-32.
- ¹³⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. СПб., 2000. Т.1. С.443.
- ¹³⁵ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.84, л.53-53об., 71.
- ¹³⁶ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.155, л.1об.-2, 6, 30, 32-32об., 112об.-113.
- ¹³⁷ Там же. Л.32; ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.576, л.81.
- ¹³⁸ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.210, л.1-3об., 14-14об., 23-23об., 47-47об.
- ¹³⁹ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.198, л.6-6об., 11-11об., 45, 46об.
- ¹⁴⁰ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.274, л.1-3об.
- ¹⁴¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С.193.
- ¹⁴² Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С.32.
- ¹⁴³ Даишев С.И. Указ. соч. С.57; Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С. 124-125.
- ¹⁴⁴ ЦГА УР, ф.4, оп.1, д.782, л.291-291об.; Смирнов С.С. Указ. соч. С.382-383; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.464, л.22-33.
- ¹⁴⁵ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.464, л.22-33.
- ¹⁴⁶ Гареев И.С. Указ. соч. С.173-174.
- ¹⁴⁷ Там же. С.178, 180.
- ¹⁴⁸ См.: ГАКО, ф.582, оп.50, д.10, л.1, 3-3об., 6-6об., 11, 12-12об.; Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.478-479.
- ¹⁴⁹ РГИА, ф.383, оп.2, д.2279, л.48об.
- ¹⁵⁰ Крестьянство в исторической судьбе России. М., 2001. С.109.
- ¹⁵¹ РГИА, ф.383, оп.2, д.2279, л.50об.; Миронов Б.Н. Указ. соч. СПб., 2000. Т.1. С.448.
- ¹⁵² Вилков А.А. Указ. соч. С.51.
- ¹⁵³ РГИА, ф.383, оп.2, д.2279, л.48об., 49об- 50об.
- ¹⁵⁴ Там же. Л.51-51об., 56, 57-59, 61об.
- ¹⁵⁵ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-н, д.8, л.90.
- ¹⁵⁶ Grishkina M. The Evolution of the State Policy as Regards the Udmurts in the 17th Century and up til about 1850. // КВНАА Konferenser. Stockholm, 1997. С.97.
- ¹⁵⁷ Там же. С.75.
- ¹⁵⁸ Александров В.А. Сельская община и вотчина в России (XVII – начало XIX в.). // Исторические записки. М., 1972. Т.89. С.291.

ГЛАВА II. ФИСКАЛЬНО-ПОПЕЧИТЕЛЬСКАЯ И ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА, ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ КРЕСТЬЯНСТВА

§ 1. Система крестьянских податей, сборов и повинностей

Податной вопрос в царской России занимал центральное место в области ведения государственного хозяйства. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в российском законодательстве, касающемся государственных крестьян, наиболее многочисленными были законы о податях и повинностях¹. По замечанию В.И. Неупокоева, XVIII – первая половина XIX в. в истории России были отмечены усиленным развитием сословно-податного начала в общественном строе страны. Обложение населения прямыми сборами и разного рода повинностями было главным источником материальных средств государственной казны².

Виды платежей и натуральных поборов, их размеры зависели от категории, к которой принадлежал крестьянин. Главной для всех податных категорий населения была подушная подать. В 1798-1809 гг. подушная подать составляла 1 руб. 55 коп. ассигнациями, по манифесту 2 февраля 1810 г. она была увеличена до 2 руб. Февральский манифест 1812 г. доводил общий оклад подушной подати до 3 руб., т.е. повышал его на 1/3. Указ от 25 октября 1816 г. вводил в состав подушной подати особый сбор на устройство водяных и сухопутных сообщений по 25 коп. с души. Указом от 22 марта 1818 г. он доводился до 30 коп. ассигнациями с души. Таким образом, общий оклад подушной подати составил 3 руб. 30 коп. В таком виде он сохранялся до переложения на серебро в 1839 г., когда стал составлять 95 коп. сер., и затем не изменялся до реформ 1860-х гг.³

Вторую категорию платежей государственных и удельных крестьян составлял денежный оброк. От его уплаты были освобождены непременные работники Воткинского и Ижевского заводов и лашманы, но взамен они несли не менее тяжелые натуральные повинности, выполняя вспомогательные заводские работы и заготавливая лес для российского флота. Не платили оброк также тепляри, являвшиеся своеобразным промежуточным звеном между военно-

служилым сословием и крестьянством. Правительство рассматривало оброчную подать как «казенный помещичий оброк». Исходя из этой установки, государство стремилось уравнивать оброчные оклады в имениях казны и удела с помещичьими. Оклады оброчной подати определялись с ревизских душ, хозяйственное положение крестьянского двора не учитывалось. Раскладка и взимание оброчной подати проводилось на тех же основаниях, что и подушной. В первой половине XIX в. происходили неоднократные значительные увеличения оброчной подати. 18 декабря 1797 г. все губернии страны были разделены на 4 класса с учетом их хозяйственного состояния (земледельческие и промысловые губернии): государственные крестьяне губерний 1-го класса (в т.ч. и Вятской) должны были выплачивать 5 руб., 2-го класса – 4,5 руб., 3-го класса – 4 руб. и 4-го класса – 3,5 руб. Накладные расходы по 2 коп. с рубля сохранялись. По манифесту от 2 февраля 1810 г. вятские государственные крестьяне должны были выплачивать уже 8 руб., через год сумма оброка выросла до 10 руб.⁴ Согласно Б.Г. Плющевскому, в 1832 г. денежный оброк стал составлять 11 руб. 49 коп. с ревизской души⁵. По другим данным, рост оброчных платежей в 1832 г. составил 1 руб. 42,5 коп.⁶ В любом случае оброчные платежи были неодинаковыми по уездам. В целом «удмуртские» уезды Вятской губернии платили больше вышеназванных сумм: Глазовский – 12 руб. 7 коп., Малмыжский – 12 руб. 55 коп., Елабужский – 12 руб. 26 коп. и Сарапульский – 12 руб. 59 коп. с ревизской души⁷.

По-видимому, это прибавление было временным, поскольку уже в 1836 г. государственные крестьяне вновь платят оброк в 10 руб.⁸ По указу от 1 июля 1839 г. о перечислении всех денежных платежей на серебро по курсу 3,5 рубля ассигнациями за 1 рубль серебром эта сумма стала составлять 2 руб. 86 коп. сер., а по указу от 23 февраля 1859 г. – 3 руб. сер.⁹

Денежный оброк удельных крестьян в первой трети XIX в. был таким же, как у государственных, или даже ниже¹⁰. Ситуация начинает меняться с реформами Л.А. Перовского, когда начался перевод оброка с ревизской души на землю. 16 января 1830 г. царь утвердил мнение Госсювета об обмене удельных зе-

мель на казенные и о переходе на поземельный сбор. Указ от 24 января 1830 г. предписывал министру императорского дворца П.М. Волконскому приступить к введению поземельного сбора. Департамент уделов выработал «Правила» и 12 мая 1830 г. разослал их управляющим контор. Нормальным считался тяглый участок (2 души мужского пола возрастом от 17 до 55 лет), для которого отводилось не свыше 10 дес., т.е. по 5 дес. на душу. В малоземельных имениях эта норма уменьшалась. Остальные земли объявлялись излишними и зачислялись в состав оброчных статей. Тягло облагалось двойным подушным окладом оброка и прочих сборов. Допускалась и механическая разверстка всех платежей селения на число тягл. Для селений, находящихся в лучших условиях, назначался повышенный оброк. Управляющим контор предоставлялось право действовать в соответствии с местными условиями¹¹.

23 июня 1830 г. управляющий Вятского имения доносил, что уже отдал распоряжение о проведении «через людей благонадежных и доверенных» измерения земли каждого селения, о разделении ее на тягла и участки. Определять количество земли на тягло он предлагал таким образом: брать за основу самые малоземельные селения и оброк с души обращать на количество земли. В остальных селениях «от самой малой пропорции земли, какая по сведениям приказов в одном селении из всего имения окажется, на прочие прибавляется к платежу оброка, на каждую десятину по 30 коп.» Излишнюю землю сверх 10-десятинной пропорции на тягло предполагалось отрезать и отдавать в оброчное содержание. По его расчетам, такой путь давал прирост платежей на 73.720 руб., что «не очень значительно, но это даже лучше», так как повышать платежи надо «с должной скромностью, умеренностью и благоразумием, дабы противоположностью и несоразмерностью не раздражать простоллюдинов в виду их предмета», но после того, как «все устроится, незаметно цены на излишек земли увеличивать». Вводить поземельное обложение управляющий предлагал без «мирских» приговоров, «ибо через то крестьянские общества вдадутся в бесконечные препирания и ни на что не решатся». По предварительным данным, из

277.242 дес. всей удобной земли вятских удельных крестьян предполагалось перевести в разряд «излишних» 49.419 дес. или 17,4 %¹².

Согласно «Рассуждениям о способах введения поземельного сбора» и «Наставлениям о введении поземельного сбора» (весна 1831 г.) все удельные селения разделялись на два разряда: земледельческие и промышленные – по преимущественному роду занятий крестьян. По положению относительно городов и торговых мест селения делились на три класса: подгородные, отдаленные и степные, по степени обеспеченности земель – на три отделения: многоземельные, достаточные, малоземельные. Последнее разделение имело наиболее важное значение, т.к. отражало самые существенные черты поземельного сбора – способы оценки земли: нормой надела для двух ревизских душ – тягла, объявлялся участок, приносящий 75 руб. дохода, из которых $\frac{2}{5}$ или 30 руб. следовало в казну удела как собственника земли (из них 7 руб. 12 коп. шло государству и 22 руб. 88 коп. – в доход удельного ведомства); $\frac{3}{5}$ или 45 руб. оставалось крестьянам, как арендаторам земли. По наблюдению В.И. Неупокоева, поземельная рента приносила до 80 % всего дохода с уделов¹³.

Селения, где было достаточно земли для наделения всех тягол такими участками, считались достаточными, те, где земли было меньше – малоземельными и те, где больше – многоземельными. Малоземельные крестьяне оставались на подушном обложении. В многоземельных селениях земля, оставшаяся после наделения участками тягол, объявлялась «излишней» (впоследствии – запасной) и отрезалась, затем могла быть сдана желающим, в том числе тем же крестьянам, из расчета правил поземельного обложения. Оценка земли и определение величины тяглового участка проводились следующим образом: определялась средняя за последние 10 лет урожайность ржи и умножалась на среднюю за пятилетие цену на нее. Доход от всех остальных культур определялся по отношению к доходу от ржи. Так, доход с десятины ярового поля равнялся $\frac{3}{4}$ дохода с десятины ржи в селениях подгородных и половине – в селениях дальних и степных, доход с десятины усадьбы приравнивался к доходу с 4 десятин ржи в селениях земледельческих и с 8 – в селениях промышленных и т.д.

Разностью в оценке доходов для подгородных и дальних селений, по расценкам учредителей, должны были компенсироваться расходы на доставку продукции на рынок из селений дальних¹⁴.

По «Правилам» 1834 г. валовой доход с тяглового двора увеличивался на 1/3 (100 руб. вместо 75 руб.), а общий поземельный сбор поднялся с 30 руб. до 40 руб. 7 июля 1850 г. была назначена новая переоценка земель¹⁵.

В общей сложности за 10 лет (1827-1837 гг.) удельные крестьяне Вятской губернии выплатили следующие суммы: 1) «удельный доход» – 5.502.212 руб. 16 ¼ коп.; 2) подушная подать – 1.471.458 руб. 50 коп.; 3) «на усовершенствование судоходства» – 24.515 руб. 75 коп.; 4) общие земские повинности – 287.949 руб. 25 коп.; 5) «на отдачу рекрут» – 188.400 руб. 58 ½ коп.; 6) «на содержание внутренним трактам на станциях и приказах лошадей для разъездов земской полиции, прочих чиновников, приказных старшин, препровождения колодников и прохождения воинских команд» – 373.543 руб. 37 коп.; 7) «на жалованье старшинам приказов, писарям с помощниками, сторожам, рассыльным и на сделание головам кафтанов» – 207.190 руб. 70 ¾ коп.; 8) «на канцелярские по приказам расходы» – 64.980 руб. 47 коп.; 9) «на наем в городах квартир отправляющимся в оные для сдачи подушных и оброчных денег, получения с почты и подачи на оную кувертов» – 5.958 руб. 57 ½ коп.; 10) «на оплату государственных податей за приказных голов, неимущих и престарелых крестьян и потерпевших от пожара несчастье, на содержание квартиры для чиновников и составление вспомогательного капитала вместо запашки» – 17.178 руб. 82 ½ коп.; 11) «на поставку селидебных столбов и на удовлетворение землемера порциями, а уездного прогонными деньгами и на издержки при составлении переписи» – 11.465 руб. 56 ½ коп.; 12) «страховых на отправление в контору чрез почту в удельный доход оброчных денег и на отдачу в зачет будущих наборов в рекруты» – 37.710 руб. 32 коп.; 13) «на содержание крестьянских мальчиков, обучающихся письмоводству и лекарскому искусству и на жалованье писцам при безграмотных сборщиках, оспопрививателям и на отправление мальчиков в земледельческое училище» – 70.588 руб. 84 ½ коп.; 14) «на по-

строение Кукарского Троицкого собора и прочих церквей и на постройку ограды вокруг кладбища в слободе Кукарке» – 119.762 руб. 55 коп.; 15) «на удовлетворение земской полиции чиновников прибавочным жалованьем и фуражными и на построение в г. Перми Военно-сиротского отделения дому, на наем рассылок земского суда и на пошлины за планы, на поправку ветхостей приказов, на покупку леса и пожарных инструментов» – 79.886 руб. 46 $\frac{1}{4}$ коп.; 16) «на составление вспомогательного капитала на содержание земской полиции, на составление народной переписи ревизских сказок» – 25.071 руб.; 17) «на уплату издержек, употребленных при усмирении неповиновавшихся крестьян по засеvu картофеля на общественной запашке полей и на постройку запасных хлебных магазинов» – 55.998 руб. 27 $\frac{1}{4}$ коп.¹⁶ Не менее половины этих сумм, приближавшихся к 8,5 млн. руб., можно отнести на удельных крестьян Удмуртии.

В конце 1850-х гг. Министерство государственных имуществ, следуя за удельным ведомством, перевело оброк с душ на землю в 14 губерниях страны, но в их число Вятская губерния не вошла¹⁷. Вместе с тем по итогам 8-й и последующей ревизий малоземельные государственные крестьяне при наличии поблизости свободных казенных земель в 1850-е гг. могли получить дополнительные прирезки, доводящие их участки до 8 дес. на ревизскую душу, бесплатно, а свыше – с уплатой своеобразной арендной платы в 9 коп. серебром за десятину¹⁸.

Важную часть поборов с крестьян составляли земские повинности, которые разделялись на денежные и натуральные. Можно согласиться с тем, что денежные сборы являлись по существу второй подушной податью, которая в первой половине XIX в. непрерывно обрастала новыми статьями расходов на гражданские и воинские потребности, а натуральные повинности составляли государственную отработочную ренту и по своей сути ничем не отличались от барщины. На земские повинности перекладывались многочисленные общегосударственные расходы, которые в государственную роспись не включались¹⁹.

24 июля 1802 г. был издан указ «Об устройстве земских повинностей». Утвержденные Сенатом формы учета земских повинностей 21 сентября 1802 г.

были разосланы на места. Закон от 2 мая 1805 г. делил их на ежегодные и единовременные. Для ежегодных сборов вводились сметы на трехлетний срок. Все статьи «денежных издержек» определялись начальниками губерний, вице-губернатором и губернскими правлениями. Единовременные сборы допускались только на основе «высочайших повелений». Новое «Положение» являлось временным и вводилось постепенно. По указу 14 июня 1816 г. вводилось новое деление денежных земских сборов на общие (губернские) и частные (для казенных и помещичьих имений). К общим повинностям были отнесены: 1) почтовая, 2) дорожная, 3) содержание воинских зданий и 4) ремонт и охрана этих зданий. В статус частных земских денежных сборов для казенных и удельных крестьян включалась их обязанность содержать органы самоуправления, подводы для земского суда и запасные магазины. И в дальнейшем закон от 2 мая 1805 г. дополнялся многочисленными указами и правилами, которые в 1842 г. составили свод «Уставов о земских повинностях»²⁰.

С 1810 г. за сбор земских повинностей отвечало несколько ведомств. В 1810 г. они были переданы из Министерства внутренних дел в I отделение департамента разных податей и сборов Министерства финансов. Однако Минфин ведал лишь денежными сборами (раскладки и отчетность), а МВД контролировало их поступление и расходы, а также всецело отвечало за натуральные повинности. Дела по земским повинностям проходили по III отделению департамента полиции исполнительной. Предпринятые в 40-х гг. попытки подчинить земские повинности одному ведомству успеха не имели²¹. В целом можно отметить, что непосредственно на крестьянах все эти изменения сказывались прежде всего в форме постепенного увеличения денежных платежей. Не думается, что они конкретно представляли, какой именно сбор платят, тем более что земские сборы приобщались к подушной подати, раскладывались в сельских обществах по той же тягловой системе и взимались в те же сроки два раза в год. Более того, финансовые органы также, по-видимому, не делали большой разницы между видами поборов и использовали полученные тем или иным способом средства по мере необходимости. Так, например, в журнале учета расходов

Глазовского уездного казначейства присутствует следующая запись: «Выписано расходом согласно указу казенной палаты от 30 апреля 1840 г. за № 3572 отчисленных из сбора на содержание волостных правлений для причисления в сбор общих земских повинностей по недостатку суммы на отчисление в общие государственные доходы сбора на составление вспомогательного капитала денег 3669 руб. 24 $\frac{5}{7}$ коп. [серебром]»²².

В 1810 г. вятские крестьяне платили за «содержание полиции, магистратов или ратуш, градских дум, сиротских и совестных судов, отопление островов, отапливание ж, освещение или исправление гауптвахт, караулен и прочих..., содержание мостов и перевозов, содержание почтовых лошадей и особливо по Вятке, Слободскому, Котельничу, Нолинску, Елабуге и Сарапулу народных училищ..., содержание почтовых лошадей и волостных правлений». На содержание лошадей земской полиции собиралось от 30 до 50 коп. с каждой души, по 8 $\frac{3}{4}$ коп. на почтовую повинность, по 7 $\frac{3}{4}$ к. – на содержание волостных правлений и т.д.²³

В 1830 г. собиралось по 1 руб. $\frac{3}{4}$ коп. с ревизской души податного сословия, в том числе на устройство больших государственных дорог по 25 коп., на усовершенствование судоходства – 5 коп., на общие земские повинности – 50 коп., на содержание волостных правлений – 20 $\frac{3}{4}$ коп. Помещичьи крестьяне и тептяри выплачивали по 80 коп. с души на эти же статьи, исключая расходы на содержание волостных правлений. За счет общих земских повинностей в этом году происходило содержание 12 статей, в их числе выплата фуражных и прибавочного жалованья чиновникам земской полиции, расходы на форпостных лошадей, этапные тюрьмы и военные лазареты по Сибирскому тракту, канцелярию Комитета о земских повинностях, военный постой, остроги и гауптвахты в г. Вятке, а также полицию, городские думы, почты, мосты и перевозки. Дополнительно ко всему этому в 1830 г. производился сбор по 23 $\frac{1}{4}$ коп. с души на сдачу рекрутов по 95 набору.

Около 30 тыс. удельных крестьян Удмуртии, помимо вышеперечисленного, выплатили в этом году более 53 тыс. руб. по «особому сбору» за следующие

статьи: 1) «содержание по внутренним трактам на станциях и приказах лошадей для разъездов земской полиции, прочих чиновников, приказных старшин и препровождения колодников»; 2) «жалованье старшинам приказов, писарям, сторожам, рассыльным, добросовестным и сделание головам кафтанов»; 3) «канцелярские расходы, наем караульных при соляных магазинах, поправка ветхостей и заготовление материалов для нового приказа»; 4) «удовлетворение удельного землемера порционными, а уездного – прогонными деньгами»; 5) «оплачивание государственных податей за неимущих от разных случаев и престарелых крестьян и взысканных во вспомогательный хлебный капитал вместо запашки полей»; 6) «страховые на отправление чрез почту в контору в удельный доход денег, издержки при отсылке в Сибирь на поселение за дурное поведение крестьян и отдача в зачет будущих наборов в рекруты»; 7) «построение в удельных селениях церквей, фуражные на земских чиновников и построение в г. Перми дома для помещения военных кантонистов за прошлые годы»; 8) «починка мостов, покупка лесу для хлебных магазинов, за купленную гербовую бумагу по разным случаям и на пошлины за планы»; 9) «содержание мальчиков, обучающихся оспопрививанию, и на жалованье писцам при безграмотных сборщиках»²⁴. Судя по названиям статей, этот «особый сбор» фактически принадлежал к частным земским сборам.

По правилам поземельного сбора земская повинность удельных крестьян должна была выплачиваться из той части дохода с тяглого участка, которая шла в пользу удела. Но когда она стала возрастать, удельное ведомство поспешило ограничить взнос из своего дохода, установив предел – 28 коп. сер. Остальные крестьяне должны были выплачивать из хлебного капитала, при значительном увеличении земской повинности – за счет «мирских» сумм, вместе с чем выплаты могли достигать до 1 руб. сер. В Вятском удельном имении в 1836 г. с души следовало 21 коп. сер., в 1851 г. – уже 39 коп.²⁵

25 июля 1834 г. был утвержден указ об учреждении «вспомогательного земского капитала в каждой губернии для назначения из одного пособия» губерниям, обремененным земскими повинностями. Распоряжение вспомогательным

сбором поручалось министрам финансов и внутренних дел с санкции Госсовета и с утверждения царя. В общей сложности 22 губернии и 3 области, отнесенные к 1-му и 2-му разрядам, должны были получать «вспомоществование» со стороны 25 губерний 3-го, 4-го и 5-го разрядов. Вятская губерния была отнесена к 4-му разряду, и все ее крестьяне были обложены 10-копеечным сбором с души. Но уже в октябре 1835 г. назначение вспомогательного земского сбора было коренным образом пересмотрено. Главный упор теперь делался не на «пособие губерниям», а на расходы по особым указам царя и погашение долгов казны по ссудам на устройство шоссе. Сам сбор был повышен на 59,4 % и практиковался почти 20 лет (1835-1853 гг.)²⁶.

9 января 1835 г. был введен сбор на содержание земской полиции. Крестьяне всех ведомств облагались по 30 коп. с души (после переложения на серебро – 9 коп. сер.). В 30-х гг. XIX в. на земские сборы переложили ряд городских расходов «по недостатку собственных их способов». Вводились и многочисленные особые губернские сборы. Так, 14 ноября 1839 г. было утверждено положение о сборе на постройку присутственных мест и тюрем²⁷.

В 1836 г. в Вятской губернии были следующие земские сборы: 1) на общие земские повинности с удельных крестьян по 35 ½ коп. с ревизской души, с остальных категорий по 36 коп.; 2) на повинности государственных крестьян по 23 коп.; 3) на содержание земской полиции по 30 коп.; 4) на вспомогательный земский капитал по 14 коп.; 5) на «продовольствие поселян в случае неурожая хлеба» с государственных крестьян по 10 коп. Таким образом, наибольшие платежи по земским сборам в этом году, как, впрочем, и всегда, приходились на государственных крестьян и составляли 1 руб. 13 коп. с души мужского пола. Собранные средства должны были пойти на: 1) содержание лошадей почтовых, форпостных и земских, в доплату держателям вольных почт; 2) содержание речных перевозов; 3) содержание военных мест: а) в «пособие» жителям г. Вятки на военный постой, б) на отопление и освещение на 16 станциях Сибирского тракта путевых тюрем, в) на содержание сторожей при этапных тюрьмах, г) на освещение квартир штаб- и обер-офицеров, д) на ремонт 16 тю-

рем на Сибирском тракте, е) на отопление и освещение в г. Вятке гауптвахт и 2-х казарм; 4) содержание канцелярии губернского комитета; 5) содержание комиссии народного продовольствия; 6) содержание воспитанников училища гражданских инженеров; 7) бумагу по отчетности по сельским запасным магазинам; 8) бумагу для делопроизводства волостных правлений и сельских обществ; 9) «содержание правительственных мест, назначенных по расписанию Департамента на 1836 г.»; 10) пособие городам²⁸.

20 марта 1840 г. император утвердил проект о создании в государственной деревне общественного сбора и хозяйственного капитала. На крестьян перекладывались не только административные расходы, но и финансирование попечительской политики. Первоначально предполагалось вводить новый сбор постепенно, начиная с 1842 г. Однако уже в 1840 г. эти сборы были реализованы как дополнительные к земским сборам на трехлетие 1839-1842 гг. Палатам государственных имуществ предписывалось взыскать в 1840 г. с крестьян согласно сметам частные земские и мирские сборы и обложить их добавочно по 9 коп. сер. с души: 3 коп. на межевание и 6 коп. в хозяйственный капитал. До 1844 г. на общественный сбор составлялись годовые сметы, с 1844 г. – на трехлетие. В сметах вводилось 2 разряда: общие сборы – на межевание, в хозяйственный капитал, на содержание счетных столов палат государственных имуществ, на подготовку сельских писарей и межевщиков из крестьянских детей и на ссуды погорельцам; частные сборы – на взнос в счет натуральных земских повинностей, на постройку сельских запасных магазинов, на жалованье и содержание сельской администрации и др. Несмотря на то, что в основе своей дополнительное обложение дублировало мирские сборы, последние не были отменены²⁹.

По смете, утвержденной с 1844 г. на трехлетие, общественный сбор в год составлял 63 $\frac{1}{4}$ коп. с души. Из полученной суммы назначались расходы на содержание окружных управлений, стола народного продовольствия, волостных и сельских начальников, училищ, крестьянских мальчиков, «приготавливаемых к писарским должностям», и оспопрививателей, на «изготовление» книг, оклад-

ных листов, тетрадей, табелей, бланков для волостных и сельских учреждений и «указательных дощечек к домам», на постройку хлебных магазинов, на «Губернские ведомости» для волостных правлений³⁰.

В 1842 г., помимо общественного сбора, государственные крестьяне выплачивали следующие сборы: общие земские повинности – 12 коп. сер. с ревизской души, на вспомогательный земский капитал – 4 коп., на содержание земской полиции – 9 коп. и «на обеспечение продовольственного капитала» – 3 коп. Удельные крестьяне платили 12 коп. общих земских повинностей, 4 коп. – на вспомогательный земский капитал и 9 коп. – на содержание земской полиции. Непременные работники выплачивали только 9 коп. за содержание земской полиции. Платежи тептярей включали 12 коп. общих земских повинностей, 4 коп. на вспомогательный капитал, 9 коп. на содержание полиции, 4 коп. на содержание комитета народного продовольствия и 8 коп. на «обеспечение продовольственного капитала». Точно такие же суммы выплачивали крепостные крестьяне по первым четырем пунктам, за «обеспечение продовольственного капитала» сумма составляла, как и у государственных крестьян, 3 коп. с ревизской души, и 2/7 коп. составляла плата «на заготовление книг по магазинам помещичьих имений»³¹.

Указом от 5 октября 1842 г. «на устройство помещений для присутственных мест и тюрем в Вятской губернии» с 1843 г. был установлен «особый сбор с тамошних обывателей на 12 лет в год по 4 к. сер. с каждой ревизской души, несущей земскую повинность»³².

По донесению председателя Вятской палаты государственных имуществ Г. Круковского, в 1849 г. казенные крестьяне выплачивали по 43 коп. сер. с души земских повинностей. В их числе входили сборы «для составления вспомогательного земского сбора» по 10 ½ коп., на содержание земской полиции по 9 коп., на постройку присутственных мест и тюрем по 4 коп., «на земские повинности на 3-летие с 1849 г.» по 15 ½ коп., «на вспомогательный земский сбор... за 1848 г. по 4 коп. по случаю тому, что сей последний сбор не был включен в свое время в окладные листы за поздним получением распоряжения». 6 коп.

сер. составлял сбор в капитал продовольствия, 62 коп. – общественный сбор и, наконец, по официальным данным, от 7 $\frac{3}{4}$ до 23 $\frac{1}{4}$ коп. составляли частные мирские сборы по приговорам сельских обществ³³.

Особое значение имели частные сборы в помещичьей деревне и мирские – в государственной. В отличие от земских сумм, сданных в казначейство, мирские деньги хранились в волостных правлениях, а в помещичьей деревне ими обычно распоряжались помещики. По сути дела, мирские сборы дополняли частный земский сбор. Но если первые регулировались законом, то вторые всецело зависели от местного произвола. По мнению Н.М. Дружинина, номинально мирские сборы были или денежной заменой натуральных повинностей, или дополнительной оплатой за выполнение общественных обязанностей крестьянскими выборными. На мирские сборы перелagались расходы за ремонт местных дорог и мостов и содержание всей сельской и волостной администрации. К 40-м гг. XIX в. насчитывалось от 20 до 25 статей, по которым оплачивались расходы из сумм частных и мирских сборов. Закон от 28 ноября 1833 г. разделял мирские сборы на обязательные – «для определенных законом потребностей» – и добровольные, которые зависели «от собственного произвола крестьян». Обязательный шел на содержание сельского и волостного управления, на отыскание беглых, подлежащих рекрутской очереди, на содержание сельских запасных магазинов, на ремонт проселочных дорог и т.п.; добровольный сбор предназначался для ремонта церквей, на сооружение разных общественных зданий, выплаты в счет натуральных повинностей и проч. Вводилась новая отчетная документация: шнуровые книги, податные тетради. Казенные палаты обязывались проводить ежегодные ревизии этих книг и тетрадей³⁴.

Мирские сборы шли также и на удовлетворение все возраставших запросов чиновничье-бюрократического аппарата, поставленного над крестьянской общиной. Как правило, эти сборы превышали подушную подать и имели постоянную тенденцию к дальнейшему возрастанию. Получить полное представление о размерах мирских сборов, по-видимому, невозможно, некоторые из них крестьяне попросту скрывали³⁵. Некоторое представление могут дать дела о

злоупотреблениях, открывавшихся во время нередких сенаторских ревизий. Так, во время ревизии 1824 г., проводившейся сенаторами А.А. Долгоруким и Е.А. Дурасовым, выяснилось, что с 14 волостей Сарапульского уезда уездные чиновники во главе с исправником Шепалиным через волостных голов незаконно путем вымогательства собрали 190783 руб., из них только исправнику» было сделано подарков на 36403 руб., во время ревизии волостных книг Елабужского уезда «излишних сборов» было открыто на 314048 руб., на подарки исправнику Сырневу и другим чиновникам (39 чел.) было употреблено 81833 руб. 80 коп., в Глазовском уезде исправник Ковалдин с 42 своими приспешниками получили подарков на 175566 руб.25 коп., всего же незаконных сборов по этому уезду было выявлено 344294 руб., по Малмыжскому уезду волостные начальники незаконно собрали 158685 руб. а с удельных крестьян Нечкинского приказа таких сборов приходилось по 10 руб. на ревизскую душу. Приведенные примеры отнюдь не представляли исключения из правил. В целом по губернии ревизоры открыли в 247 волостях незаконные сборы в несколько миллионов рублей. Ответственности подлежало не менее трех тысяч чиновников и представителей волостной общины³⁶. В 1837 г. при ревизии государственных имуществ крестьяне жаловались: на злоупотребления лесничих, бравших деньги в три-пять раз больше указанных ими в зачетных квитанциях за вырубку леса (14 волостей Глазовского и Сарапульского уездов), на сборы за перемену дорожно-го участка по 50 коп. с 342 душ (Ухтымская волость Глазовского уезда), на сбор по 13 коп. с души на наем подвод для проезда старост в уездный город для уплаты податей (Алнашская волость Елабужского уезда) и т.д.³⁷

По замечанию современников, дача и получение взятки были обыденным явлением дореформенной России. Более того, сами крестьяне могли зачастую воспринимать «подать, платимую ими начальству» как необходимую «поддержку и милость» с их стороны. «Что же делать, – мог сказать крестьянин, – нельзя же и не дать начальству, надо же ему чем-нибудь жить, казенным жалованьем не прожить»³⁸.

В систему крестьянских выплат входили также платежи за использование так называемых оброчных статей. Это была своего рода арендная плата за пользование не принадлежащими крестьянам землями, угодьями и др.

Значительную часть «обязательств» крестьянства перед властью составляли натуральные повинности. Они, наряду с мирскими сборами, были наиболее неравномерными и поэтому наиболее несправедливыми в глазах обязанных их отбывать. В первой половине XIX в. натуральные отработки фактически находились в произвольном распоряжении губернских властей. На Министерство внутренних дел возлагалось «заведовать раскладкой», но на практике надзор центра не был эффективен³⁹.

Основу натуральных повинностей составляли рекрутская, подводная, дорожная и квартирная повинности. Из них, без сомнения, самой тяжелой была необходимость предоставлять для царской армии рекрутов. Согласно ст. 4 Уставов рекрутских, этой повинности подлежали все сословия, отбывавшие подушную подать. Не подлежали рекрутскому набору государственные крестьяне, «беспорочно прослужившие по выборам своих обществ три трехлетия в земском или других судах», лашманы, принявшие православие мусульмане и язычники (но без права передачи этой льготы своим детям, родившимся после принятия православия) и ряд других категорий. Трехлетнюю льготу получали переселившиеся в другие губернии государственные крестьяне. Имели право на откуп непереманные работники, крепостные мелкопоместных дворян (до 20 душ) и государственные крестьяне, проживавшие в неполных (до 500 ревизских душ) участках*. При этом плату в 300 руб. сер. за непереманных работников должны были выплачивать заводы. Допускались наем вместо себя «охотника», простой откуп от натуральной повинности и, наоборот, замена «отданного в рекруты другим лицом или посредством зачетной квитанции»⁴⁰. Позволить последнее себе могли только очень богатые: в 1843 г. Вятская палата государственных имуществ продавала приобретенную у государственного крестьянина за

---

* Деление волостей на рекрутские участки применялось с 1831 г. (См.: Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX вв.). Казань, 2002. С.118.).

485 руб. зачетную квитанцию за 570 руб. серебром, желающий должен был «явиться в палату 14 октября с удостоверением общества, засвидетельствованным в волостном правлении, о действительном праве на приобретение квитанции по состоянию на очереди и с тем вместе представить налицо деньги»⁴¹. Большую часть рассматриваемого периода служба в российской армии длилась 25 лет, а это означало для крестьянской семьи потерю наиболее трудоспособной и правомочной своей части. Срок службы тептярей продолжался 15 лет, тептяри Вятской, Пермской и Оренбургской губерний совокупно за призыв должны были предоставить 150 рекрутов⁴².

Рекрутский устав 1810 г. ввел очередной порядок набора рекрутов. Раскладка велась по рекрутским участкам, которые совпадали с административным делением податных сословий. Набор рекрутов осуществлялся на основе «семейных рекрутских очередей»⁴³. Но очередной порядок грубо нарушался. Значительный пласт дел в архивах судов всех уровней составляют дела именно о нарушениях и злоупотреблениях, сопровождавших рекрутские наборы. Так, в конце 1833 – начале 1834 г. во время 98-го рекрутского набора жандармский полковник Поль 3-й при посещении рекрутских присутствий в гг. Елабуге, Сарапуле и Вятке обнаружил массу злоупотреблений, о которых сообщил губернатору Е.Е. Ренкевичу. По Глазову подобные нарушения и жалобы крестьян представил жандарм С. Сунцов. В основном суть проступков власть имущих заключалась в получении взяток за освобождение от рекрутчины. По предложению губернатора губернское правление направило особых чиновников для проведения следствий, в ходе которых многое подтвердилось. Летом 1834 г. по высочайшему повелению суду военно-судной комиссии при Вятском внутреннем гарнизонном батальоне были преданы 63 человека, в том числе 6 членов рекрутских присутствий, несколько канцелярских служащих, волостные писари и отдатчики. В 1835 г. некоторые из них были оправданы, другие «оставлены в подозрении»⁴⁴.

Чтобы пресечь нарушения, в ходе реформы П.Д. Киселева в государственной деревне и для мещан вводилась жеребьевая система. В Вятской губер-

нии новые правила рекрутского набора впервые были введены в 1848 г. Очередность жеребьевки зависела от числа работников. Молодые люди 20-21 лет подразделялись на два разряда – на принадлежавших к семействам из 3, 4 и более работников и принадлежавших к семьям из двух работников. Жребий в первую очередь вынимали кандидаты из больших семейств, а также бездомные и бессемейные. Заранее составленные очередные списки проверялись на сельском сходе в присутствии всех домохозяев и волостного головы; окончательная их проверка производилась при окружном начальнике на волостном сходе. Чтобы сделать для крестьян менее резким и чувствительным переход от очередного порядка к жеребьевому, по распоряжению министра государственных имуществ из призванных к жребию молодых людей вначале были взяты рекруты из очередных семей, в которых не было 20- и 21-летних кандидатов; недостающее число рекрутов набиралось уже по новой системе⁴⁵. Жеребьевая система породила свои злоупотребления. Чиновники рекрутских присутствий брали взятки, меняли жеребьевую систему и просто обирали крестьян. Сдача рекрутов сопровождалась большими денежными расходами. В среднем на душу приходилось от 23 до 40 руб. с рекрута⁴⁶.

Рекрутская система в рассматриваемый период получила довольно значительное распространение не только в армии. После перевода Ижевского и Воткинского казенных заводов на обеспечение вспомогательной рабочей силой посредством института непрременных работников последние также могли набираться с ее помощью⁴⁷. С помощью рекрутского набора комплектовалась по манифесту 1807 г. милиция (земское войско, временное ополчение), стрелков и ратников которой, «раз уж мирские общества понесли издержки при отдаче их в милицию», автоматически могли переводить опять же в армию и в непрременные работники⁴⁸.

Подводная повинность также требовала значительных усилий для выполнения, она в самое необходимое для полевых работ время лишала крестьян тяжелой рабочей силы. Подводы требовались по военному и гражданскому ведомствам. В первом случае они предоставлялись для передвижения войск и от-

дельных команд; во втором – для разъездов губернских чиновников и земской полиции, для арестантских партий и перевозки казенных грузов. По распоряжению «высшего начальства» подводы назначались и на другие потребности, не считаясь с раскладкой. До 1823 г. запрещалось брать подводы без платежа прогонов, но это не выполнялось. За изучаемое время через Вятскую губернию прошло от 25 до 30 тысяч арестантов, и указанные повинности вызвали огромное количество жалоб, обусловленных тем, что большая часть подвод требовалась в летнее время, когда на учете был каждый час⁴⁹.

Подводная повинность была крайне неуравнительна. Казенные крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения и несущие основные нагрузки, часто обращались с жалобами «на чрезвычайное неудобство» исполнять самый распространенный вид принудительного извоза – перевозку земской полиции и просили о разрешении найма «по примеру почтовых лошадей». Обосновывались эти просьбы тем, что маленькие починки по 1-2 двора, каких было много особенно на севере Вятской губернии, часто даже не имели свободных подвод. Помимо этого основная нагрузка падала на придорожные селения. Поэтому, несмотря на указ от 9 июля 1829 г., подтверждающий обязанность крестьян отбывать подводную повинность натурой, «казенные поселяне, увлекаясь... примером (удельных крестьян – Н.П.)... беспрестанно покушаются на наем за себя привычных ямщиков от целых селений и даже пятисотков скрытно от начальства, но явно между собою извлекают из сего произвольного действия ту же самую пользу, какая предоставлена и удельным крестьянам». По замечанию губернатора Е.Е. Ренкевича, «хотя за сие при всяком обнаружении виновные предаются суду и по мере преступления, особенно волостные начальники и писаря, подвергаются наказаниям, однакож сии меры, не уменьшая зла, умножают только число людей, опороченных по суду»⁵⁰. Поэтому власти были вынуждены пойти на некоторые уступки. В губернаторском отчете за 1846 г. пишется: «Подводная повинность отправляется государственными крестьянами двояко: натурою и наймом без всякого вмешательства местного начальства».

Однако итогом всего этого стало лишь то, что «отдельно в каждом обществе соблюдается... совершенная уравнительность»⁵¹.

В 1832 г. последовало «высочайшее указание» рассчитываться за подводы контрамарками. «Свод законов» 1842 г. обязывал при передвижении войск и команд платить за подводы деньгами и в крайних случаях выдавать квитанции или нанимать подводы по вольной цене⁵². На деле эти правила не соблюдались. Присваивая деньги, военное начальство требовало наряды на подводы без всякого расчета. Крестьяне поставляли подводы либо натурой, либо нанимали их за счет особого сбора. В Вятской губернии земской полиции выплачивали деньги из общего земского сбора и она имела своих лошадей. В 1831 г. были утверждены «Правила о подводной повинности для выезда членов земской полиции из города». При земских судах должны были находиться лошади, содержание которых определялось по правилам почтовых лошадей, а также назначалось определенное число проводников. Поставки проводников для препровождения рекрутов и арестантов, а также для транспортировки кладей были прямым дополнением подводной повинности⁵³.

Внутренние силы и средства крестьян занимала дорожная повинность, заключающаяся в необходимости поддержания в порядке полотна дорог, мостов, гатей, перевозов, придорожных канав как на главных почтовых трактах, так и на второстепенных путях; сюда же можно отнести обязанность жителей прибрежных селений на крупных реках содержать специальные переправы – бечевники. В XIX в. объем дорожных работ резко увеличился. Устав дорожной повинности (1833 г.) отнес на земство устройство и содержание «больших трактов». Было принято положение о дорожной повинности по устройству и содержанию нешоссейных дорог. И хотя по сметам земских сборов на дорожную повинность собирались деньги и все работы по торгам передавались подрядчикам, крестьянам приходилось отбывать эту повинность натурой⁵⁴. Так, на 1728 верстах почтовых дорог Вятской губернии за счет земского сбора в 1839 г. были отремонтированы только 27 мостов и гатей, все остальное «поддержива-

лось починками поселянами»; из 100 перевозов, находящихся на территории губернии в 1861 г., 60 также содержалось за счет крестьянских отработок⁵⁵.

Большую часть рассматриваемого времени отмечалось, что устройство дорог по Вятской губернии было «сопряжено с крайним отягощением жителей и большой неуравнительностью..., одни из поселян устраивают дорогу вблизи своих жительство, а другие на расстоянии от оных от 100 до 160 верст, отправляясь из домов своих... по 2 и более раз в году»⁵⁶. В результате постоянно менялись расписания участков трактов, которые крестьяне той или иной категории и административной единицы должны были поддерживать в порядке. И здесь периодически возникали возможности для незаконных поборов с крестьян «за перемену» ранее неудачно подобранного участка. Ревизия 1837 г., проводившаяся в Вятской губернии коллежским советником Холодовским, выявила, что участки дорог для починки и исправления отводились за 80, 100 и даже 200 верст от селений, в итоге крестьяне вынуждены были либо нанимать работников, что было формально незаконно, либо платить за перемену участка. Иногда чиновник, которому было поручено распределение дорожных участков, заранее предупреждал крестьян об имеющемся выборе. Так, в Ухтымской волости Глазовского уезда уездный землемер собрал «за перемену дорожного участка по Вятско-Пермскому тракту с 342 душ по 50 коп. с каждой»⁵⁷.

В 1815-1818 гг. дорожная повинность в Вятской губернии была заменена особым денежным сбором, но в 1819 г. она восстановлена в прежней натуральной форме⁵⁸. Только с образованием Министерства государственных имуществ казенным крестьянам был окончательно разрешен найм в отправлении дорожной повинности⁵⁹.

В 1849 г. в целом по губернии исправлением дорог занималось 93927 конных и 147157 пеших государственных крестьян, из удельных этой повинностью было занято 13849 конных и 6718 пеших, из помещичьих – 2 тыс. конных и 3 тыс. пеших работников⁶⁰. Непременные работники, тептяри, купцы и мещане также должны были отрабатывать эту повинность натурой или наймом⁶¹. На

крестьян возлагалось также строительство и содержание в надлежащем порядке тюрем, лазаретов и этапных пунктов, расположенных на Сибирском тракте⁶².

По оценке губернских властей затраты крестьян на подводную повинность в 1852 г. составили 169.520 руб. 77 ½ коп. серебром, на дорожную – 70.744 руб., «полагая рабочий день пешего человека в 22 коп., а конного в 38 коп.»⁶³

Крестьяне всех категорий были обязаны предоставлять квартиры для проходящих воинских команд, для представителей военной и гражданской администрации. Наибольшая нагрузка здесь выпадала на населенные пункты, лежащие вдоль больших дорог, прежде всего по Сибирскому тракту. С 40-х гг., когда начались санкционированные переселения государственных крестьян в Сибирь, квартирная повинность стала особенно тягостной. Так, в 1846 г. через Вятскую губернию в основном по Сибирскому тракту прошли 11 тыс. переселенцев из центральных губерний России. Несмотря на то, что жители придорожных населенных пунктов были освобождены от подводной повинности, к доставке продовольствия были привлечены «все ближайшие окружные селения», а ряд обществ Сарапульского, Орловского, Котельничского и Яранского уездов 10 июля 1846 г. «определили... приговорами оказывать нуждающимся жителям пособие хлебом чрез уравнильный сбор оного с души», результатом таких значительных передвижений через Вятскую губернию, по замечанию губернских властей, мог стать «совершенный упадок благосостояния крестьян всего Сибирского тракта». Чтобы этого не произошло, предлагалось разгрузить Сибирский тракт за счет Санкт-Петербургского (Орлов – Вятка – Слободской – Глазов – Дебессы), а также перенаправить поток переселенцев по другим волостям и населенным пунктам параллельно Сибирскому тракту⁶⁴.

По официальным данным, в 1861 г. натуральные повинности были представлены следующим образом: 1) дорожная – было занято государственных крестьян 83.466 конных и 139.843 пеших на сумму 66.239 руб. 82 ¾ коп. сер., удельных – 18.668 конных и 13.696 пеших на сумму 11.518 руб. 85 коп. и помещичьих – пеших 7397 и 5157 конных на сумму 3848 руб. 14 коп.;

2) подводная – от государственных крестьян 161.451 подвод «для разъездов чиновников и должностных лиц» на сумму 74.515 руб. 98 $\frac{3}{4}$ коп., от удельного ведомства – 56.683 на 13.950 руб. 95 коп., от помещичьих крестьян – 1808 на 936 руб. 41 коп.; для передвижения военных партий и команд от государственных крестьян – 6085 на 2078 руб. 41 $\frac{1}{2}$ коп., от удельных – 240 на 150 руб., от помещичьих – 235 подвод на 102 руб. 70 коп.; для «препровождения арестантов по этапам»: от государственных крестьян – 3376 на 1400 руб. 16 $\frac{1}{2}$ коп., от удельных – 1994 на 1115 руб. 10 коп. и, наконец, 3) квартирная – по населенным пунктам ведомства государственных имуществ для проходящих войск было дано 11.887 квартир, по удельным имениям – 1440 и в помещичьих имениях – 1287⁶⁵. Таким образом, можно отметить примерно одинаковые нагрузки крестьян различных категорий натуральными повинностями.

Основными натуральные повинности являлись для непременных работников и лашманов.

Согласно «Положению для непременных работников при горных заводах» от 15 марта 1807 г. новый разряд заводских работников принципиально ничем не отличался от остальной заводской рабочей силы. Как и прочие мастеровые, непременные работники освобождались от государственных податей. Селения, целиком зачисленные в непременные работники, первоначально освобождались от всех государственных повинностей, включая рекрутские наборы и поставку подвод. В последующем, как мы могли заметить, ряд денежных и натуральных повинностей был им возвращен. Годные по состоянию здоровья и возрасту (18-40 лет) работники должны были выполнять вспомогательные заводские работы, а остальные – оказывать им помощь, заниматься поддержанием крестьянского хозяйства, а также «пополнять убыль годных работников»⁶⁶. Непременные работники были обязаны работать на заводе 200 дней в году, «а в случае экстренных работ и 240». Рабочий день продолжался 12 часов, плата за который до 1829 г. составляла 8 $\frac{1}{2}$ коп., в 1841 г. – 23 коп., конный работник сверх того получал на фураж лошадям 30 коп. в сутки и на ремонт упряжи 25 руб. в год⁶⁷. По данным 1850 г. плата непременных работников составляла за

двуконную поденщину с ремонтными, фуражными и провиантскими – 20 $\frac{1}{4}$ коп., за одноконную – 12 $\frac{11}{30}$ коп. и за пешую – 4 $\frac{5}{7}$ коп. сер.⁶⁸ За 6 дней непрерывный работник должен был вырубить 1 куб. сажень дров для выжига угля. Заменой этого могла быть вырубка и черновая обтеска 4 ложевых болванок или 5 молотовищ за один день. Садка угольной кучи производилась двумя работниками за 36 дней, гонка 120 ведер дегтя или 100 ведер смолы – за 240 дней. Каждый конный работник должен был проезжать за час 3 версты. На нагрузку и свалку угля ему полагался 1 час. Зимой и летом на двух лошадях он должен был везти 40 пудов, летом и осенью в грязь, зимой в мороз – 34 пуда, зимой по глубокому снегу и осенью по большой грязи – 30 пудов. Чтобы скорее выполнить урок и возвратиться домой, непрерывные работники привлекали к работе членов своей семьи. Помимо урочных работ они привлекались также к выполнению случайных, неожиданных нарядов, как, например, ремонт гидротехнических сооружений, возка глины на приготовление кирпича и другие. В выполнении работ участвовали малолетние дети и старики. Кроме своих прямых обязанностей, непрерывные работники занимались непосредственно на заводе в поторожном цехе. При необходимости пешие работники, имевшие своих лошадей, обязаны были работать как конные⁶⁹.

График выполнения работ непрерывными работниками Ижевского оружейного завода выглядел следующим образом:

Пешие: сентябрь-декабрь – «высиживание» угольных куч, вырубка кленовых плах, кряжей, заготовление припасов для экипажей; январь-март – приготовление ложевых болванок с клиньев, заготовка бревен; апрель-май – вырубка «квартирных» дров, приготовление угля, сплав бревен, заготовка лубьев, мха и мочальника, переноска чугуна на Гольянской пристани; июнь-август – заготовка сена, вырубка дров обжигательных, плотничные работы на заводе.

Конные: ноябрь-декабрь – вывозка болванок и клиньев, дубовых кряжей, кленовых плах, вывозка угля (продолжавшаяся с ноября всю зиму); январь-март – возка дров (квартирных и обжигательных), вывозка бревен и кирпича, сена, возка чугуна на Гольянскую пристань; май – возка на Гольянскую пристань

ложевых болванок; июнь-август – перевозка лубьев. Конные работники могли также назначаться на рубку дров⁷⁰.

В отличие от неперменных работников, полностью подчиненных администрации определенного казенного завода, над лашманами установилось двойное управление. В вопросах трудовой повинности они были подчинены правлению низового комитета (в Казани), а по всем прочим вопросам – органам местного управления. По каждому селению и волости, которые были приписаны к адмиралтейству, составлялись семейные списки с учетом жителей, способных выполнять повинность (мужчины 18-55 лет). На основании этих списков соблюдалась очередность повинности и учитывался конкретный характер работы – отбывать повинность пешком или конным. Сроки работы в первой половине XIX в. несколько сократились, но тем не менее составляли 60 рабочих дней (с 1 октября по 18 декабря) для пешего работника и свыше трех месяцев (с 10 декабря по 20 марта «или до окончания зимнего пути») для конного работника⁷¹. В основном лашманские работы выполнялись конными работниками. Так, на «заготовке и вывозке корабельных лесов в осени 1807 и в зиме 1808 гг.» участвовали 108 пеших и 292 конных лашманов г. Глазова и 17 его волостей⁷².

За произведенные работы лашманам «никаких денег» не выдавалось, хотя их труд оценивался, можно сказать, символически, по самым низким расценкам: пешему лашману примерно по 12 коп. в день, а конному – 23 коп. (без учета оплаты за переезды). К середине XIX в. расценки несколько повысились и составили примерно 20 коп. пешему и 40 коп. конному лашману в день. Незначительная сумма в виде пособия выдавалась лишь тем работникам, которые по бедности не могли содержать себя во время работы. На это уходило всего около 7 % от той суммы, которая назначалась Морскому министерству «из нормальных капиталов по государственной росписи». Главная же часть этих денег передавалась в государственное казначейство для зачета в подати, которыми лашманы были обложены «в той же степени, как и все прочие, в одних с ними губерниях обитающие, государственные крестьяне»⁷³. Лашманы были освобождены от рекрутской повинности⁷⁴.

Властями допускался наем «охотников» для выполнения работ непрременных работников и лашманов, которым последние охотно пользовались, если были в состоянии заплатить⁷⁵.

Своего рода натуральной повинностью можно считать обязанность крестьян предоставлять понятых при проведении судебных расследований, дознаний о выкуривании кумышки, проведении межеваний и иных земельных работ и т.д. В этом отношении существовали правила, согласно которым требовать понятых можно было только через органы самоуправления⁷⁶. Кроме того, очень обременительным для крестьянства оставалось исполнение различных выборных должностей при органах крестьянского самоуправления (список этих должностей содержит 11 наименований). Они отнимали массу времени и не давали почти никакого вознаграждения при условии честного и порядочного отношения выборных к возложенным на них обязанностям. В 1849 г. по губернии из числа крестьян было избрано 9897 сотских и десятских, 1743 лесных надзирателя, 1131 пожарный староста, 1122 рассыльных по волостным и сельским правлениям, более одной трети из этого числа можно отнести к четырем «удмуртским» уездам⁷⁷.

Помещичьи крестьяне платили в казну подушную подать и выполняли, как и государственные, различные натуральные повинности. В помещичьей эксплуатации преобладала оброчная система. Величина оброка по Вятской губернии составляла: у 0,3 % крестьян до 3 руб., у 5,5 % - от 3 до 5 руб., у 92,5 % - от 5 до 7 руб., у 1,5 % - от 7 до 10 руб., у 0,2 % - от 10 до 15 руб. с души в год. Весьма значительны были натуральные поборы, в их число входила необходимость сдавать помещику шерсть, льноволокно, хлеб, яйца, масло, мясо и т.д. В общей сложности натуральный оброк составлял от 1 до 3 руб. с каждого тягла в год. В имениях Озеровых, Юшковых, Тевкелевых и в ряде других помещичьих хозяйств крепостные отработывали тяжелую барщину на вотчинных мануфактурах⁷⁸.

Много внимания центральные и губернские власти уделяли контролю за правильным и бездоимочным выполнением денежных и натуральных повинно-

стей. По указу 28 ноября 1797 г. казенная палата должна была отправлять в волости по три книги «за шнуром и печатью». В этих книгах органы самоуправления должны были фиксировать суммы сборов, их цели и «мирские приговоры», одобряющие их. В первой книге фиксировались мирские сборы, во второй – подушные и оброчные подати, в третью записывались суммы «на прочие предметы» (рекрутская повинность, жалованье должностным лицам и писарям, содержание мирских зданий и т.д.). По истечении года эти книги должны были отправляться на ревизию в казенную палату⁷⁹.

На места также спускались окладные листы о количестве всех официальных сборов, земские повинности в них определялись на трехлетия. Вся документация готовилась за счет крестьян.

28 ноября 1833 г. было утверждено положение «О порядке взимания с казенных поселян денежных сборов на государственные подати, земские повинности и мирские расходы». Вносились коррективы в учетно-податную документацию, намечались условия раскладки земских сборов. Роль «окладных листов» сохранялась. Казенные палаты указывали в «окладных табелях» текущий оклад для каждого сельского общества и затем направляли их в уездные казначейства, которые вносили в соответствующие графы общую сумму недоимки и пересылали «окладные листы» в волостные правления. Волость заполняла, в свою очередь, графы о недоимках по мирским сборам. В таком виде «окладные листы» раздавались под расписку старостам. На основании «окладного листа» сельский мирской сход делал раскладку по бытующей в данной общине системе. На каждое тяглое семейство по приговору общества отмечались текущие платежи по полугодиям. Крестьянам вручались платежные таблицы (бланки), в них указывалось число окладных душ, сумма оклада и недоимок. В волостных правлениях заводилось по три книги: первая – учет сборов с сельских обществ по окладным листам; вторая – учет сумм на содержание волостных правлений, получаемых по сметам частных земских сборов из казначейств, и третья – учет мирских сборов. Вся эта документация по замыслу законодателей должна была пресечь лихоимство и утвердить строгий учет в сис-

теме раскладки и взимания податей и сборов. Правила 1833 г. стремились максимально приблизить структуру сельского управления к обеспечению бездоимочного «взимания денежных сборов», т.е. имели ярко выраженный фискальный характер. С этой целью волости разделялись на участки или сельские мирские общества в составе от 300 до 500 душ. Допускался и меньший состав. Сельское общество избирало сроком на три года старосту (он же сборщик податей). Ему назначалось содержание от 50 до 100 руб. в год. Вместо оплаты общество могло вознаграждать старосту хлебом или отводить ему из общественных угодий дополнительные земли, или же освобождать его от натуральных повинностей. Староста обязывался не только взимать подати и сборы, но и следить, чтобы крестьяне не истратили денег на «мотовство». По новым правилам деньги в волостном правлении не хранились. Староста должен был сдавать их прямо в казначейство (накапливать разрешалось до 300 руб.), а в волостные правления предъявлял лишь квитанцию. По замыслу правительства эта мера должна была пресечь массовое хищение мирских сумм в волостях. Закон 1833 г. расширял сферу податной круговой поруки. За оклад по числу ревизских душ отвечал «весь участок», а за сельское общество в целом – вся волость⁸⁰.

11 декабря 1844 г. царь утвердил новые «Правила о порядке взимания денежных с крестьян сборов». Правила вводились с 1846 г. и преследовали цель пресечь незаконные поборы и установить строгую отчетность в сельских обществах. Все сборы в государственной деревне объединялись в 4 разряда: 1) общие, 2) частные, 3) мирские и 4) рекрутские. В первый разряд входили: подушная подать, земский сбор, общественный сбор, сбор на продовольствие и разные взыскания с сельских обществ (рассроченные недоимки, ссуды и проч.); к частным взысканиям были отнесены особые личные и общие (по селениям) сборы; мирские сборы разрешались только по приговорам сельских обществ или отдельных селений и только «начальством разрешенные», рекрутские допускались лишь на основе рекрутского устава. Вводилась новая, более сложная документация, в частности для каждого домохозяина было утверждена специ-

альная платежная книжка, «чтобы вносить в оную все платежи». Окружные начальники, их помощники, «как ближайшие в округе блюстители», обязывались следить за «исправным» ведением этих книжек и за правильностью сборов. Правила 1844 г. действовали до реформы 1866 г.⁸¹

«Для облегчения сословий, отбывающих земские повинности», с 1 января 1853 г. в Вятской губернии были введены правила нового устройства земских повинностей, утвержденные в июле 1851 г. Согласно этим установлениям, через каждые три года в губернском городе в январе должен был составляться особый комитет о земских повинностях под председательством начальника губернии из членов: заступающего место предводителя дворянства, председателя казенной палаты, управляющих палатой государственных имуществ и удельной конторой, губернского градского головы и депутатов от прочих городов. В общих заседаниях комитета должны были присутствовать батальонный командир внутренней стражи и губернских почтмейстер и, за особым столом, губернский прокурор или губернский стряпчий⁸².

В целом можно отметить, что общая тенденция в развитии дополнительных денежных поборов с крестьян всех категорий в конце XVIII – первой половине XIX в. характеризуется прежде всего их увеличением и усилением регламентации и контроля со стороны власти. Важной частью контроля являлись сенаторские ревизии, командировки чиновников «по особым поручениям» столичного и губернского уровней. Однако все виды контроля основной своей целью – обнаружения и пресечения нарушений – достигали далеко не всегда. Представители местной власти находили пути преодоления поставленных перед ними препон в деле ограбления крестьянства. Введение платежных книжек и ближайшего контроля в лице окружного начальства также не достигло своей цели: незаконные сборы «существуют даже при раскладке на домохозяев к платежу податей за убылые или бедные души», ведение платежных книжек «неправильное и совершенно запутанное». Губернское начальство причины этого видело в «слабом наблюдении» окружных начальников за сельским и волостным начальством, которое, «пользуясь еще необразованностью жителей – кре-

стьян своего края, особенно вотяков, черемис и пермяков», продолжало незаконные поборы. В итоге последовало «строгое уведомление» со стороны губернских властей, что если «по дознанию окажутся произвольные сборы или даже неправильное ведение книжек, то окружные начальники без всяких объяснений будут представлены к увольнению»⁸³. Разумеется, и эта мера не могла коренным образом изменить сложившуюся ситуацию.

В контексте анализа как денежных налогов, так и натуральных повинностей крестьян важно обращение к проблеме недоимок – своеобразного накопления долга перед государством.

Вятская губерния не входила в число регионов-недоимщиков, крестьяне-удмурты же отличались от всего населения исправными платежами. П.Н. Луппов отмечает, что дарованное непременно работникам прощение всех прежних недоимок при образовании этой категории крестьян ничего не давало удмуртам, за которыми просто-напросто не числилось долгов перед государством⁸⁴. В 1823 г. в прошении царю просьбу не переводить их в непременные работники удмурты аргументировали тем, что этот перевод принесет им «крайнее отягощение и разорение», тогда как на настоящий момент «все подати и повинности они оплачивают всегда бездоимочно и что они берегут растущие близ их селений заводские леса, хотя эти леса и являются спорными между ними и заводом»⁸⁵.

Особенный рост недоимок по губернии наблюдался лишь во время войн с Наполеоном. В 1810 г. они составляли по губернии 139.263 руб., в 1811 г. – 228.340 руб., в 1812 г. – 987.829 руб., в 1813 г. – 4.377.518 руб. и, наконец, в 1814 г. – 7.012.753 руб., из которых 70 % числилось за крестьянами⁸⁶. В основном эти недоимки в 1820-е гг. были списаны в связи с невозможностью их выплатить. Глазовский, Сарапульский, Елабужский и Малмыжский уезды не входили в число самых недоимочных уездов губернии, но тот долг, который на них тем не менее накапливался, обычно выплачивался намного хуже текущих платежей. Общие недоимки крестьян Удмуртии могли достигать в 1830-е гг. до десятков тысяч рублей на уезд⁸⁷.

К 1 января 1830 г. податная недоимка вятских крестьян и мещан составляла 762.038 руб. В том же году от них должно было поступить «по окладу» 6.380.000 руб., всего же поступило 6.347.429 руб. В итоге, к 1 января 1831 г. в недоимке осталось: прежних лет – 624.609 руб., из оклада 1830 г. – 170.000 руб., всего 794.609 руб. Из недоимки 1830 г. 143.875 руб. состояли «на отчете градских и земских» полиций, большая часть ее принадлежала жителям Орловского уезда, а 26.215 руб. приходилось на государственных крестьян Слободского и Глазовского уездов, которым, в свою очередь, не уплатили эту сумму железодельные заводы за произведенные работы. Податная недоимка прежних лет состояла «главнейше» на Вятском, Орловском, Котельничском и Слободском уездах. По мнению вятского губернатора А.И. Середы, «к причинам накопления оной и невозможности очистить вдруг при всех неослабных мерах, со стороны губернского начальства принимаемых, относятся: сколько худой урожай хлеба в сих уездах..., а не менее того упадок и уменьшение промышленности как поселянской, так и купеческой, и самых цен на работы и произведения»⁸⁸. К 1836 г. оставалось недоимок: податей – 240.300 руб. 5 коп., земских повинностей – 27.486 руб. 24 $\frac{1}{4}$ коп., питейных откупных по 1819 г. – 1.306.701 коп. 92 коп., «штрафных за пропуск в ревизию по делам» – 378.885 руб. 87 $\frac{1}{4}$ коп., «разных взысканий» – 758.190 руб. 22 $\frac{1}{4}$ коп., всего 2.711.564 руб. 27 коп. Таким образом, по основным крестьянским платежам недоимка была не столь значительна и имела тенденцию к снижению⁸⁹. «Очищение» недоимки могло происходить по следующей схеме: в недоимочную Зюздинскую волость Глазовского уезда в 1831 г. было прислано «несколько человек воинской команды», поэтому крестьяне, зная, что конкретные должники заплатить не в состоянии, «по общему добровольному совещанию согласились числящаяся... недоимку заплатить чрез одинаковый сбор, какового и назначили по 2 руб. с каждой души»⁹⁰. В этом же году крестьяне Кляповской волости «запродали» глазовскому купцу Смагину и удмурту Разену приобретенные в 1815 г. за 2850 руб. из земель, пожалованных П. Коновницыну, сенокосы, чтобы расплатиться с податной недоимкой в размере 1630 руб.⁹¹

В течение всего рассматриваемого периода из всех крестьянских категорий наиболее бездоимочными были удельные крестьяне. Так, за 10 лет (с 1827 по 1837 гг.) с них было собрано 8.489.871 руб. 21 коп., и только 2903 руб. 90 $\frac{3}{4}$ коп. составила недоимка, которая к тому же числилась «на разных купцах и мещанах за проживание в удельном имении»⁹². Объяснение такого факта прежде всего видится в том, что изначально в ведомство уделов отдавались наиболее плодородные земли юга Удмуртии, к тому же имеющие выгодное расположение (на берегу Камы) для занятия торговлей и промыслами. Поэтому удельным крестьянам было легче уплатить налоги. Немаловажно также то, что удельные власти отличались лучшим контролем за выполнением денежных и натуральных поборов и наиболее жесткой позицией в отношении недоимщиков.

За 1846 г. в недоимке по губернии осталось на государственных крестьянах – 20.836 руб. 93 $\frac{1}{2}$ коп. сер., удельных – 1 руб.90 коп., помещичьих – 1.590 руб. 14 $\frac{1}{4}$ коп. Податные недоимки за прошлые годы составляли 84.954 руб. 68 $\frac{3}{4}$ коп., в том числе на государственных крестьянах 56.186 руб. 5 $\frac{3}{4}$ коп., удельных 25 руб. 29 коп., помещичьих 1.257 руб. 82 коп. За 3 года (с 1844 г.) недоимка уменьшилась на 7.396 руб. 59 $\frac{3}{4}$ коп.⁹³

Крымская война пагубно сказалось на платежеспособности крестьян всей Вятской губернии. На основании манифестов 27 марта 1855 г. и 26 августа 1856 г. им было прощено в общей сложности 224.804 руб. 79 $\frac{1}{2}$ коп. серебром. В 1857 г. в число недоимщиков попали Глазовский и Сарапульский уезды. Малмыжский уезд, напротив, сумел выплатить 22.919 руб. 69 $\frac{1}{2}$ коп. (до 32 $\frac{1}{2}$ коп. на душу), тем самым показав лучший результат по губернии. Елабужский уезд по этому показателю оказался на шестом месте. Но здесь следует отметить, что на Глазовском и Сарапульском уездах недоимка была менее значительна. В целом среди 421 обществ губернии 247 не имели никаких долгов перед государством, «на 82 обществах осталась недоимка прежних лет и 92 общества не доплатили и оклад». Картина вполне благополучная по сравнению со многими губерниями страны: в общей сложности только по манифесту 26 августа 1856 г. по России было сложено 57,25 млн. руб. недоимки⁹⁴.

В 1861 г. в Вятской губернии из 63.179 руб. 40 $\frac{3}{4}$ коп. сер. податной недоимки на государственных крестьянах лежало 45.434 руб. 56 $\frac{1}{2}$ коп., удельных – 1190 руб. 10 $\frac{3}{4}$ коп., помещичьих – 423 руб. 70 $\frac{1}{2}$ коп. При этом следует отметить тот факт, что 44.771 руб. 88 $\frac{1}{2}$ коп. недоимки государственных крестьян «состояло на заводских конторах: Залазнинской Мосолова, Холуницкой Пономарева и Кожимских заводов Бенардаки за произведенные государственными крестьянами Глазовского и Слободского округов заводские работы... Сверх сего некоторая часть упомянутой недоимки подлежит к сложению с счетов по разным законным причинам, о чем и производится надлежащая переписка»⁹⁵.

Недоимками занимались все звенья государственного аппарата, начиная от губернской власти и заканчивая Сенатом. Сведения о недоимках и меры против их накопления находились под личным контролем царя. В фискальных интересах усиливались консервативные традиции общины. Оклад подушной подати в соединении с земскими, мирскими и прочими сборами, а также натуральные повинности для значительной части крестьянства был выше их платежеспособности. Среди прочих это было главной причиной нарастания недоимок. Ее основу составляло: малоземелье, низкая производительность и товарность крестьянского хозяйства, хронические неурожаи и недостаточность внеземледельческих заработков, которые к тому же тормозились общинной круговой порукой. Кроме того, важнейшей причиной накопления недоимок можно считать фискальный произвол и массовое казнокрадство. Официально все уровни власти выдвиги следующие причины: 1) «неуравнительность», 2) несовершенство «способа взыскания» и 3) слабый за крестьянами надзор⁹⁶.

Были предложены разнообразные меры ликвидации недоимок. В качестве карательной меры применялось размещение на постой в недоимочных селениях воинских команд. После реформ государственной и удельной деревни система попечительства предполагала назначение опекунов над обедневшими крестьянскими хозяйствами, последние должны были осуществлять постоянный контроль над ведением хозяйства: своевременным посевом и удобрением полей, уборкой зерна и даже домашними занятиями, изыскивать средства к промыслам

и заработкам, следить за поведением, управлять домами и расходами, отдавая отчет вместе с домохозяином сельскому обществу и старшинам⁹⁷. В 1811-1823 гг. в государственной деревне действовала штрафная пеня (1 % в месяц) за недоимки, в крепостной деревне она существовала до 1861 г. По приговору сельских обществ распродавалось не только недвижимое имущество, но и строения крестьян на общественных землях (кроме жилых и хозяйственных). На покрытие недоимок обращался и доход от собственных крестьянских земель, мельниц и проч. До реформы П.Д. Киселева распродажа обычно назначалась земской полицией, в дальнейшем – окружными начальниками. Сельский сход мог отдать должника или кого-либо из его семейства в казенные, мирские или частные работы внутри и даже вне губернии. Наконец, за крайнее «нерадение» недоимщика отдавали вне очереди в рекруты, а при негодности отправляли на поселение. За недоимки «от дурного поведения» сельскому обществу предоставлялось право наказывать виновных розгами, а недоимки взыскивать «по местному усмотрению». Эти меры в государственной деревне шли вслед за подобными по удельному ведомству.

Круговая порука получила в первой половине XIX в. более жесткий фискальный характер. Оставшиеся на 1 октября недоимки раскладывались на все сельские общества. За недоимки свыше годового оклада все сельское общество передавалось в хозяйственное управление (кроме выплативших оклад). Указ от 28 апреля 1828 г. внес некоторые коррективы в закон 1811 г., по которому представители самоуправления несли ответственность за бездоимочность. Старосты и выборные теперь наказывались только в случае личной вины. Крестьян отпускали из заключения на полевые работы⁹⁸.

В целом, несмотря на то, что сборы и повинности удмуртских крестьян были многочисленны и разнообразны, они с ними справлялись. Более того, можно отметить, что далеко не всегда многочисленность фискальных обязанностей означала разорение. Так, среди удельных крестьян, несущих наиболее значительные повинности, было много зажиточных. Объяснение этого факта видится, прежде всего, в их жительстве на плодородных землях в местах, даю-

щих возможность широко заниматься промыслами и торговлей. По замечаниям многих современников, зажиточными были крестьяне-удмурты, также отличавшиеся исправными платежами и отработками. Причины последнего можно видеть не только в том, что у удмуртов зачастую было больше земли (далеко не всегда плодородной), но и в их ментальности, стремлении выплатить и отработать все, что требует государство. Крестьяне-удмурты жили по принципу: «Если ты никому не должен, тебя не трогают».

Следует отметить также то, что при всем разнообразии денежных платежей, в действительности они были разнообразными только по названиям. В множестве поборов видится практика времен Петра I, растянутая на всю первую половину XIX в.: при нужде государства в денежных средствах или рабочей силе не только увеличиваются прежде существовавшие поборы и повинности, но и вводятся новые. Рост платежей и повинностей объективно был вызван не ростом товарности, а, следовательно, и платежеспособности крестьянского хозяйства, а в первую очередь ростом потребностей государства и правящего слоя. В итоге возрастал вал недоимок во время наполеоновских войн и Крымской войны. Этот факт также свидетельствует о том, что поборы с крестьян Удмуртии в том виде, в каком они существовали, достигли потолка.

§ 2. Политика государственного патернализма

Предреформенная политика российской власти по отношению к крестьянству характеризуется исследователями как патерналистская или попечительская. Наряду с сугубо фискальными целями она была вызвана попытками претворения в жизнь теории просвещенного абсолютизма, начавшимися еще в XVIII веке. С другой стороны, традиции патернализма – это явный крен в сторону отживающих свой век крепостнических отношений государства с казенной и удельной деревней, весьма напоминающих отношения помещиков с принадлежащими им крестьянами, когда всевластный *pater familias* обязан заботиться о благе своих домочадцев-подданных. На протяжении последних предреформенных десятилетий традиции деревенского патернализма оставались ус-

тойчивыми. Этому во многом способствовали особенности менталитета, присущего в рассматриваемый период всем народам, населяющим Удмуртию, — ориентация на сильную государственную власть в центре и на местах, а также тесное переплетение мирской и монархической традиций, когда от правящего императора крестьяне ждали защиты и покровительства взамен выплачиваемых податей и отработываемых повинностей.

Руководством к действию для чиновников, занимавшихся крестьянами, можно считать слова управляющего Вятской удельной конторой П.В. Алабина: «Как управление государственных имуществ, так и удельное, в среде своих действий стремятся к улучшению быта подведомственных им крестьян..., трудятся для возвышения дохода казны без утеснения податного сословия..., над развитием просвещения, промышленности, ремесел, торговли, земледелия, над улучшением домашнего хозяйства крестьян, устройством их лесов, над ознакомлением их с современными изобретениями..., над устройством врачебной части, над искоренением пороков, предрассудков, суеверий, над возвышением нравственности народной...»⁹⁹ Наиболее полно политика государственного патернализма проявлялась в государственной и удельной деревне хотя бы по той причине, что система управления данными категориями крестьянства была наиболее всеобъемлющей.

Властные структуры всех уровней, следуя в указанном направлении, наибольшее внимание уделяли проблеме обеспеченности крестьян землей. Внутри Вятской губернии практиковались следующие способы преодоления земельного голода: 1) прирезка земли от многоземельных крестьянских дач к малоземельным в пределах одной волости; 2) переселение нуждающихся крестьян в многоземельные общества в пределах губернии; 3) переселение «на пустопорожные места или выгорелые лесные пространства» и, наконец, 4) передача малоземельным обществам участков «мелкорастущего» казенного леса¹⁰⁰. Предпринимались также санкционированные переселения крестьян на свободные земли Оренбургской губернии, а с 40-х гг. — в Сибирь.

Даже в случае самовольных крестьянских переселений местная власть зачастую не давала «к обратному их выселению... в видимое их разорения согласия»¹⁰¹. Данное правило, однако, никоим образом не относилось к лесным угодьям ведомства Ижевского и Воткинского казенных заводов – здесь заводские власти жестко настаивали на выселении самовольных поселенцев¹⁰².

Пожалуй, более действенным методом преодоления земельного голода было наделение крестьян дополнительными участками из смежных казенных или удельных, по преимуществу лесных дач. Такие мероприятия проводились по результатам очередных ревизий, начиная с седьмой, для тех сельских обществ, у которых средний надел составлял менее 5 десятин на ревизскую душу, если имелись свободные государственные земли, смежные с ними¹⁰³. Крестьяне при этом должны были платить за прирезанные земли сверх 8-десятинной пропорции. В целом результаты этих мероприятий были не очень значительны: средний душевой надел в Удмуртии в 1850 г. составлял от 7,02 дес. в Малмыжском уезде до 13,2 дес. – в Глазовском¹⁰⁴. И это при фигурировавшей всю первую половину XIX в. норме в 15 десятин. Но тем не менее «удмуртские» уезды традиционно оставались самыми многоземельными в Вятской губернии.

Хозяйственное отделение казенной палаты (а с 1838 г. – палаты государственных имуществ) и удельная контора пытались следить за тем, чтобы не нарушались интересы подведомственных им крестьян при проведении генерального межевания, «полюбовных размежеваний», «всемилоостивейших пожалований» земель и т.п.¹⁰⁵ Во многих случаях, например, когда крестьянам противостояли противники более высокой весовой категории, такая поддержка была просто необходима для восстановления справедливости. Так произошло с удмуртами 4 деревень Пургинской волости Сарапульского уезда, сенокосами которых с 1807 г. завладели мастера Ижевского завода. Даже когда землемеры, проводившие Генеральное межевание, в 1829 г. присудили спорную землю крестьянам, заводская администрация отказывалась ее передавать, обосновывая свои претензии давностью пропущенного для опротестования срока. Удмуртов вначале поддержало хозяйственное отделение Вятской казенной палаты, но

лишь в 1838 г. временный совет по управлению государственными имуществами добился возвращения покосов. Данная тяжба с переменным успехом решалась на уровне центральной власти (Министерство финансов, Военное министерство, Сенат и император)¹⁰⁶.

Проявлением попечительства о крестьянах можно считать тот факт, что в 1838 г. раздача земель во «всемиловейшее пожалование» была ограничена двумя северо-восточными уездами Вятской губернии – Глазовским и Слободским – «до приведения в точную известность состоящих в оных лесов», но и здесь были исключены оброчные статьи как нужные «для обращения в наделы государственным крестьянам»¹⁰⁷. Объяснялось это тем, что из 48.280 десятин земли, розданных по «всемиловейшим пожалованиям» в Вятской губернии, на обширные Глазовский и Слободской уезды приходилось лишь около 1300 десятин¹⁰⁸.

Центральной властью признавалось, что раздача земель во «всемиловейшее пожалование» происходила не всегда законными путями: «Земли сии отдавались нередко без соблюдения существующих на сей предмет правил участками дробными, в середине казенных дач, в волостях малоземельных, вблизи селений, даже разработанные трудами крестьян из их общественных земель». Теперь такая практика отменялась, более того «все оброчные земли и лесные поляны, без различия уездов, в которых оне находятся, ни в каком случае не отводить по всемиловейшим пожалованиям, т.к. оные нужны будут для обращения в надел казенным крестьянам»¹⁰⁹.

Свои нужды в лесном материале крестьяне удовлетворяли за счет общинных лесов, кроме того они обладали рядом льгот при пользовании казенными лесами.

Значительное место в попечительской политике занимал продовольственный вопрос. Чиновникам на местах предписывалось наблюдать за крестьянскими посевами и урожаями и докладывать об их размерах. Для выяснения урожайности зерновых культур практиковались пробные обмолоты. Большое внимание уделялось состоянию хлебных магазинов при сельских управлениях

(вплоть до их планов и фасадов), достаточному наличию в них запасов и выдаче зерна на «семена и продовольствие» пострадавшим от «неурожаев, пожаров, градобития и проч.» с оговоркой, чтобы «на случай нужды оставалась в магазинах достаточная часть»¹¹⁰. С 1799 г. сбор хлеба в запасные магазины составлял по 4 четверти ржи и 3 четверти ярового хлеба с каждой ревизской души, с 1822 г. он был ограничен двумя четвертями на ревизскую душу, и, наконец, в 1834 г. стало считаться достаточным, чтобы в каждом сельском магазине полное количество хлебных запасов составляло по 1,5 четверти на м.п.д.¹¹¹ Для лучшего контроля за состоянием продовольственной части в 1822 г. была образована губернская комиссия народного продовольствия, а с 1834 г. хлебный сбор был дополнен денежным¹¹². Деньги, собираемые по 10 копеек с ревизской души «на обеспечение продовольствия», хранились в сохранной казне Петербургского опекунского совета и уездных казначействах. На основании предписания министра государственных имуществ от 16 апреля 1844 г. палата «приступила к нужным соображениям, вследствие которых с разрешения министерства произведена уже постройка 6 магазинов каменных в Елабужском округе хозяйственным образом чрез местного окружного начальника... кладка весьма хороша и материал прочен»¹¹³.

Действия властных органов в случае голода были весьма осторожными. Так, когда в 1834 г. неурожай охватил практически всю Вятскую губернию, продовольственная комиссия по представлению казенной палаты разрешила производить выдачи хлеба из запасных магазинов в ссуду для продовольствия и посева. Первоначально разрешалось получать хлеб только из магазина, находящегося на участке нуждающегося в ссуде. Однако положение было острым, и комиссия разрешила крестьянам получать хлеб из магазинов в пределах волости. И, наконец, потребовалось разрешение министра внутренних дел, чтобы нуждающиеся смогли занять зерно из магазинов соседних уездов, «но не иначе, как под наблюдением земской сельской полиции»¹¹⁴.

В октябре 1841 г. последовал циркуляр министра государственных имуществ, в котором предлагалось губернаторам принять особые меры для сохра-

нения семян на будущие посевы. С этой целью с каждой крестьянской души предписывалось взysкивать по полторы четверти хлеба. Чтобы точнее регулировать правильность поступления этих запасов, каждые 10 или 20 домохозяев должны были избрать «добросовестных», которые бы получали от них хлеб, сдавали его в запасные хлебные магазины, а с наступлением весны возвращали на семена¹¹⁵.

В отчете за 1845 г. вятский губернатор А.И. Серeda с удовлетворением констатировал: «К отвращению же могущих произойти неурожаев начальством принимались исподволь должные меры, которые в настоящее время достигли в губернии той степени, что неурожаи не могут уже быть опасны для народа»¹¹⁶.

В первой четверти XIX в. издается целый ряд законов, расширяющих торговые права крестьянства¹¹⁷. В 1827 г. вводится выдача, наряду с одно-, двух- и трехгодичными паспортами, месячных, двухмесячных и трехмесячных билетов, для всех отходников устанавливалась месячная льгота в виде отсрочки для обмена билета по месту жительства, а на расстояние до 31 версты крестьянин мог отлучаться без удостоверения личности. В этом же году были снижены пошлины за паспорта, ранее неоднократно (в 1812 и 1826 гг.) повышавшиеся, с 1829 г. учреждены дешевые полугодовые паспорта. Если до 1823 г. бланки паспортов присылались по запросам из Петербурга, то позже их стали выдавать местные власти¹¹⁸.

В ходе реформ Л.А. Перовского и П.Д. Киселева с 30 – 40-х гг. XIX в. стало обращаться больше внимания на усовершенствование хозяйства удельных и государственных крестьян. Так, удел постепенно начинает поощрять местные промыслы, разрешает крестьянам строить и покупать дома в городах, учреждает сельские удельные банки (по одному в каждом приказе), вводит страхование домов и построек. Смягчается законодательство в вопросах хозяйственной деятельности крестьян, раздела их семей, владении недвижимостью и других сферах¹¹⁹. Подобные мероприятия можно наблюдать и в государственной деревне.

Важную роль в удельном ведомстве имела общественная запашка, внедряемая с 1828 г. С ее помощью власть пыталась внедрить в «повседневное» хозяйствование новые зерновые и технические культуры, орудия труда, усовершенствованные системы земледелия. Благодаря общественной запашке удел решал несколько проблем: отныне удельная деревня была гарантирована от голода, запасные хлебные магазины наполнялись быстро и даже с излишком, был осложнен отход крестьян на сторонние заработки, удельная деревня получала своего рода опытное и в то же время показательное хозяйство. В общественной запашке удел нашел основной источник финансирования дальнейшей программы преобразований – деньги «запасного капитала», на которые в частности в 1832 г. под Петербургом было открыто удельное земледельческое училище, выпускники которого стали хозяевами будущих «образцовых» усадеб¹²⁰. Отношение же самих крестьян к общественной запашке было скорее отрицательным, доказательством чему служат периодически возникавшие в их среде слухи о уже существующем предписании о ее отмене, которое якобы местное начальство скрывает¹²¹.

В ведомстве государственных имуществ также имелись попытки введения общественной запашки. В 1842 г. крестьянами Сарапульского уезда на площади 515 десятин «по собственному их согласию» был посеян яровой и озимой хлеб, взятый из хлебных магазинов. Данное мероприятие не было обязательным, и, по-видимому, в последующем крестьяне от него отказались¹²². Напротив, у непрременных работников развитие общественной запашки продолжалось весьма успешно: если в начале 1840-х гг. под нею находилось 156 дес. земли подсобных работников Ижевского завода, то к 1861 г. – более 500¹²³.

Большую роль в проникновении новаций в сельское хозяйство играли так называемые образцовые усадьбы ведомства уделов и государственных имуществ. Именно в них в 40 – 60-х гг. были апробированы такие новые орудия, как коса-литовка (вместо серпа и косы-горбуши), плуг-глыбодроб, плужок для окучевания картофеля, кочкорез для окультуривания лугов, различные молотилки и т.д.¹²⁴ Например, одним из воспитанников Санкт-Петербургского

удельного училища крестьянином Саниным, ставшим хозяином образцовой усадьбы, была разработана молотильная машина, за которую он был награжден кафтаном с золотым шнуром и серебряными часами. Машина приводилась в движение двумя лошадьми, двое работников должны были спускать в нее снопы и один – откидывать обмолоченную солому; «и таким малым числом работников обмолачивается каждый час до 400 высушенных... снопов и почти столько же в... сыромолотом, не оставляя в соломе ни зерна, ни колоса». Плюсом этой молотилки была также ее мобильность, в разобранном виде вместе со всеми принадлежностями ее могли перевезти три лошади. Производство этого изобретения было налажено на Сарапульском чугунолитейном заводе купчихи Н.М. Ижболдиной¹²⁵.

Председатель Вятской палаты государственных имуществ в своем отчете за 1849 г. писал: «Нужно отдать справедливость некоторым образцовым земледельцам и священникам, особенно в Глазовском округе, которые, следуя делаемым им указаниям на поприще улучшения сельского хозяйства, вспомоществуют местному управлению в распространении улучшений по части хлебопашества»¹²⁶. В образцовых усадьбах выращивались новые породы домашних животных, внедрялись нетрадиционные виды или сорта земледельческих культур, в том числе картофель, кукуруза и многолетние травы, шло экспериментирование с разными удобрениями и системами севооборота. В них получил распространение четырехпольный севооборот, когда к традиционному трехполью прибавлялся посев многолетних трав¹²⁷.

В удельном ведомстве усадьбы стали устраиваться с конца 30-х гг. по всем имениям. Шесть было решено открыть в Вятском имении. Но отведенные для этого земли оставляли желать лучшего, к тому же они были отрезаны от крестьянских наделов, поэтому крестьяне были настроены решительно против усадеб. Очень скоро, уже в 40-е гг., буквально из всех удельных имений страны стали поступать сообщения, что цель учреждения образцовых усадеб – научить примером правильному ведению хозяйства – достигается «до сих пор не так быстро, как бы хотелось». Ко времени отмены крепостного права практически

все образцовые усадьбы находились в плачевном состоянии. Итог существования образцовых усадеб в Сарапульском удельном имении подвел чиновник по особым поручениям Волоцкий в 1861 г.: «Все образцовые усадьбы по беспольности своей представлены к упразднению. Три из четырех усадеб имели долг: две с 1844 г., одна с 1850 г. общей суммой 419 руб. сер. (без процентов), взятых еще на устройство их»¹²⁸. Образцовые усадьбы ведомства государственных имуществ на территории Удмуртии вообще не оставили значительного следа. Несмотря на многие положительные результаты их деятельности, описанные выше, в основной массе крестьянство воспринимало их с недоверием.

По мнению вятского гражданского губернатора А.А. Корнилова, предложившего введение в Вятской губернии «образцовых хуторов» в начале 1838 г., «улучшения» крестьянского хозяйства «усиленными мерами» могли привести к волнениям. В качестве примера он приводил удельных крестьян Сарапульского уезда, взбунтовавшихся в 1834 г. из-за того, что их заставили сажать картофель. По представлению губернатора, новации было необходимо вводить «постоянно, мало помалу, вместе с образованием крестьян, не трогая их собственности и предрассудков... и действуя на умы их... силою примера и чувством собственного каждого прибыли». Именно образцовые хозяйства, устроенные на «свободной земле казенным иждивением», с использованием простых орудий труда, привлечением труда сирот или детей зажиточных и многосемейных крестьян, похожие «более на богатый крестьянский дом, чем на казенное заведение», могли стать таким средством улучшений крестьянского хозяйства¹²⁹. К сожалению, предостережения Корнилова не были услышаны, и в 1842 г. прокатились «картофельные бунты» государственных крестьян.

Заслуживает внимания другое предположение А.А. Корнилова относительно улучшения материального положения вятского крестьянства – это уравнение его землевладения, отрезка «излишней» земли у зажиточных и передача ее малоземельным крестьянам¹³⁰. Для этого предполагалось командировать в губернию землемеров для «производства нужных геодезических работ». Если по первому суждению Корнилова в рамках учрежденной палаты государственных

ных имуществ велись работы, то по второму предложению каких-либо решений нами не прослежено. Скорее всего, в условиях углублявшегося расслоения крестьянства оно не имело перспектив внедрения.

Большое значение в пропаганде новаций придавалось губернским и региональным сельскохозяйственным выставкам и ежегодным испытаниям лошадей, которые начали регулярно проводиться с 1849 г. Эпизодически происходили раздачи «образцовых» семян. Предпринимались попытки организации образцовых «пчельников» (пасек), учреждения при приходских училищах садов. На 1850 г. приходится появление в ведомстве палаты государственных имуществ агронома.

Важным достижением политики патернализма можно считать способствование внедрению картофеля в крестьянское хозяйство Удмуртии. 8 августа 1840 г. состоялся указ о посадке картофеля при волостных и сельских правлениях ведомства государственных имуществ, в отношении же удельного ведомства подобные постановления относятся к началу 30-х гг. Следует отметить, что еще 11 декабря 1835 г. Министерство финансов, следуя за удельным ведомством, предписало, чтобы Вятская казенная палата распорядилась о разведении картофеля «через земские суды всем волостным правлениям с тем, чтобы они при удобных случаях на мирских сходках... каждый раз внушали сие поселянам и благоразумными мерами... без особенной настойчивости склоняли их к распространению разведения картофеля, об успехе же разведения одного доносили бы палате 2 раза в год, весною о посеве, а осенью об урожае». Содействовать этому «кроткими убеждениями» должно было духовенство. Помимо этого в качестве наглядного примера крестьянам по инициативе дворянина Даниловича при Павловском казенном винокуренном заводе было организовано выращивание картофеля¹³¹. Все это не дало каких-либо значительных результатов. Поэтому 28 августа 1840 г. теперь уже Министерство государственных имуществ разослало на места циркуляр, в котором предписывалось отводить для посева картофеля специальные участки в тех селениях, где была введена общественная запашка, а там, где ее не было, – отводить в каждой волости по одной

десяatine. Однако насильственные меры, следовавшие в ходе реализации этого постановления, привели к значительным крестьянским волнениям, поэтому они вскоре были отменены. Упор отныне делался на пропаганде и премировании «за разведение сего овоща преимущественно на полях и за обращение оно-го в корм скоту»¹³². В результате в 1861 г. «посевом картофеля занимаются по-селяне в более обширных размерах, вполне осознав материальные выгоды, дос-таваемые им этим полезным растением, [но] значительного разведения карто-феля нельзя ожидать, так как быт оно-го ограничивается только огородами»¹³³. По замечанию председателя Вятской палаты государственных имуществ Г. Круковского, относительно широко посевами картофеля занимались русские крестьяне Нолинского, Слободского, Орловского, Котельнического и Вятского уездов, испытывавшие недостаток земли. Напротив, крестьяне Глазовского, Сарапульского, Малмыжского и Елабужского уездов и особенно удмурты, имевшие больше земли, позволявшей обеспечить себя хлебом, и не имевшие больших возможностей для его продажи, сажали картофель в основном в ого-родах¹³⁴.

Для удмуртской деревни основным занятием оставалось земледелие при явно недостаточном развитии животноводства. Преодоление этого дисбаланса также являлось важной задачей палаты государственных имуществ и удельной конторы. Значительную роль они отводили «образцовым хозяйствам», владель-цы которых либо приобретали сами, либо получали от органов власти и в по-следующем распространяли среди соседей иностранные или отечественные по-роды крупного рогатого скота, овец и свиней. С 1845 г. стала функционировать земская случная конюшня. Первоначально крестьяне с недоверием отнеслись к ее деятельности, полагая, что приплод от их кобыл будет отбираться у них го-сударством¹³⁵. И в последующем результаты деятельности случной конюшни были не очень значительны: в 1845 г. было случено 736 маток, а в 1861 г. – 578¹³⁶. В 1864 г. она была закрыта. Предполагалось также открыть случные ко-нюшни и запасные фуражные магазины в волостях, но дальше проектов дело не пошло¹³⁷. В целом итоги в этой области были мизерны: скот оставался в основ-

ном «беспородным». Ситуацию усугубляли постоянные эпизоотии, борьба с которыми медико-полицейскими мерами* не приносила должных результатов по ряду причин: нехватка ветеринаров (в губернии в 1853 г. их было всего лишь 2, к 1861 г. стало 8), отсутствие согласованности в действиях различных ведомств, «беспечность и недоверие к распоряжениям начальства» крестьян и т.д.¹³⁸ Можно отметить следующую закономерность: когда какое-либо полезное, по мнению властей, мероприятие «не было сделано для крестьян обязательным и вводилось по доброй их воле», то чаще всего оно не получало распространения. Так, например, случилось с добровольным страхованием крестьянского скота, предпринятым Министерством государственных имуществ в 1854 г. По донесению малмыжского окружного начальника, крестьяне «за всеми убеждениями... желания не изъявили: одни за нахождением в их селениях в малом количестве скота и другим местным неудобствам, а другие по незначительности мирского капитала, проценты с которого можно бы было уплачивать в страховую премию». Сарапульцы свой отказ обосновали следующими причинами: «1. скот... самой мелкой и дешевой породы и содержится у каждого домохозяина понемногу... 2. по неимению пастбищ ходит везде без всякого призора и часто теряется или поедается зверями, или тонет в реках и болотах, и 3. падежи в Сарапульском уезде случаются нечасто». Надуманность отказов особенно явственна здесь по третьему пункту: именно в Сарапульском уезде, граничившем со степными районами Оренбургской губернии, эпизоотии случались часто. Подобные же ответы получили от крестьян глазовский и елабужский окружные начальники¹³⁹.

В числе патерналистских мер можно отметить и многочисленные циркуляры и руководства, исходившие от министерств внутренних дел, государственных имуществ, императорского двора и уделов, а также наставления и пожелания частных лиц по самым разным вопросам хозяйствования, охраны здоровья и т.д. Они рассылались выборным начальникам для внедрения в сознание

---

* За распространение в той или иной форме болезней скота (купля-продажа больных животных, шерсти, кожи и пр. павшего скота и т.п.) виновные подвергались уголовному преследованию (см., например, ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.300,301.).

«непросвещенного» крестьянства либо через губернские и уездные органы власти, либо «посредством припечатывания» в приложениях к губернским ведомостям. Тематика их обширна: о пользе травосеяния, о необходимости расчищать леса и осушать болота, об усилении озимых посевов весной, о пользе глубокого пахания песчаных полей, о необходимости улучшения естественных лугов, о заведении четвертого овощного поля, о пользе картофеля и его применении и сохранении, о борьбе с различными вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур, о мерах предосторожности при появлении падежей на скот, о лечении распространенных заболеваний людей и домашних животных, о неупотреблении в пищу соленой белугины, о печении хлеба из картофеля, свеклы, тыквы и репы, о белении холста свежим коровьим навозом и т.д.¹⁴⁰

Мероприятия, направленные на крестьянское просвещение, первоначальной своей целью ставили подготовку писарей из детей крестьян для местных органов власти. По указам 1808, 1836 и 1842 гг. стали функционировать приходские училища разной подчиненности. Наибольшую роль в их функционировании играло духовенство. По замечанию П.Н. Луппова, в большинстве случаев учреждение приходского училища ведомства государственных имуществ было не что иное, как переименование домашних школ обучения, заведенных духовенством¹⁴¹.

В 1847 г. управляющий Вятской палаты государственных имуществ А.Д. Игнатьев писал: «Несмотря на некоторые недостатки и нередко встречающиеся затруднения, грамотность и религиозное воспитание, видимо, распространяются между поселянами..., не говоря о русских, многие школы наполнены мальчиками из племен вотского, черемисского и татарского, и между ними есть дети идолопоклонников»¹⁴². В значительной степени образование нерусских народов до середины XIX в. рассматривалось как один из методов утверждения их в официальном православии¹⁴³. С 1844 г. в училища стали допускаться девочки. К 50-м гг. в Удмуртии работало 80 школ, открытых и контролируемых различными ведомствами, в них обучалось 4100 детей. Помимо этого в губернии функционировали фельдшерское и ветеринарное училища, а также

«до 300 крестьянских мальчиков обучаются межеванию, сельскому хозяйству, разным ремеслам и искусствам», в том числе и за пределами губернии¹⁴⁴. С 1846 г. начала действовать Северо-восточная учебная ферма ведомства Министерства государственных имуществ, находившаяся под Казанью, которая должна была «иметь влияние на усовершенствование земледелия и вообще сельского хозяйства в губерниях Казанской, Вятской, Пермской, Нижегородской и Костромской». В нее принимались дети государственных и крепостных крестьян в возрасте 17-20 лет «здорового телосложения, без всяких телесных недостатков», умеющие читать и писать*. Плата за обучение первых составляла 50 руб. сер. и вторых – 60 руб. сер. в год, эти деньги собирались с самих крестьянских обществ. В течение 4 лет они должны были изучать закон божий, чтение и письмо, основы арифметики, земледелия и ветеринарии, «обязанности государственных поселян, изложенные в Высочайше утвержденном полицейском уставе», а также обеспечивать функционирование земледелия и животноводства на ферме¹⁴⁵.

Первоначально из Вятской губернии на Северо-восточную ферму было направлено 8 юношей, в их числе был удмурт д. Кычинской Дизминского сельского общества Нижнеуканской волости Глазовского уезда Савва Петров Деметьев, до этого с успехом завершивший двухгодичное обучение в Уканском приходском училище и решивший продолжить образование вопреки воле своего отца. Этот выбор не был случаен: в своем докладе от 17 июня 1846 г. управляющему палатой государственных имуществ глазовский окружной начальник «почтительнейше присовокупляет», что он старался найти желающего именно из удмуртов, «чтобы впоследствии его примером можно облегчить развитие усовершенствованного сельского хозяйства в этом племени как далеко отставшем от русских крестьян»¹⁴⁶. В следующем году еще четверо уроженцев

---

* Впрочем, на первый раз, за недостатком таких знающих, допускается прием и безграмотных (ВГВ. 1847. №47. С.316.). Возрастные рамки в последующем также могли нарушаться в сторону уменьшения: в 1851 г. на Казанскую учебную ферму были приняты два малмыжца – «Михайло Мокеев Санников, Усадской волости Матвеевского сельского общества с. Кулыг, православного исповедания, от роду было 16 лет, неграмотный... и Федор Григорьев, Сизнерской волости д. Малой Старой Кушкет, вероисповедания православного, из вотского племени, ...имел 16 лет, читать и писать знал (ГАКО, ф.575, оп.8, д.1804, л.205-205об.).

«удмуртских» уездов Вятской губернии (по одному из Сарапульского и Елабужского уездов и двое – из Малмыжского уезда) были направлены на Северо-восточную ферму, всего же здесь тогда обучался 21 представитель Вятской губернии. 16 сентября 1850 г. управляющий фермой титулярный советник Горинборг поставил в известность Вятскую палату государственных имуществ, что «по неполному устройству Казанской учебной фермы воспитанники... не могли еще приобрести всех тех знаний, которые требуются при выпуске их, а потому и оставлены еще на 1 год»¹⁴⁷. И в последующие годы мы можем видеть представителей Глазовского, Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов в числе воспитанников Северо-восточной фермы¹⁴⁸.

В 1849 г. был «приведен в исполнение» приказ П.Д. Киселева относительно «отдачи 20 мальчиков вотского племени к ремеслам русским»¹⁴⁹.

Дети удельных крестьян обучались в Петербургском земледельческом училище, принявшем в первый год (1833) 250 молодых крестьян из всех удельных контор страны со сроком обучения в 6 лет¹⁵⁰, в ремесленном училище в удельной слободе Кукарке и др. В это время в каждом удельном приказе Вятской губернии функционировало по одному училищу, помимо этого «закону Божию, счетоводству и письму» обучали приказные писари. В 1844 г. здесь училось до 450 мальчиков из семей вятских удельных крестьян, из которых 33 содержались «на счет мирских обществ сбором на этот предмет 745 руб. 69 $\frac{3}{4}$ коп., а прочие самими поселянами»¹⁵¹.

Состояние медицинской части сами губернские власти считали «малоудовлетворительным». Определенный прогресс имелся (1830 г. – в уездах губернии 7 врачей, 22 лекарских ученика, 1 повивальная бабка, 1861 г. – соответственно 29, 27 и 12)¹⁵², но этого было явно недостаточно. До создания земских учреждений вопросами здравоохранения занимались различные ведомства. В рассматриваемое время существовали врачебная управа и специальный приказ общественного призрения, подчинявшиеся Медицинскому департаменту Министерства внутренних дел. Охраной здоровья государственных и удельных крестьян занимались те органы власти, в чьем ведении они находились. Орга-

низацией медицинской части на промышленных предприятиях занималось Министерство финансов¹⁵³.

В отчете Г. Круковского за 1849 г. были выделены следующие причины отсутствия «способов к охранению народного здравия»: недостаток врачей (обусловленный «отдаленностью губернии и недостаточностью содержания») и медицинских пособий (4 аптеки на всю губернию), обширность губернии и многочисленность крестьянского населения. Круковский отмечал, что иногда в двух уездах, «растянутых на пространстве более 300 верст, находится один врач, и тот занят следственными делами»¹⁵⁴.

Для удельных крестьян в 1841 г. в слободе Кукарке была открыта больница¹⁵⁵. На территории Удмуртии с 1840-х гг. функционировали две «временные лечебницы», содержащиеся безвозмездно. Одну из них содержал священник с. Балезино Глазовского уезда Кулев, другую, находившуюся на Воткинском заводе, – старший заводской медик, доктор медицины С.Ф. Тучемский¹⁵⁶. Колоритная фигура последнего из них оставила заметный след в помощи государству в деле попечительства над крестьянами. Выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, в 1826 г. он был переведен из Гороблагодатских заводов на Воткинский казенный завод. В конце 20-х – 30-х гг. помимо своей основной работы он занимался лечением удельных крестьян и подготовил для удельного ведомства 19 фельдшеров¹⁵⁷. В 1842 г. Сильвестр Федорович обратился к председателю Вятской палаты государственных имуществ А.Д. Игнатьеву с предложением основать в Воткинском заводе лечебницу, основной целью которой было бы лечение «глазных болезней» удмуртов, а также обучить на фельдшеров 20 крестьянских мальчиков 15-18 лет из государственных крестьян¹⁵⁸.

В 1844 г. оба предложения Тучемского стали претворяться в жизнь. В течение этого года временная больница при Камско-Воткинском заводе приняла 63 человека, в основном удмуртов, страдавших, в частности, трахомой и катарактой: «всем возвращено зрение в такой мере, что они без затруднения могут заниматься сельскими работами»¹⁵⁹. Со второй половины 1844 г. по апрель

1848 г. 20 мальчиков, принятых в возрасте от 12 до 17 лет, помимо непосредственно фельдшерского ремесла, преподаваемого С.Ф. Тучемским, обучались священнослужителями В. Блиновым и А. Сергеевым закону божьему, русской и латинской грамматике «безвозмездно..., надеясь на внимание правительства к трудам их»¹⁶⁰. Ученики Тучемского после окончания учебы были испытаны в Вятской врачебной управе, пятеро из них были определены младшими фельдшерами в родных уездах, остальные «состоят также в своих округах в распоряжении окружных начальников и употребляются под непосредственным руководством местных уездных врачей... в видах научения их практике»¹⁶¹.

Пожалуй, наиболее значимым и успешным мероприятием в системе организации дореформенного здравоохранения в Удмуртии было прививание оспы. Открытые в 1812 г. губернский и уездные оспенные комитеты по настоящему стали функционировать лишь с 1825 г. 18 августа 1831 г. было утверждено положение Комитета министров о мерах для распространения оспопрививания в казенных селениях, согласно которому следовало из каждой волости, а по желанию крестьян и из каждого сельского общества «назначить мирским приговором по одному неспособному на будущее время в рекруты, но имеющему потребные умственные качества взрослому мальчику из семейств, кои изъявят на то согласие, а в противном случае по мирскому выбору, и отправить таковых... для обучения оспопрививанию». Обучение планировалось годичное, в течение которого общества должны были обеспечивать учеников едой, одеждой, жильем и исправлять за них все подати и повинности. После окончания курсов предполагалось «учеников возвращать в их семейства, поставив им в обязанность без всякой платы прививать оспу в волости или обществе, на счет коих обучены, всем крестьянским детям, а равномерно обучать сему и других желающих, за чем волостные головы и сельские начальники должны иметь бдительное наблюдение»; они освобождались от натуральных повинностей, имели право получения от крестьян бесплатных подвод и квартир; заведение инструментов для прививок также лежало на «мирских» расходах¹⁶². Оспопрививатели для крестьян готовились уездными врачами, профессиональный

уровень таких учеников из-за небольшого срока обучения оставался крайне низким. Это усугублялось недоверием крестьян, особенно старообрядцев, к прививкам. Результатом такого недоверия становились вспышки оспы, как, например, в Карсовайском сельском обществе Глазовского уезда в 1853 г., значительную часть населения которого составляли старообрядцы. По предложению губернатора, направленного министру государственных имуществ, палате было предписано отдать одного из крестьянских сирот Карсовайского общества, принадлежащего к старообрядцам, в «обучение оспопрививанию», что должно было бы способствовать большему доверию крестьян к прививанию оспы. Палате государственных имуществ потребовались значительные усилия, чтобы сломить сопротивление крестьян-раскольников, которые отказывались от оспопрививания «по случаю с издревле непрививания... оспы по раскольнической ихней вере». Лишь в 1861 г. оспопрививатель из старообрядцев был окончательно выбран¹⁶³.

Несмотря на вышесказанное, следует отметить, что к 40-м гг. удалось добиться того, что большая часть новорожденных прививалась.

Довольно эффективными были медико-полицейские меры при эпидемиях. Практиковалось освидетельствование крестьян, возвращающихся с заработков из других губерний.

Настоящей бедой российских деревень были пожары. Государственные крестьяне должны были устраивать за свой счет пожарные сараи и снабжать их специальными инструментами. Как отмечал в 1849 г. председатель Вятской палаты государственных имуществ Г. Круковский, «пожарные снаряды не совсем отвечают своему назначению как в устройстве, так и в самом количестве вещей». Для исправления данного недостатка, а также для заведения пожарной части там, где ее еще не было, крестьянским общинам предлагалось составлять особые приговоры по этому вопросу¹⁶⁴. Противопожарные мероприятия были лучше поставлены в удельной деревне. К 1844 г. в ведомстве удела Вятской губернии числилось «48 заливных труб и большое число других пожарных инструментов». В 1841 г. удельная контора организовала страхование крестьян от

пожаров, в результате в 1843 г. из 17.907 дворов было застраховано 2446 на сумму 93.033 руб.¹⁶⁵ В значительной степени для избежания пожаров требовалось строительство домов и планирование населенных пунктов по специальным фасадам и планам¹⁶⁶. Погоревшим крестьянам, в зависимости от урона, выдавались «пособия» деньгами, зерном и лесом. Так, на основании указа Вятской казенной палаты в январе 1855 г. Глазовское уездное казначейство выдало деньги Шебалинскому волостному правлению под расписку волостного заседателя Алексея Чарушина для следующих погоревших крестьян: Никиты Столбова – 20 руб., Варфоломея Столбова – 25 руб., Афанасия Одинцова – 15 руб. и др. В общей сложности пособие тогда составило 341 руб. 66 $\frac{3}{4}$ коп. серебром. А 12 семьям из д. Годин Большенорьянской волости Сарапульского уезда в 1853 г. палатой государственных имуществ было разрешено вырубить по 100 деревьев на каждую¹⁶⁷.

В рамках попечительства значительное внимание уделялось внимание «морально-политическому» воспитанию крестьян в духе теории официальной народности. Как считал министр государственных имуществ П.Д. Киселев, первым предметом попечения его министерства было «нравственное улучшение поселян», которое ведет к материальному достатку и служит залогом народного благосостояния и общественного спокойствия. Изданный для этих целей сельский полицейский устав должен был стать для крестьян «катехизисом правил, с которыми они обязывались сообразовывать свои действия и отношения к властям и ближним». Далее министр замечал, что нельзя ожидать, «чтобы народ, возросший в невежестве и безнравии, изменил свои привычки и перешел к новой нравственной жизни, и потому надлежало более действовать на новое поколение». В последнем «как вообще нравственным назиданием, так в особенности образованием сельского юношества на религиозно-нравственных началах» светской власти должно было помогать приходское духовенство¹⁶⁸.

К важнейшим распоряжениям Вятской палаты государственных имуществ в первый год ее существования можно отнести «вменение» в обязанность окружным начальникам убеждать крестьян к постройке церквей в отдаленных

селениях и «иметь неослабное наблюдение за нравственностью казенных поселян, отклоняя их всеми мерами от праздности, лености и нетрезвой жизни», для последнего вводились специальные штрафные книги¹⁶⁹. Достаточно редкие случаи обращения в православие язычников и старообрядцев (последних пытались обращать в единоверие) преподносились вышестоящему начальству как крупные достижения. Практиковались поощрения и награды за «подвиги человеколюбия»: спасение погибающих, пожертвования в пользу голодающих, сирот, нуждающихся в призрении, на нужды армии и т.д. Вообще можно отметить, что опека и призрение, особенно в государственной деревне, в большей степени возлагалась на плечи самих крестьян. Борьба с пьянством в основном ограничивалась рядом препятствий в открытии питейных заведений. Например, откупщики должны были просить разрешение на их открытие в казенных селениях у палаты государственных имуществ, в местах же крестьянских сходок вообще запрещалось производить продажу спиртного. Волостным и сельским расправам вменялось в обязанность преследование пьянства и расточительства¹⁷⁰.

Одним из важнейших направлений попечительской политики было усовершенствование управления крестьянами. В целом в основу управления был положен принцип всеобъемлющего попечительства, хотя, чтобы реализовать его на практике, не хватало средств. Традиционным было и стремление оградить крестьян от коррупции, которой были охвачены широкие слои как коронной, так и крестьянской выборной администрации, и излишних расходов. Основными методами являлись утверждение определенных форм отчетности, проведение ревизий в различных формах и на разных уровнях, проверка крестьянских жалоб и наказание виновных (штраф, отрешение от должности, предание суду). «За нужное считаем только подтвердить, чтоб все законные употреблялись средства к сбережению поселян от излишних издержек на сборы неумеренные и на расходы каких-либо прихотей волостных правлений... Соблюдение сего есть прямой долг попечительства, над казенными поселянами установленного и обязанного сберегать каждую их, так сказать, копейку; и всякие

их выгоды и пользы наблюдать, как свои собственные, при самом рачительном хозяйстве»¹⁷¹. Эти наставления, данные в 1800 г. сенаторами, ревизовавшими Вятскую губернию, в той или иной форме постоянно повторялись в последующее время. Можно привести примеры того, как они выполнялись. Так, компенсацией за увеличение в 1825 г. земского сбора на «прибавочное жалованье и фуражные деньги» чиновникам земской полиции стало сокращение по губернии 75 волостей и соответственно ликвидация расходов на их содержание. Соединение ряда смежных волостей сохраняло «дачи» генерального межевания, чтобы «государственные поселяне во владениях своих оставались спокойными». На территории Удмуртии такое соединение произошло во всех 4 уездах. Обращалось внимание на то, чтобы центры новообразованных волостей находились там, где было бы удобно крестьянам. В решениях власти по переносу волостных правлений в новые селения всегда имеется следующая фраза: «Места сии, как из приговоров... усматривается, для существования правлений признаны действительно выгодными и удобными к съездам на мирские сходки, и противоречий никаких не встречено»¹⁷².

В 1859 г. Вятская палата государственных имуществ вступилась за крестьян Воронинского сельского общества Шумайловской волости Глазовского уезда, «предоставив Глазовскому земскому суду воспретить Залазнинской заводской конторе производить взыскание денег 147 руб. 44 коп. сер. с крестьян Шитовых и Шестаковых за долги на их родственниках»¹⁷³.

Подобных примеров много, однако, не меньше и случаев обратного свойства: история Вятского края, в т.ч. и Удмуртии, весь рассматриваемый период богата случаями незаконных взаимоотношений властных органов различных уровней с крестьянством (незаконные поборы, взятки, отчуждение нужной крестьянам земли и т.д.).

Значительные средства и время затрачивали те крестьяне, которые привлекались в качестве свидетелей на судебных процессах. Поэтому от министра государственных имуществ П.Д. Киселева в 1840 г. поступило пожелание су-

дам в случае возможности допрашивать свидетелей на «месте жительства, дабы не отвлекать их от домов и занятий»¹⁷⁴.

Наконец, можно отметить многочисленные проекты и предположения, исходившие из недр местных органов управления крестьянами, начиная от предложения «о заведении в крестьянских полях живых изгород» (что, по мнению малмыжского окружного начальника, способствовало бы сохранению казенного леса и сбережению крестьян от уплаты попенных и штрафных денег за самовольные вырубki на жерди для изгородей)¹⁷⁵ и заканчивая «дарованиями преимуществ земледельческому классу»¹⁷⁶. Передовые представители органов власти на местах постепенно начинают приходить к пониманию невозможности кардинальных улучшений без изменения «политического состояния земледельческого класса». На рубеж 40–50-х гг. XIX в. приходится проект асессора Вятской палаты государственных имуществ Микульского и его непосредственного начальника А.Д. Игнатьева, работавших с самого основания палаты и пришедших к выводу о необходимости изменения правового положения государственных крестьян, а именно введения для них звания, соответствовавшего статусу почетного гражданина у городских сословий. А.Д. Игнатьев писал по этому поводу: «В осуществлении идей в изменении хозяйства тем более является необходимым действовать не словесными и письменными доводами, но примером и дарованием особенных преимуществ земледельцам, отличившимся на поприще разного рода улучшений в сельском хозяйстве»¹⁷⁷. Данное новшество, по мнению Микульского и Игнатьева, позволило бы прекратить переход зажиточных крестьян в более привилегированные сословия, что, в свою очередь, сохранило бы их капиталы в сельском хозяйстве, а в конечном итоге позволило бы совершить «всеобщий переворот» в аграрном производстве. Проектом предполагалась введение званий личных и потомственных (в зависимости от степени вклада в дело усовершенствований сельского хозяйства и их распространения) почетных земледельцев, свободных от подушного оклада, рекрутской повинности, телесных наказаний, имеющих преобладающий голос на общинных сходах и исключительное право занимать должности волостных голов и обладающих

рядом других привилегий по примеру дарованных почетным гражданам. Обращалось внимание также на предоставление льгот священникам, использующим передовые приемы ведения сельского хозяйства и передающим их крестьянам. Здесь предусматривались раздача наград, «приличных духовному сану», отвод земли для их образцовых усадеб либо из «казенных пустопорожных», либо из оброчных земель на льготных условиях, а также способствование тому, чтобы епархиальное начальство не переводило их в другие приходы, а случае перевода замещало их «подобными же благонадежными лицами»¹⁷⁸.

Эти предложения рассматривались ученым комитетом Министерства государственных имуществ и были отвергнуты. Отказ обосновывался следующими причинами: 1) постоянное «дарование» звания почетного земледельца может привести к тому, что «значительная часть населения может быть отвлечена от лежащих на них податей и повинностей, которые тем тягостней падут на непривилегированный класс земледельцев», и 2) предлагаемые меры могут только уменьшить значимость «раздаваемых ныне от Министерства государственных имуществ для поощрения их хозяйства почетных и денежных наград; но никогда не заставит поселян отказаться от прежних их обычаев». Окончательный вердикт по проекту предусматривал лишь принятие его «к сведению» и исследование частоты переходов государственных крестьян в купцы и мещане с включением полученных сведений в годовые отчеты¹⁷⁹. Государство стремилось к унификации категорий основной податной массы, поэтому предложение о ее дополнительном дроблении не могло вызвать одобрения.

Значительное развитие практика патернализма получила среди такой достаточно крупной категории крестьянского населения Удмуртии, как непрременные работники. Крестьяне с самого зачисления в эту группу (1807 г.) становились обладателями ряда привилегий, важнейшими из которых были исключение их из подушного оклада, освобождение от всех государственных повинностей, прощение прежних недоимок¹⁸⁰. Каждый непрременный работник на основании указа от 14 мая 1799 г. получал провиант и денежное жалованье в размере 20 руб. в год. До 1828 г. непрременные работники вместо «провианта в нату-

ре» получали деньги по 50 коп. за пуд ржи, а с 1830 г. – по 40 коп. и 35 коп. за пуд овса.

Конному работнику сверх того на содержание лошадей давалось 120 пудов овса из расчета 10 фунтов в день на одну лошадь на 240 рабочих дней. Кроме того ему полагалось 25 руб. ремонтных денег, из которых 9 руб. он получал на руки и тратил на упряжь, а остальные 16 руб. откладывались на приобретение новых лошадей взамен отработавших 5 лет или павших.

Каждому непременно работнику полагался участок пашни в 6 дес., а конному работнику – также сенокос в 6 дес. В случае неурожая трав работник должен был покупать сено за свой счет, беря ссуду из ремонтной суммы. Тем конным работникам, которые были зачислены целыми селениями и проживали на своих старых землях, полагался в летнее время четырехмесячный отпуск для обработки полей и сенокосения. В этом случае провиант на членов семьи не выдавался, а самому работнику выделялось по два пуда муки в месяц, но только за рабочее время¹⁸¹.

По положению 1829 г. непременно работники могли получать в год по 5 пудов железа на сельскохозяйственные инструменты и починку телег, саней и колес по такой же цене, «как железо обходится заводу, с прибавлением 2 % в богдельную сумму».

В 1833-1834 гг. помимо годных работников обеспечивались хлебом и их помощники. В 1835 г. последовало распоряжение артиллерийского департамента о том, что семействам непременно работников, поскольку они имеют «достаточные пашенные и покосные места, провиант от казны не производить». Вместо провианта натурой было решено выдавать деньги. Одним из мероприятий, которое по замыслу военных властей и заводской администрации должно было ослабить остроту продовольственного вопроса, явилась организация продовольственных магазинов. К 1847-1848 гг. в 8 сельских магазинах непременно работников Ижевского завода хранилось 3941 четверть хлеба, в начале 60 х гг. имелось 15 продовольственных магазинов. Существовал специальный «запасной денежный капитал непременно работников», предназначенный на

случай пожара, падежа скота, поправки и постройки домов¹⁸². Общее состояние образования и медицины непременных работников в целом не отличалось от такового у государственных крестьян. Основной целью существовавших школ являлась подготовка кадров для органов местного самоуправления, включая и контролеров, следивших за выполнением заводских работ. Важно отметить, что основная часть попечительских мер по отношению к непременным работникам лишь несколько компенсировала их худшее положение по сравнению с государственными крестьянами.

Система государственного патернализма по отношению к лашманам Удмуртии в целом являлась неотъемлемой частью попечительства над государственными крестьянами, составной частью которых (но со своей специфической системой отработки государственных повинностей) они являлись. Меньше «повезло» в этом плане такой категории крестьянства, как тептяри, структура управления ими была наименее разработанной и, соответственно, выполнявшей лишь наиболее важные для государства полицейские и фискальные функции. Например, такая важная составляющая попечения о крестьянах, как принуждение их к заведению запасных хлебных магазинов, по отношению к тептярям была применена лишь в 1830-е гг. Ее итогом стали открытые волнения 1835 г. оренбургских тептярей и башкир, в результате те из них, кто не занимался земледелием, были освобождены от заведения хлебных магазинов, взамен этого с них был увеличен сбор на хлебный капитал с 25 копеек до 1 рубля¹⁸³.

В первой половине XIX в. государство возложило на свои плечи многочисленные функции попечительского характера, многие из них оно впоследствии переложило на земства. Причинами этого стали в целом незначительные результаты многих мер государственного патернализма. Жизнь деревни существенных изменений к лучшему не претерпевала. Постановления центральной и губернской власти зачастую оставались на бумаге из-за формального либо вообще нулевого выполнения местными органами. Попечительство имело ярко выраженную фискальную окраску и зачастую проводилось за счет самих крестьян. Опека и призрение, особенно в государственной деревне, в большей сте-

пени возлагалась на плечи крестьянской общины. Но вместе с тем недостаточные результаты объясняются нехваткой средств и людей. Это, в свою очередь, во многом являлось следствием невозможности и нежелания власти изымать дополнительные ресурсы из малопродуктивного крестьянского хозяйства; в итоге возникал замкнутый круг. Заметное усиление и большее разнообразие попечительских мер наблюдается после преобразований П.Д. Киселева и Л.А. Перовского в государственной и удельной деревне. Методы проведения политики попечительства в этот период были выбраны феодальные, волюнтаристские, навязываемые силой. Новшества внедрялись часто без учета климатических условий и традиций, многое строго регламентировалось, а любое отступление от циркуляров и инструкций преследовалось. Не следует игнорировать и крестьянский консерватизм по отношению ко многим нововведениям, боязнь лишиться в результате их внедрения и того малого, что обеспечивало существование. Однако можно согласиться с П.П. Котовым в том, что политика попечительства способствовала развитию мелкотоварного производства в среде крестьянства, обеспечила бездоимочный сбор податей¹⁸⁴. Она оказала определенное благотворное влияние и на состояние образования и здоровья крестьян. Имелись и некоторые подвижки в развитии техники и технологии аграрного производства.

§ 3. Преобразования в сфере поземельных отношений

Понятие «крестьянство» неотъемлемо связано с трудом на земле, с отрывом от нее крестьянин исчезает. Обращение к проблемам земельных отношений имеет немаловажное значение для выяснения взаимоотношений крестьянства и власти. В рассматриваемое время в абсолютном большинстве случаев сельские жители выступали лишь держателями земли, собственником которой являлись казна, удел, помещик и т.д.

Первая треть XIX в. (1804-1835 гг.) прошла в Вятской губернии под знаком проводимого генерального межевания. Государство, наконец, решилось на «масштабное мероприятие по точному определению границ земельных владе-

ний помещиков, крестьянских общин, заводов, городов, церквей и т.д.»¹⁸⁵. Отсутствие сведений о собственниках и держателях владений, соотношении земельных площадей по характеру использования (пашня, сенокос, лес, неудобные земли) и даже в целом их общих размерах тормозили развитие земельных отношений еще в предыдущем столетии, и во многом эта важная систематизация запаздывала.

Генеральное межевание было призвано, в частности, решить проблему спорных земель. Накануне его проведения весьма часты приговоры уездных судов «по удержанию просителей от просьб внушить им чрез земский суд, чтоб они ожидали спокойно назначенного именным высочайшим указом, состоявшимся 1804 г. апреля 5 дня в Вятскую губернию, генерального земель размежевания»¹⁸⁶. Еще одной задачей мероприятия стало составление экономико-географического описания страны по единой программе – одним из его итогов явились так называемые Экономические примечания, включающие сведения о природно-географических условиях данной местности, составе возделываемых культур, их урожайности, о состоянии животноводства, неземледельческих занятий крестьян.

Основной тенденцией для Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. был постоянный рост ее населения, сопровождавшийся уменьшением земельных наделов. Генеральное межевание усугубило ситуацию, жестко ограничив крестьянское землевладение и землепользование, исходя из 15 дес. на душу мужского пола*. По 4 уездам в ходе межевания было отрезано около 2.281.597 дес., преимущественно это были леса, однако немало присутствовало и других угодий. Вятский губернатор А.А. Корнилов в 1837 г. отмечал, что эта важнейшая процедура не была закончена и зачастую проведена «с неимоверной несправедливостью, стеснением для крестьян и небрежностью». В доказательство он приводит случай с одной из волостей Малмыжского уезда, в которой генеральный землемер отметил 23.013 дес. сенокоса, а в ходе проверки обнаружилось только 235 дес., «и то никуда негодной земли». Подобную же ошибку, но уже в сторону увеличения, обнаружил в 1819 г. уездный землемер

* Значительно в более лучшем положении оказались тепляри, которым полагалось по 30 дес. на 1 д.м.п.

но уже в сторону увеличения, обнаружил в 1819 г. уездный землемер Ладыгин в наделении крестьян д. Качкашурской «с деревнями и починками» Омутницкой волости Глазовского уезда. Он отмечал, что «некоторые линии в мере ромбах... против плана несообразны и особенно в мере, в иных и на тысячу сажень».

Кроме того, «по беспорядкам и злоупотреблениям», допущенным при генеральном межевании, а также при отводе земель по всемилостивейшим пожалованиям «во многих местах были отрезаны у крестьян лучшие поля, сенокосы, огуменники и огороды». Сами всемилостивейшие пожалования стали возможны именно по итогам межевания. До 1820 г. казенная палата, несмотря на запретительный указ от 26 октября 1815 г., зачастую отводила земли небольшими участками площадью иногда даже меньше десятины «по одному указанию лиц, которым предоставлено было право избрания земли». Таким образом было отведено Ф.И. Энгелю 9000 дес. в 160 местах, П.И. Коновницыну 3000 дес. в 67 местах, Ф.И. Фон-Братке 3000 дес. в 132 местах, Ф.А. Викторову 1500 дес. в 175 местах, К.Ф. Модераху 2000 дес. в 131 месте и некому полковнику Пейкеру 1229 дес. в 130 местах. Так, действительный статский советник, сенатор и бывший вятский губернатор Ф.И. Фон-Братке в Глазовском уезде получил 5 покосов по рекам Убыти и Пызепу общей площадью более 430 дес., пашенные земли в 8 местах (около 330 дес.), сенокос Ибык по р. Пижме (15 дес. 30 саж.), пашенную землю Белый Ключ, отрезанную от Юберевской и Починошной волостей (31 дес. 1809 саж.), сенные покосы по обе стороны р. Лекши (7 дес. 148 саж.), покосы, «лежащие по речке Лекше и Протоку» (5 дес. 180 саж.), отрезанную от Валамазской волости пашенную землю (более 21 дес.), покосы, отрезанные от Сырвайской и Лумпунской волостей (более 6,5 дес.), а также от Порезской волости (более 5 дес.). Генерал-лейтенант П.И. Коновницын в этом же уезде получил сенные покосы в 10 местах (более 340 дес., из которых 109 дес. 733 саж. составляли один участок) и пашню – в двух (56 дес. 680 саж.), тайная советница Т.А. Окунева – покос (59 дес. 484 саж.) и т.д. В Малмыжском уезде таким же образом получили земли действительный статский советник А.А. Кранинфельд, генерал-майор Ф.Г. Кальм, нижегородский губернатор

А.М. Руновский, тайный советник Ф.И. Фон-Братке, тайная советница Т.А. Окунева, генерал-лейтенант П.И. Коновницын, тайный советник, статс-секретарь Ф.И. Энгель, действительные статские советники И.М. Ариус и Пряжевский, тайный советник К.Ф. Модерах, князя Гики и др. В дальнейшем чаще всего оказывалось, что вышеназванные сановники перепродали подаренные им угоды местным купцам, чиновникам, зажиточным крестьянам, в южных уездах – и помещикам.

Лица, которым были пожалованы земли, через доверенных людей составляли регистр избранных участков, стараясь выбрать лучшие. Эти места обходились «генеральной межой с постановлением межевых столбов» отдельно и составляли особые дачи. Неудивителен в свете вышесказанного тот факт, что пожалованные участки весьма часто представляли собой сенокосы, в которых крестьяне особенно нуждались и которых обычно было намного меньше, чем пашни. Казенная палата, получив прошение с регистром, удостоверялась у межевой конторы «не о том, в каком месте лежит земля, также не нужна ли она в надел крестьянам и далеко ли отстоит от селений, а только о том, сколько в той волости, где избрано место, земежевано земли». В результате случалось, что даже при полном 15-десятинном наделе крестьяне в будущем оказывались вынужденными арендовать когда-то отобранные у них участки. После 1820 г. такая практика была прекращена, а после 1838 г. на территории Удмуртии всемирно известнейшие пожалования практиковались только в Глазовском уезде. Крупнейшим пожалованием этого периода стала передача в начале 1850-х гг. 2000 дес. из Верховятской дачи Глазовского уезда генерал-лейтенанту Фон дер Бригену. Эти земли вскоре перешли к секретарю Вятской духовной консистории титулярному советнику Неаронову¹⁸⁷.

Факт отнятия «лишней» земли с последующими ее дарением и продажей крестьяне принимали далеко не всегда покорно. Так, в 1825 г. крестьяне Валамазской волости Глазовского уезда Харитон и Никита Чернышевы жаловались на жителей поч. Новоселовского Юберевской волости, которые, «не веря, что мы (Чернышевы – Н.П.) означенную землю действительно купили, и не пони-

мая (подчеркнуто мной – Н.П.), что оные продаются», «вступились» в пользование 10 дес. пашенной и сенокосной земли, которую Чернышевы приобрели у Фон-Братке при посредничестве губернского форштмейстера еще в 1815 г.¹⁸⁸

Земельные угодья на территории Удмуртии первой половины XIX в. по характеру землепользования можно разделить на следующие группы: 1) полностью и льготно-оброчные угодья деревни (усадебные земли, пашня, сенокосы, леса, неудобные земли); 2) льготно-оброчные и покупные угодья за отдельными лицами и пустующие земли и 3) земли казенных ведомств¹⁸⁹. Из перечисленного только владение землями первой группы определяло основные платежи и повинности крестьян, и оно являлось доминирующим. Отсюда в абсолютном большинстве случаев крестьяне являлись не землевладельцами, а землепользователями. Вместе с тем, генеральное межевание и следующие за ним всемиростивейшие пожалования в целом способствовало развитию частного землевладения, в том числе и крестьянского. По данным Н.Н. Латышева, в 1869 г. в одном Глазовском уезде земель частного владения числилось 100.186 дес., из них 95.276 дес. под лесом, не считая земель железодельных заводов. Большая часть из них не принадлежала крестьянам, но эти угодья часто становились объектом аренды, прежде всего крестьянской. Достаточно широко земельные операции (прежде всего аренда пашни и лугов на длительные, от 30 лет, сроки) были распространены среди непрременных работников¹⁹⁰. Нами также зафиксированы случаи покупки крестьянами земель. Так, в 1818 г. удельный крестьянин Нечкинского приказа поч. Пермькова Игнатий Вахрин приобрел у Ф.И. Фон-Братке в 4 местах 35 дес. 195 саж. удобной и неудобной земли, находящейся близ деревень Чепца и Нижняя Пихта Большепургинской волости Сарапульского уезда, за 1500 руб. асс. Помимо этого он купил еще ряд участков у того же Ф.И. Фон-Братке, а также у полковника Пейкера. Эти земли были формально утверждены за департаментом уделов, но то, что на них И.И. Вахрин сам заключил купчие крепости, а в 1849 г. посредством «отказного листа» передал во владение своим сыновьям, свидетельствует о частной собственности¹⁹¹.

«Капиталистских» крестьян, подобных Игнатию Вахрину, было все же не так много, в основном земли приобретались общинами. Деньги на покупку в таком случае собирались со всех членов общины, купчая крепость «в вечное и потомственное владение» заключалась на весь мир¹⁹². В свою очередь, община тоже могла продать ранее купленную землю, причем разрешалась доленая продажа частью принимавших участие в покупке. Покупателями такой земли могли становиться зажиточные крестьяне. Так, в 1831 г. удмурт из д. На верховине речки Донды Егор Разенов и глазовский купец Смагин приобрели у крестьян Кляповской волости Глазовского уезда более 95 дес. покосных лугов, погасив перед государством недоимку этой волости в размере 1630 руб. асс. При этом данная земля была приобретена в 1815 г. из пожалованных П.И. Коновницыну за 2850 руб. Правда, в итоге оказалось, что часть жителей волости не знала о сделке и оспорила ее в суде. В 1837 г. общее присутствие уездного суда и городского магистрата г. Слободского отказало «в искательстве» Смагину и Разенову, отобрав у них купчую крепость, план и межевую книгу и отдав их на хранение в волостное правление. «Одолженная» сумма была возвращена «кредиторам», а сами они были признаны «достаточно вознагражденными снятым с тех покосов в течение 5 лет сеном»¹⁹³.

Следует еще раз отметить, что факты купли-продажи земли в рассматриваемый период еще достаточно редки, купленная земля чаще всего входила в общий фонд и подлежала уравнительному распределению.

В целом генеральным межеванием по стране руководил межевой департамент Сената, находившийся в Санкт-Петербурге, оперативное руководство было возложено на межевую канцелярию (г. Москва), подчиненную межевому департаменту. Основная тяжесть полевых работ была возложена на межевые конторы, расположенные в губерниях. Последние ежегодно направляли в уезды для межевания землемерные команды. Управление межевой конторой осуществляло присутствие из трех членов и прокурора. Им подчинялся штат канцеляристов и землемерных специалистов. В компетенцию межевых контор, наряду с организацией и наблюдением за полевыми работами, входили и другие обязан-

ности. Так, чиновники были обязаны сочинять, проверять, выдавать владельцам земельных дач планы и межевые книги. При этом за межевую документацию с населения дачи следовало взыскивать пошлины. Механизм взыскания выглядел следующим образом: Вятская межевая контора, составив планы дач, отправляла их копии и межевые книги в уездные суды, которые, в свою очередь, выдавали их владельцам дач с распиской в получении, взамен собрав деньги «за употребленную на списывание с межевой книги копии вместо гербовой простую бумагу» (например, 2 руб. ассигнациями за 126 листов или даже 134 руб. за 67 листов) и по 3 коп. с обмежеванной десятины. Ближе к завершению генерального межевания размер последней пошлины вырос до 6 коп. Данные сборы проводились и после 1835 г. От общин в этом действе участвовали выборные¹⁹⁴.

Важной функцией чиновников являлось решение межевых споров в течение 6 недель со дня поступления иска. Кроме того, члены межевой конторы составляли первую степень межевого суда в случае несогласия владельца или владельцев дачи с действиями землемерных команд. Апелляция на решения самой конторы могла быть направлена уже в вышестоящие органы. Полевые измерения проводили землемерные команды. Каждая команда состояла из землемера, помощника землемера, старшего и младшего землемерных учеников, одного – двух канцеляристов и нескольких солдат для полевой работы. Владельцы межуемых дач предварительно извещались повестками о начале землемерных работ. Для придания объективности процессу межевания следовало привлечь наряду с владельцами дач и трех понятых (свидетелей) из числа пожилых людей, проживающих в близлежащих селениях. В случае возникновения споров число понятых могло быть увеличено до 12 человек.

Дачей называлась условная территориальная единица, охватывающая один или несколько десятков населенных пунктов. Принцип создания конкретной дачи на территории края обычно ограничивался волостью государственных крестьян, приказом крестьян удельных, дворянским поместьем, казенным или частным заводом¹⁹⁵. На каждое из этих владений составлялись планы и карты, которые затем сводились в поуездные карты, планы и атласы¹⁹⁶.

Основные черновые работы при проведении межеваний ложились на плечи крестьян. Они же должны были следить за сохранностью межевых признаков, а также выполнять под присмотром землемеров их восстановление. В последнем случае работа могла значительно усложниться, поскольку при проведении межеваний далеко не всегда учитывался местный рельеф и могущие произойти с ним изменения, а в итоге восстанавливать границы приходилось, например, по болоту¹⁹⁷.

Официально по итогам генерального межевания в Вятской губернии было выделено 2930 дач, в которых заключалось 13.209.248 дес. земли, в общем и чересполосном владении осталось 152 дачи (687.804 дес.)¹⁹⁸. Крестьянские земли были в основном обмежеваны в общие дачи по волостям и приказам, а иногда и по более значительным территориям. Однако, по-видимому, генеральные землемеры могли и учитывать интересы крестьянской общины. Так, в 1809 г. в одну дачу были обмежеваны починки Ягошурский, Кулаковский, Верх-Парзинский и Усть-Азегваевский Омутницкой и Чуриной волостей Глазовского уезда «с принадлежащими к сим всеми землями, которые владения состоят их вотяков новокрещен»¹⁹⁹.

В целом из более чем 16 тысяч селений государственных крестьян Вятской губернии отдельно было обмежевано не более 423, многие «общие дачи» включали от 50 до 200, 300 и более сел, деревень и починков²⁰⁰. В результате некоторые дачи даже оказывались в разных уездах. Так, например, земли Нылги-Жикьинской дачи в конечном счете расположились в Сарапульском и Малмыжском уездах. В 1804-1805 гг. младший землемер Вятской межевой конторы провинциальный секретарь И.А. Соколов с командой при доверенном со стороны ясашных русских и удмуртов Елисее Логинове провел генеральное межевание Нылги-Жикьинской волости Сарапульского уезда, начав от поставленного при окружной меже Сарапульского же уезда Николаевской волости «межевого с признаками столба и вырытой пред оным в сажени по оной же даче специальной меры межевой ямы» и «примежной с левой стороны» земель Глазовского уезда Селтинской волости «владения из вотяков новокрещенных ясашных кре-

стьян». Отвод должен был проводиться «по самой сущей справедливости» по оставшимся межевым урочищам проводившихся до 1765 г. попыток межевания, а также по современному состоянию, без захватов чужих земель и уступок своих; в случае споров с соседями полагалось «поступать со всякою тихостию и объявлять самую истину». В единую межу отводились дачи и пустоши с. Нылги-Жикьи «с деревнями Нылги-Зюмьей, Нюрсивай-Зюмьей (Сяртчигурт тож), Каравай-Зюмьей, Си-Зюмьей, Сияг-Зюмьей, Нюрсивай-Зюмьей, Лоллез-Жикьей, Козварь-Жикьей, Кочир-Вамьей, Шупыц-Зюмьей, Жужгес-Пелгой, Малым Жужгесом, Володар-Докьей, Сугу-Докьей, Большой Докьей, Гурезь-Пудгой, Нюрсивай-Вамьей, Поршур-Вамьей, Старой Вамьей, Новым Кыйлудом, Нылги-Вамьей, Тыловой-Вамьей, Мульшур-Вамьей, Сямпог-Игрой, Си-Вамьей, Булай-Зюмьей, Пашгуртом, Пунемом, Норшур-Вамьей, Ува-Туклей, Узей-Туклей, Большой Туклей, Поршур-Туклей, Киби-Жикьей, Новой Туклей, Ищылызван-Жикьей, Тутчи-Жикьей, Барыш-Тувыром, Сям-Можгой, починками Сямпог-Докьей, Тыловой-Вамьей, Динтемом, Сюрсовой-Зюмьей, Буругурт-Вамьей, Кансышур-Туклей, Ураковым, Маломултаном, Лудзи-Туклей, Кечлудом, Косоевым, Тыловаем и по речке Нылге». Внутри волости отдельно были обмежеваны лишь земли, выделенные церковному причту и отрезанные в 17 казенных оброчных статей. Всего же было насчитано: пашни – 15.791 дес. 803 саж.; сенокоса – 1250 дес. 1414 саж.; сеного покоса, «между коим дровяной лес», – 480 дес. 2224 саж.; строевого и дровяного леса – 137.224 дес. 219 саж.; «по болоту строевого и дровяного леса» – 1352 дес. 1625 саж.; под поселениями – 355 дес. 282 саж., в т.ч. 114 дес. 1269 саж. составляли оброчные статьи и 33 дес. были выделены священнослужителям, итого 156.455 дес. 1657 саж. Согласно V ревизии в волости проживало 2165 государственных крестьян мужского пола, к ним присоединялись 209 «прописных и после ревизии причисленных», что давало налицо на момент межевания 2374 души. Именно на это число по 15-десятиной пропорции и было нарезано крестьянам 35.610 дес., «излишние» и оброчные в размере 120.960 дес. 36 саж. были отме-

жеваны в число государственных земель. Данные действия были обычными при проведении генерального межевания.

По итогам VI и VII ревизий Нылги-Жикьинская волость активно заселялась русскими переселенцами из других волостей и уездов, им выделялись участки, а в 1817 г., когда был восстановлен Малмыжский уезд, она оказалась разделенной между ним и Сарапульским уездом. Только в 1823 г. новые границы, проведенные уездными, а не генеральными землемерами, были «утверждены в натуре формальной межей», и при этом не были составлены специальные планы с межевыми книгами «по случаю заселения ее (волости и казенной дачи – Н.П.) новыми починками». В итоге в состав обоих уездов и стала входить Нылги-Жикьинская казенная дача²⁰¹.

Переселения как раз явились одним из итогов нехватки земли. Чтобы добиться его разрешения, крестьяне были должны подать просьбу в губернский орган, управляющий ими (казенная палата, палата государственных имуществ, удельная контора и т.д.), с объяснением причины и приговорами увольняющих и принимающих общин. Дозволение давалось лишь после проверки всех обстоятельств уездными органами власти (земская полиция, окружной начальник, удельное отделение). Иногда оказывалось, что причинами переселений на деле могли служить также «желание раздробить свои семейства во избежание рекрутской повинности» и «намерение чрез заселение внутри лесных дач извлекать выгоды свои чрез самовольное заготовление в оных для продажи лесов и лесных изделий»²⁰². Усиление переселений произошло после 1831 г. «вследствие неправильного производства генерального размежевания». При этом «беспорядки и злоупотребления», допущенные при генеральном межевании, а также «медленность» казенной палаты, разрешавшей изменение местожительства самой многочисленной категории – государственных крестьян, побуждали последних к самовольному переселению²⁰³. Зачастую, по замечанию современников, от этих действий страдали не только интересы казны, но и местного нерусского населения. Переселенцы могли отнимать у него лучшие участки земли и творить «разные другие притеснения»²⁰⁴. Самовольно переселялись и предста-

вители других крестьянских категорий. Земля для поселения могла также отторгаться от более обеспеченной угодьями общины. Если она не принадлежала конкретному селению, а находилась в совместном пользовании крестьян сразу нескольких населенных пунктов, то ее закрепляли за каким-то одним из них, чьи жители больше нуждались в дополнительных площадях. Но все же основным путем решения проблемы малоземелья, особенно характерным для Удмуртии, было освоение «пустопорожних» земель через переселение, или, если они находились рядом, – через освоение²⁰⁵. Не менее частым было и включение переселенцев в удмуртские общины.

Значительную часть территории Удмуртии составляли леса. Крупнейшим их владельцем всегда было государство. В первой половине XIX в. и ранее огромные массивы леса были выделены в казенные лесные дачи. Генеральное межевание в первую очередь определяло в качестве казенных, в том числе внутри волостей, именно лесные угодья. В крае в них было сосредоточено 2.784.559,4 дес. (около 43,6 % губернских). В корабельных рощах, которые были отграничены еще в петровское время, числилось 33.493,5 дес. Во время генерального межевания имелись случаи, что землемеры по ошибке присоединяли их к волостям государственных крестьян, последнее преследовалось²⁰⁶. 114.445,2 дес. лесных угодий было отмежевано к строящимся заводам. К ним, как правило, приграничивались лесные дачи из расчета потребности на «заводское действие» с перспективой на 100 лет. К 1824 г. при Ижевском заводе числилось 161.394 дес. земель, планировалось присоединить еще 624.395,2 дес., преимущественно леса. Воткинский завод располагал 471.575 дес., однако в 1851 г. обнаружилась недостача леса (завод вырубал ежегодно свыше 3300 дес.) и к нему было присоединено еще 90 тыс. дес. Ижевский завод к 1858 г. фактически располагал 305.460 дес. леса. Существенную площадь занимали и леса, отданные в пользование крестьянским общинам, – более 500 тыс. дес. в конце 30-х гг. XIX в.²⁰⁷ Значительные земельные угодья находились под оброчными, по преимуществу лесными статьями²⁰⁸.

Во многом для ликвидации негативных последствий генерального межевания по указу от 8 января 1836 г. во всех тех губерниях, где оно было произведено, «для устранения вреда, происходящего от необмежеванности чересполосных земель, от неопределенности прав общего владения и выездов или частных прав на владение постороннее», проводилось полюбовное (или специальное) межевание. 17 августа 1836 г. в г. Вятке был открыт особый комитет для сбора сведений о землях общего и чересполосного владения по губернии и составления проекта специального межевания. Комитет возглавлял совестной судья, в его состав входили вице-губернатор, губернский прокурор, советник гражданской палаты, губернский землемер, управляющий удельной конторой и уездный судья губернского города. Этим же составом с вводом управляющего палатой государственных имуществ в последующем была представлена посредническая комиссия по полюбовному межеванию, которое началось в 1841 г. Данное межевание должны были проводить уездные землемеры, размежевание удельных и казенных земель осуществлялось землемерами палаты государственных имуществ и удельной конторы, на территории Удмуртии оно производилось во всех уездах, кроме Глазовского. В основном его итогом стало «полюбовное» разграничение ранее общих и чересполосных владений непрременных работников, государственных и удельных крестьян²⁰⁹. В Вятской, Олонецкой и 5 уездах Вологодской губернии при его проведении не было специальных посредников. Землемеры по прибытии в уезд были должны приступать к размежеванию «по первому требованию владельцев», имеющих общие чересполосные дачи. В случае невозможности разделить землю из-за несогласия владельцев, разрешение конфликта ложилось на плечи уездных судей. К 1856 г. полюбовное межевание в основном завершилось, поэтому Вятская посредническая комиссия была упразднена, а ее функции по специальному межеванию земель приняты «для дальнейшего производства» Вятским губернским правлением²¹⁰.

Задачи специального межевания, как и генерального, также не были решены. Весьма частым заключением посреднической комиссии была лишь констатация существующего порядка владения землей. Так, относительно разгра-

ничения государственных крестьян и непрременных работников Ижевского завода в ноябре 1854 г. комиссия постановила оставить чересполосицу в их владениях «впредь до усмотрения уральского горного начальства»²¹¹. Неуспешность и медлительность объяснялись в основном сложностью поиска компромиссного решения, когда различные ведомства вступали в конфликт друг с другом из-за интересов подведомственных им крестьян. В этом плане типичным можно считать длившиеся с 1843 по 1869 гг. попытки разграничить государственных и удельных крестьян так называемой Чепановской дачи. По итогам генерального межевания сюда входили земли государственных крестьян Бурановской волости и удельных крестьян Нечкинского приказа, проживавших в деревнях Чепаниха, Дуванак, Гольянская Дуброва и поч. Чукавин. Согласно правилам, всем им по были начислено по 15 дес. на ревизскую душу мужского пола, зафиксированную V ревизией. По итогам VIII ревизии здесь проживало 742 души мужского пола жителей казенного ведомства и 43 д.м.п. удельных крестьян д. Гольянской Дубровы. Последних по V ревизии насчитывалось 26, соответственно им полагалось 390 дес. (из которых более 130 дес. выделялось из казенных земель в других дачах), с ростом же их численности надел уменьшился примерно до 9 дес. на душу. В то же время фактический надел государственных крестьян 1840-х гг. составлял порядка 10,5 дес., из-за чего и возник конфликт: удельные крестьяне и курирующие их органы власти не соглашались на межевание по действительному владению, государственные же крестьяне и казенное ведомство не принимали условия разделения по наличным душам, поскольку дальнейшее увеличение их участков уже не было возможным «по имению свободных казенных дач»²¹².

Важно заметить, что напряженные отношения между уделом и казной, особенно в Приуралье, а также на севере Европейской России привели к тому, что в начале 1845 г. правительство распорядилось создать объединительную комиссию Министерства государственных имуществ и Министерства императорского двора по изучению ситуации с распределением земель в Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Вятской и Пермской губерниях. Межевым чинам

первого были поручены съемки казенных земель и одновременно представление «соображений о наделении землей и удельных крестьян». Но уже в июле 1846 г. Министерство государственных имуществ отдало распоряжение о том, чтобы «наделение удельных крестьян отдалить на неопределенное время, т.к. наделение землею собственно государственных крестьян будет крайне затруднено при недостатке межевых средств». В следующем году межевые работы были вообще прекращены, и лишь в середине 50-х гг. для «приведения в известность» размеров казенных и удельных земель в Вятской губернии была создана комиссия в составе статского советника Лошкарева, полковника Ананьева, коллежского асессора Лазаревского. Выводы ее были неутешительны: обнаружилось, что между селениями разных ведомств на картах границы сняты с планов генерального межевания, но они «не видимы в натуре», т.к. «ситуация снята в то время небрежно». В таких условиях произвести размежевание общих владений государственных и удельных крестьян, а также определить земли казенные, с тем чтобы свободную их часть отвести, по существующему законодательству, в надел удельным крестьянам, оказывалось «решительно невозможно». Этим и объясняется увеличение количества спорных земель: если в начале XIX в. вятские удельные крестьяне имели в споре до 55 тыс. дес., то в 1852 г. в Вятской губернии их было уже 138.337 дес., в 1855 г. – 205.552, в 1857 г. – 263.814²¹³. Небрежно проведенное генеральное межевание, таким образом, спровоцировало неудовлетворительность последующих полюбовных межеваний между крестьянами различных ведомств. Земельные споры между поселянами одного ведомства, значительно более многочисленные, в рассматриваемый период вообще не подверглись систематическому урегулированию.

В целом можно отметить, что в той форме, какой было проведено генеральное межевание, проблема спорных земель, например, внутри одной дачи, не могла быть решена. Губернский землемер М. Ивакин докладывал в 1837 г., что Вятская губерния оказалась обмежеванной «целыми волостями и дачами, заключающими в черте своей несколько селений, а потому из планов, хранящихся в казенной палате или выданных владельцам на обмежеванные

щихся в казенной палате или выданных владельцам на обмежеванные дачи, можно извлечь только общий итог волости..., но каждая деревня в каких границах заключает владение свое, совершенно неизвестно». Ситуацию, по его мнению, усугубляли частые «полюбовные» переделы земли «смотря по прибыли или убыли числа душ в селениях» и нерешенность споров о границах, возникших при самом межевании. В последнем случае вопрос решался Сенатом и часто затягивался на неопределенное время, это приводило к тому, что на местах на спорные границы не имелось вообще никаких планов и «даже и общий итог владений неизвестен»²¹⁴. Последующие частные межевания эту проблему разрешали далеко не всегда. Ситуацию усугубляло увеличение численности населения Удмуртии как за счет естественного прироста, так и за счет интенсивного переселенческого процесса. Поэтому земельные споры продолжали оставаться весьма распространенными, а их решение становилось задачей органов местной власти.

Деление земельных участков по числу ревизских душ, по-видимому, было наиболее распространенным и внутри крестьянской общины. Логика таких действий очевидна: необходимость выплачивать подати, размер которых зависел от числа ревизских душ, должна была подкрепляться материальным достатком семьи, он же определялся в первую очередь числом рабочих рук в ней и наличием земли. По-иному могли складываться взаимоотношения между общинами, чьи земли находились внутри одной дачи. По замечанию И.В. Чемоданова, разные селения могли обладать совершенно различными площадями земельных угодий. Точно так же обстояло и с размером надела на душу мужского пола. Следует отметить, что душевой надел может быть охарактеризован как «теоретическое» землепользование, удобное для начисления на него платежей и повинностей. Распределение земли по числу душ не означало, что данная крестьянская семья полностью использовала выделенный ей, исходя из количества душ, участок земли или же, напротив, не пускала в оборот, помимо этого участка, еще какое-то количество земли, например, купленной или арендованной. Но размеры даже такого землепользования не были одина-

ковы по разным селениям одной волости²¹⁵. Например, крестьяне починков Шишевского и Тюлькинського Святицкой волости Глазовского уезда с «древнего» времени вели друг с другом «затруднительную и кляузную тяжбу» о земле, но в 1822 г. они при посредничестве земского исправника договорились разделить ее поровну, «а не по числу ревизских душ», и в последующем больше не соперничать в отношении спорного участка, о чем и было подано мировое прошение в уездный суд. И это при том, что у жителей поч. Тюлькинського земли было больше²¹⁶.

В тех случаях, когда речь заходила о земле, не принадлежащей крестьянам, а лишь находящейся в их пользовании, за которое они выплачивали подати и отработывали натуральные повинности, правомочным в их глазах было только то прошение, что поступало от лица всей общины: для государственного крестьянина Лобанской волости Глазовского уезда Гурьяна Прохорова жалоба, поданная на него односельянином Тимофеем Шкурихиным о якобы отнятой у него пашне, несправедлива прежде всего потому, что «на подачу просьбы об общественной земле мирское общество не давало ему ни приговору, ни позволения, а он один может ли быть ходатаем в мирском деле?»²¹⁷

Особенно часто в источниках встречаются случаи споров о сенокосных землях, достаточно немногочисленных и с ростом населения становящихся все большей ценностью. Так, в 1835 г. жители 23 селений Верхлюмской волости Глазовского уезда завладели санным покосом, принадлежащим удмуртам этой же волости деревень Краснослудской и Пышкетской, на том основании, что «отцы их лет около 30 тому назад (то есть до проведения здесь генерального межевания – Н.П.) по разным случаям имели в тех покосах по левой стороне р. Чепцы небольшие участки». Данный покос, по-видимому, мог ранее принадлежать единой общине, которая численно разрослась и разделилась, на ее земли совершались переселения, за счет которых население также значительно выросло, в итоге участок был оставлен только жителям двух деревень. Официальными причинами этого решения стали: 1) относительная незначительность сенокосного участка («на всем этом покосе ставится при посредственном урожае

трав около 1600 копен сена, которое разделяется уравнительно между жителями двух означенных селений на число 278 ревизских душ, означенного количества сена недостаточно для прокормления необходимого скота, и только при лучшем урожае трав они могут с трудом обойтись собственным сеном без покупки») и 2) отсутствие у деревень Пышкетской и Краснослудской иных сенокосных земель, поскольку остальные их угодья находились на высоком правом берегу реки и поэтому были «неудобны» для покосов. Скорее всего, некогда согласившись с передачей сенокосной земли, теперь, начав испытывать определенный земельный голод, бывшие владельцы «вспомнили» о своей доле. Однако в октябре 1846 г. уездный суд приговорил их заплатить пострадавшим 105 руб. сер. за вывезенные в 1836 г. 331 копну «и сверх сего 10 % на каждый рубль, сколько причитаться будет (т.е. еще 10,5 руб. штрафной пени – Н.П.), а равно и за употребленную по сему делу вместо гербовой простую бумагу за 35 листов 5 руб. 25 коп. сер. взыскать и по взыскании из сих денег преимущественно последние отослать в казну, а первые выдать просителям деревень Краснослудской и Пышкетской с распиской»²¹⁸.

К концу рассматриваемого периода в ряде общин земельный голод достигает такого накала, что выливается в открытое противостояние крестьян. Например, в течение 1850-х гг. у жителей д. Погудинской Мухинской волости тлел конфликт по поводу спорной земли с крестьянами из поч. Усынинского Леденцовской волости (Глазовский уезд). Межевые чиновники не смогли удовлетворить первых из них, поэтому в 1862 г. произошло открытое противостояние. По показаниям стороннего свидетеля, государственного крестьянина поч. Петрушевского Степана Копосова, погудинские стали прогонять с земли усынинских, а когда последние «начали оспаривать, тогда селенный староста приказал своим соседям брать дубины и гнать их»²¹⁹. Приглушить подобные конфликты получалось только с введением достаточно строгих санкций. Так, 31 крестьянин и крестьянка д. Шушерской Рыбаковской волости Глазовского уезда, учинившие в 1864 г. драку на спорных лугах, отданных палатой государственных имуществ жителям д. Зубковской, были «оставлены в подозрении».

Сильнее был наказан Степан Семеновых, оскорбивший волостного голову Андрея Обухова «разными скверноматерными словами»: его арестовали на 3 дня и вынудили попросить прощения на сходе. Еще девятерых крестьян присудили «за нанесение обид словами» просить прощения, а «если пожелают, то и заплатить» семерым зубковцам по 3 руб.²²⁰

Признаком нехватки земли или несогласия с существующими границами земельных участков могут также служить достаточно многочисленные случаи перепашки межей, нарушения и уничтожения межевых признаков и т.п. Еще более многочисленны случаи незаконных вырубок казенного и общинного леса, проводимых в том числе и с целью вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых пашенных площадей. Наказания (розги, штраф, заключение под стражу) за такие действия в случае обнаружения виновных следовали незамедлительно²²¹.

Ликвидировать недостаток тех или иных угодий за отдельную плату, по замыслу власти, должны были так называемые оброчные статьи. Оброчные статьи могли принадлежать казне и в таком случае контролировались хозяйственным и лесным отделениями казенной палаты (с конца 1830-х гг. – палаты государственных имуществ), а также уделу и крестьянским общинам. Случалось, что одна и та же оброчная статья в разное время могла принадлежать различным ведомствам. Так, например, произошло с казенной оброчной статьей «Петровской сотни бывшего Успенского монастыря» (Сарапульский уезд), которая с 22 сентября 1853 г. стала принадлежать уделу и получила название пустоши Медведихи. Интересно, что данная передача, по решению Сената, должна была состояться еще в 1826 г., поэтому удельные власти предъявили палате государственных имуществ иск на компенсацию вырученных за сдачу этой статьи денег, который был удовлетворен²²².

Значительная часть принадлежащих государству пашенных и покосных оброчных статей возникла в результате генерального межевания, когда земли крестьян сверх 15-десятичной нормы были отобраны в казну или с последую-

щими их пожалованиями высшим сановникам*, или превращением в оброчные статьи²²³. Во второй трети XIX в. по губернии совокупная площадь сдаваемых казенных земель приближалась к 21 тыс. дес.²²⁴

Следует отметить тот факт, что губернские власти зачастую не знали точного числа и качества казенных оброчных статей. Ситуация здесь могла дойти до абсурда, как, например, случилось с 4 участками земли, отрезанными в ходе генерального межевания от Большеучинской волости Глазовского уезда и отданными с 1814 по 1836 г. в оброк по хозяйственному отделению. Между тем местное лесное начальство посчитало эти земли пустыми и тоже отдало их в оброк. В результате эти земли числились в окладе и по хозяйственному, и по лесному отделениям. Впоследствии значительное число отрезков отошло «во всемиростивейшее пожалование разным лицам и пользу мещанки Прозоровой взамен отданных ею для половников собственных земель», остальные земли к 1839 г. числились по хозяйственному отделению казенной палаты с накопившейся недоимкой, а по лесному отделению этой же палаты значились «неотысканными»²²⁵.

Существенную часть оброчных статей составляли мельницы, причем данная статья встречается чаще в качестве мирской, государственной или удельной она могла стать, например, в случае постройки мельницы самовольно, на казенной или удельной земле, что позволяло вначале отобрать ее, а затем превратить в источник дополнительного обложения крестьян²²⁶. Имелись случаи, когда крестьяне сами строили на не принадлежащей им земле мельницу и брали ее в оброчное содержание по невысокой цене. Подобным образом поступил в 1816 г. государственный крестьянин Сарапульского уезда Григорий Жуйков, выстроивший на «пустопорожном месте плотину и мельничный амбар» и заключивший в Вятской казенной палате контракт на 12 лет «с платежом в казну оброка 5 руб. ассигнациями в каждый год». По истечении 12 лет им же была совершена «переоброчка» на сумму 7,5 руб. в год, а на третий срок цена была

---

* Эти земли обычно сразу же продавались за не очень значительные суммы местным представителям привилегированных сословий – купечеству, чиновникам, мещанам и др.

поднята до 9,5 руб., т.е. почти в два раза больше первоначальной, и на этот раз данную статью «взял в содержание» какой-то вятский купец²²⁷. На юге Удмуртии оброчной статьёй могло стать и помещичье владение. Так, например, стало с поташным заводом Г. Овчинниковой, расположенным в Китякской волости Елабужского уезда. Имение помещицы первоначально состояло в опеке, затем «казна, заплатив деньгами 2948 руб. 67 ½ коп. серебром, по непринадлежности отобрала оное в свое ведомство»²²⁸.

Лицо, пожелавшее взять в аренду оброчную статью, должно было заключить контракт с ее владельцем. Такие контракты могли заключать не только крестьяне: их распределение проводилось на специальных торгах-аукционах, поэтому они часто оказывались в распоряжении людей, располагавших большими, чем крестьяне, денежными суммами, – купцов, чиновников, мещан и др. Однако, в конечном счете, последние пересдавали приобретенные статьи, но уже за более значительные цены тем же крестьянам. Так, некий обыватель Николаевской волости Слободского уезда Вятской губернии Григорий Суворов в 1826 г. приобрел на 12 лет в трех местах более 190 дес. пашенной и сенокосной земли, отрезанной по генеральному межеванию от Еловской волости Глазовского уезда, на общую сумму в 94 руб. 25 коп. в год, и стал сдавать ее крестьянам окрестных 28 селений, от которых, скорее всего, эта земля и была отрезана, за плату, составлявшую более 850 руб. в год. Во время ревизии государственных имуществ 1837 г. от крестьян по этому поводу последовала жалоба. С 1838 по 1843 гг. велось судебное разбирательство, но оно ни к чему не привело. Приговор был сформулирован следующим образом: «Так как крестьянин Григорий Суворов якобы в непомерном собирании за оброчные статьи с поселян денег за смертью его остался без спроса, сын же его отозвался о том незнанием, а крестьяне делали с ним условия словесные и в платеже ему денег расписок от него не брали, то им сей, яко ничем не доказываемый и бывший с лишком 10 лет в безгласности, оставить без всякого заключения, отказав поселянам в удовлетворении»²²⁹.

Подобные случаи не единичны. Например, титулярный советник Невоструев, приобретший в 1828 г. право на использование казенной оброчной земли в Уканской волости Глазовского уезда (с юридической площадью более 128 дес., а фактически – более 270 дес.) за 20 руб. в год, собирал за ее использование с 35 селений по 982 руб. 95 коп. ежегодно. Подобным же образом действовали купеческий сын Мойшев, получивший в 1838 г. право на эксплуатацию 51 мельницы в Сюмсинской и 17 мельниц в Селтинской волостях Малмыжского уезда, и другие дельцы²³⁰. На юге могло произойти и подобное случившемуся с крестьянами д. Кизековской Алнашской волости Елабужского уезда, отдавших в оброчное содержание общинную мельницу жене отставного титулярного советника Сырнева. Сырневы стали жить здесь «на правах помещика», выстроили на крестьянской земле рядом с мельницей «дом с усадьбой и кирпичный сарай» и засевали близлежащие крестьянские поля своим хлебом²³¹.

Разумеется, далеко не каждый крестьянин мог приобрести оброчную статью. В силу маломощности отдельного крестьянского хозяйства, а также существования крестьян в рамках общины, последняя фактически и выступала в качестве арендатора. Но приобретателем в глазах государства все же выступало отдельное лицо, поэтому могли возникать нарушения. Так, с 1849 по 1857 гг. проводились следствие и суд о «противозаконном сборе» по 3 коп. серебром с ревизской души в Уйвайском обществе Большепургинской волости Сарапульского уезда: жаловались удмурты Ефим Перевошиков, Федор Сундуков «с товарищами, всего 31 человек» на недавно принятого в общину Василия Каракулова. Оказалось, что «малознающие» удмурты поручили «русскому бойкому человеку» собрать деньги и продлить контракт в палате государственных имуществ на использование мельницы на р. Иже. Контракт «лукавый» Каракулов заключил на свое имя и присвоил себе право единоличного пользования мельницей. В итоге единственным выходом для удмуртов стало обращение к официальным судебным инстанциям²³².

Торги на удельные оброчные статьи могли проводиться в приказе (на так называемые «малоокладные» статьи) и в удельной конторе (на «большеоклад-

ные» статьи). В отличие от казенных, оброчные статьи удельного ведомства состояли не столько из земельных участков, сколько из различного рода «рукотворных» средств производства. Так, по Вятской губернии в 1857 г. пашенную и сенокосную землю включали в себя только семь удельных оброчных статей. В это же время водяные мельницы и «береговое право» были представлены 347 статьями, ветряные и коннообдирочные мельницы – 1073, лавки – 10, базары, весы, меры и проч. – 4, харчевни – 2, заводы и фабрики – 56, рыбные ловли – 16, месторождения железа и торфа – 8, перевозки – 6²³³.

В 1839 г. казенные оброчные статьи были переданы из ведомства казенной палаты в палату государственных имуществ²³⁴. Предварительные торги проводились в окружных управлениях, заключительные с так называемой переторжкой – непосредственно в палате. Мирские статьи обычно брали сами же крестьяне, заключавшие договор с общиной. В любом случае для заключения контракта было необходимо предоставление залога и «свидетельства о состоянии». Последнее проверялось. Так, в 1840 г. мамадышский купец Герасим Леденцов, который на торгах 27 января приобрел ряд лесных статей в Малмыжском уезде и через три дня явился на «переторжку», был лишен права приобретать оброчные статьи, поскольку «из дел хозяйственного отделения открылось, что явившийся... г. Леденцов есть тот крестьянин, который судился за открытые по ревизии гг. сенаторов противозаконные сборы* и вследствие того выслан навсегда из Вятской в Казанскую губернию с воспрещением... обратного въезда в Вятскую губернию как на временное, так и на постоянное жительство». Поэтому Леденцову был возвращен предоставленный им залог с повелением возвратиться на место выдворения²³⁵. Скорее всего, этой деятельностью Герасим Леденцов занимался уже давно, поскольку еще во время ревизии государственных имуществ 1838 г. поступали жалобы крестьян на взятие им в оброк 16 мельниц в Николаевской волости Малмыжского уезда с последующей их передачей за значительно большую сумму²³⁶.

---

* По-видимому, речь идет о сенаторской ревизии Долгоорукова и Дурасова 1824 г., в результате которой были вскрыты массовые злоупотребления чиновников и представителей крестьянского самоуправления, многие из которых по суду подверглись различным наказаниям.

Контракты на мирские оброчные статьи заключались в официальных органах крестьянского самоуправления, в них определялись сроки владения, основные характеристики статьи (местоположение, размеры, принадлежность и т.д.), размеры ежегодных выплат и условия их внесения, некоторые частные условия. Подобный контракт, например, был заключен 4 апреля 1856 г. между Нижнеуканским волостным правлением Глазовского уезда и крестьянином Шабалинской волости этого же уезда Дементием Казаковым на 12 лет, начиная с 1 января текущего года, с представлением своей платежеспособности – описи движимого и недвижимого имущества. За взятую статью, мукомольную мельницу на речке Саде при поч. Сизевском Сибирского сельского общества с прилегающей землей в размере 2,5 дес., Казаков обязывался вносить в волостное правление ежегодно по 35 руб. 05 коп. серебром два раза в год. В контракте специально оговаривались запрет рыболовства в мельничном пруду и цены на предоставляемые услуги: 1 коп. серебром с каждого пуда зерна с жителей поч. Сизевского, и «существующие в волости местные цены» - с остальных крестьян. Когда в 1866 г. наследник Казакова стал нарушать эти условия («берет за размол хлеба с местных жителей по 3 коп., а с посторонних по 7 коп. и более», из 10 пудов зерна намолачивает только 8 пудов муки и т.д.) местные жители посчитали законным расторгнуть контракт и самим содержать статью «из того же оброка, из какого находится у Казакова, с прибавлением 10 %». Дело было передано в уездный суд, который согласился с мнением истцов, но на первый раз ограничился только «внушением» ответчику, «предоставив крестьянам право взыскивать излишне переплаченные деньги»²³⁷.

В отдельные годы операции с оброчными статьями могли быть весьма масштабными. Так, в 1840 г. только лесное отделение Вятской палаты государственных имуществ сдавало в Глазовском уезде 444 свободные статьи (3629 дес. 1688 саж. пашни и 1540 дес. 1478 саж. сенокосов), в Малмыжском – 234 (1530 дес. 653 саж. пашенной и 3013 дес. 1628 саж. сенокосной земли), в Сарапульском – 186 (1806 дес. 1812 саж. пашни и 510 дес. 1847 саж. покоса) и в ма-

лосесном Елабужском уезде – 16 статей (463 дес. 2200 саж. сенокосной земли)²³⁸.

Цены и сроки держания оброчных статей сильно различались. Например, в 1841 г. 29 казенных мельниц в Малмыжском уезде сдавались на срок от 3 до 12 лет по цене от 1,5 до 5 руб. серебром в год, причем цена не всегда зависела от размеров и мощности мельницы. Аренда мельницы могла в это же время стоить и более 300 руб. в год²³⁹. Цены в первую очередь зависели от того, насколько была необходима та или иная оброчная статья крестьянам.

В 1843 г. в Малмыжском уезде по хозяйственному отделению числилось 137 мукомольных мельниц, с которых казна получала 620 руб. 3 ½ коп. в год, 43 статьи сенокосных и пашенных земель (659 руб. 88 ¾ коп.) и 3 места рыбной ловли (35 руб. 14 ¼ коп. в год). Лесное отделение контролировало 211 статей пашенной и сенокосной земли с общей выручкой в 1758 руб. 55 коп. серебром в год. Оброчные мирские статьи в то же время составляли: земельные – 3, мельницы – 481, другие наименования – 1 с общей годовой суммой до 1150 руб. 7 ½ коп. серебром²⁴⁰. Сопоставимы с приведенными цифры по Глазовскому и Сарапульскому уездам, на порядок меньше оброчных статей (прежде всего ведомства лесного отделения) было в Елабужском уезде.

В целом доходы с оброчных статей всех наименований имели тенденцию роста на всей территории Удмуртии. Это, в свою очередь, могло свидетельствовать не только о развитии товарно-денежных отношений в сфере земельного оборота, но и о нарастающем земельном голоде.

Властные структуры всех уровней уделяли внимание проблеме обеспеченности крестьян землей. Внутри Вятской губернии практиковались следующие способы преодоления земельного голода: 1) прирезка земли от многоземельных крестьянских дач к малоземельным в рамках одной волости; 2) переселение нуждающихся крестьян в многоземельные общества в рамках губернии; 3) переселение «на пустопорожние места или выгорелые лесные пространства» и, наконец, 4) передача малоземельным обществам участков «мелкорастущего» казенного леса²⁴¹. Предпринимались также санкционированные

переселения крестьян на свободные земли Оренбургской губернии, а с 40-х гг. – в Сибирь.

Даже в случае самовольных крестьянских переселений местные власти зачастую не давали «к обратному их выселению... в видимое их разорения согласия»²⁴².

Пожалуй, все же более действенным методом преодоления земельного голода было наделение крестьян дополнительными участками из смежных казенных или удельных, по преимуществу лесных дач. В государственной деревне такие мероприятия начали проводиться с конца 1840-х гг. по результатам очередных ревизий, начиная с седьмой, для тех сельских обществ, у которых средний надел составлял менее 5 десятин на ревизскую душу, если имелись свободные государственные земли, смежные с ними²⁴³. При проведении генерального межевания старались, чтобы такие смежные земли, по возможности, были в наличии. Крестьянам к их участкам бесплатно прибавлялась земля до уровня в 8 дес. на ревизскую душу, при их готовности заплатить 9 коп. серебром за десятину так называемой добавочной подати их наделы могли быть доведены до 15-десятинной нормы. Данная сумма явилась «среднесложной ценой, выведенной из дохода, получаемого с казенных оброчных статей хозяйственного ведомства». На общинном сходе полагалось утвердить согласие крестьян на эти условия²⁴⁴.

В 1850 г. в Сарапульском уезде в 13 сельских обществах государственных крестьян, где по 8 ревизии числилось 16.451 душа и состояло 135.552 дес. 2119 саж. земли, таким способом были совершены нарезки в размере 101.743 дес. 1255 саж., на будущее при них был оставлен «запас» в размере 44.312 дес. 1459 саж. В Елабужском уезде в 15 сельских обществах по 8 ревизии числилось 20.219 душ, в их пользовании состояло 155.394 дес. 1256 саж., к этому добавлялось 80.295 дес. 1523 саж. для непосредственного пользования и в запас – 21.570 дес. 2079 саж. В Малмыжском уезде прирезки были сделаны в 23 сельских обществах (33.754 души, 224.872 дес. 25 саж. земли) в размере

256.318 дес. 137 саж., в резерве при этом было оставлено 100.814 дес. 2037 саж.²⁴⁵

Однако далеко не всегда имелась возможность наделения недостающей землей из близлежащих казенных дач. По состоянию на 1856 г. из 423 сельских обществ Вятской губернии крестьяне 186 обществ решить проблему малоземелья могли только посредством переселения, в их числе были 4 общества Глазовского уезда (с наделами в среднем около 7 дес. на ревизскую душу), 10 – Малмыжского (от 4 до 9 дес.), 4 – Елабужского (в среднем 5 дес.) и 10 – Сарапульского (от 2,5 до почти 14 дес.) общей численностью около 49 тыс. душ по IX ревизии. Ближайшие свободные дачи располагались на расстоянии 25 верст от малоземельных обществ, зачастую же возможность получения «поблизости свободной земли» вообще отсутствовала²⁴⁶.

Результаты действий по наделению землей были не очень значительны: средний душевой надел государственных крестьян в Удмуртии в 1850 г. составлял 7,02 дес. в Малмыжском уезде, около 7,5 – в Елабужском, около 8 – в Сарапульском и до 13,2 дес. – в Глазовском, и позже он вырос весьма незначительно²⁴⁷. Тем не менее эти размеры являлись одними из самых крупных по Вятской губернии.

По предписанию I департамента Министерства государственных имуществ от 7 декабря 1857 г. Вятской палате государственных имуществ было предписано составить очередной список населенных пунктов губернии, нуждающихся в отселении «лишних» душ на «отдаленные» земли в основном своих же обществ*. К маю 1858 г. в данный список вошли 162 селения Вятской губернии, в числе которых было и значительное число из Малмыжского, Глазовского и Сарапульского уездов. Следует отметить, что окружные начальники, на которых и легло исполнение этой обязанности, ее «в основном не исполнили» из-за обширности губернии и множества (более 700 тыс. м.п.д.) государственных крестьян. В дальнейшем, когда было нужно выбрать место, составить план

---

* По-другому данное мероприятие в I департаменте называли «переселением крестьян на край своих полей», и в таком виде оно напоминает столыпинские хутора и отруба с существенной оговоркой, что о выделении из общины речь никоим образом не заходила.

новому селению, отобрать одобрительные приговоры от переселенцев и остающихся на старом месте, потом представить министерству «предположения по каждому селению», дело еще больше затормозилось и, по-видимому, так и не было завершено. Причиной была не только нерасторопность местного управления крестьянами, но и отсутствие свободной земли²⁴⁸.

Удмуртские удельные крестьяне по состоянию на 1852 г. имели следующие среднедушевые земельные наделы: Сарапульский уезд – 3,78 дес., Елабужский уезд – 2,44 дес., Малмыжский уезд – 1,60 дес. Среднедушевой надел удельных крестьян в целом по Удмуртии составлял 3,57 дес., несколько превышая таким образом губернский уровень (3,22 дес.)²⁴⁹. Вместе с тем качество этих земель в общей сложности было более высоким, чем, например, у государственных крестьян.

В 1859 г. поземельный надел помещичьих крестьян и дворовых был равен в Малмыжском уезде 3,4 дес., в Елабужском – 3,17 дес., в Сарапульском – 2,9 дес., в среднем по Удмуртии – 3,2 дес., т.е. значительно ниже, чем у других категорий, особенно государственных крестьян²⁵⁰.

Наделы непрременных работников уступали только государственным крестьянам. Так, в 1841 г. земли на душу мужского пола непрременных работников Ижевского завода, правда, вместе с общими с крестьянами других ведомств и мастеровыми, а также общественной запашкой (все они составляли около 12 %) приходилось около 6,4 дес., а в 1861 г. – 6,25 дес. (доля неразмежеванной земли и общественной запашки уменьшилась до 7,4 %)²⁵¹. Обеспеченность непрременных работников сенокосными угодьями была, пожалуй, наилучшей по сравнению с другими крестьянскими категориями.

Несмотря на ряд довольно значительных преобразований в земельной сфере, направленных на систематизацию и внесение определенности, четких границ в крестьянских земельных держаниях, в целом нельзя говорить об их успешности. Проблема малоземелья стояла пусть и не так остро, однако она все в большей степени начинала проявляться как вследствие естественного прироста населения, так и масштабного переселенческого процесса. Более удачной

оказалась фискальная сторона мероприятий: и генеральное, и специальные (полюбовные) межевания, и прирезки к крестьянским землям, в конечном счете, обогащали земельных собственников, крупнейшим из которых было государство. Немалые доходы официально и посредством коррупции извлекли также некоторые представители административно-управленческого аппарата и лица, тесно с ними связанные. Вместе с тем нельзя не отметить всю глобальность и необходимость проведенных реформ в земельной сфере, а также довольно частые проявления действительной заботы органов власти о подведомственных им крестьянах.

Необходимо отметить еще одно последствие государственных преобразований в земельной сфере, которое повлияло на характер крестьянского землепользования. На первую половину XIX в. приходится начало формирования передельных функций общины, развившихся, по этнографическим данным, в пореформенную эпоху²⁵². Периодические переделы земли были вызваны ее нехваткой. Недостаток обусловили не только естественный прирост населения и переселения русских крестьян на территорию Удмуртии, но и проведенное государством целенаправленное ограничение своих подданных в праве на пользование ранее никем не занятыми, по преимуществу лесными угодьями. Результатами во многом искусственно созданного земельного голода стали не только кризис трехполья, «лишенного подпитывающих элементов подсеки и перелога»²⁵³, но и резкое увеличение роли общины за счет усиления ее вмешательства в самый важный для крестьян вопрос – земельные отношения.

§ 4. Власть и нерусское крестьянство

В первой половине XIX в. правительственная политика по отношению к нерусским народам Приуралья и Поволжья, как отмечает в своей монографии швейцарский историк А. Капеллер, вернулась в прежние рамки толерантности. Во многом это объяснялось тем, что теперь они были «глубоко интегрированы в социальном плане в сословную систему России, а мордва, чуваша, марийцы и удмурты теперь и в религии были уравнены с русскими»²⁵⁴. Вместе с тем, мас-

совое крещение, проведенное в течение XVIII в. преимущественно насильственными мерами, нарушило устоявшуюся этно-конфессиональную структуру региона, но не привело к ее православному единообразию²⁵⁵.

Формально российское законодательство не содержало правовых ограничений по национальному признаку²⁵⁶. Вопросы межэтнических отношений, как правило, не выделялись и не рассматривались на государственном уровне в качестве особой проблемы. Отношение короны к нерусским народам как к объекту воздействия определялось степенью их «полезности» для казны и степенью их политической лояльности. Такое же отношение традиционно распространялось и на русских подданных. В связи с этим в России отсутствовало какое-либо специальное ведомство, занимавшееся исключительно «инородцами», в сфере права этнические особенности учитывались слабо, фрагментарно, в связи с какими-либо конкретно-утилитарными надобностями. Нерусские народы, прочно вошедшие в состав Российского государства или имевшие с ним многовековые культурно-политические и экономические контакты, были подведомственны местной администрации на общих основаниях, почти не испытывая на себе какого-то особенного внимания правительства²⁵⁷.

В податном, административном и юридическом плане по отношению к удмуртам, татарам, бесермянам, мари́йцам не наблюдалось дискриминации по сравнению с русскими крестьянами. Напротив, заинтересованное в росте численности податных душ, правительство Александра I 15 мая 1803 г. издало указ, предписывающий всех удмуртов Вятской губернии записывать в ревизские сказки по мере того, как они будут являться, не подвергая за это штрафу²⁵⁸. Наконец, нельзя не отметить тот факт, что крепостное и удельное крестьянское население Удмуртии, в правовом отношении уступавшее государственным крестьянам (хотя бы потому, что последние не являлись собственностью дворянских или царской семей), было русским. П.Н. Луппов, чья монография по настоящее время является наиболее полным трудом, раскрывающим особенности этно-конфессиональной политики на территории Удмуртии первой половины XIX в., на наш взгляд, справедливо причины этого видит как в не-

многочисленности названных категорий, так и «отчасти в общей политике правительства по отношению к инородцам, которых оно старалось беречь от всякого рода притеснений»²⁵⁹. Несколько особняком в этом плане можно поставить только удмуртов – неперенных работников Ижевского оружейного завода, вынужденных подчиняться «довольно суровому порядку». Сами они жаловались проезжавшему по Юскинскому приходу в 1836 г. епископу Нилу на «тяжесть своей доли», а примерно в это же время приходские священники обращались к епархиальному начальству с вопросом о необходимости выделения удмуртам-неперенным работникам свободного времени для «исполнения долга исповеди и святого причастия»²⁶⁰.

Наиболее отчетливо национальная политика Российского государства проявлялась в рассматриваемый период в его отношении к религии своих подданных. Русификация народов, их «разбавление» путем поощрения переселений русских крестьян являлись неотъемлемыми целями российской имперской политики. Столпами же русификации были распространение русского языка и, прежде всего, христианизация²⁶¹.

Конфессиональная политика правительства менялась в соответствии с изменением внутривластного курса Александра I и Николая I. Для политики Александра I был характерен религиозный индифферентизм. Провозглашалась свобода вероисповедания, но с условием не подрывать интересы «господствующей и первенствующей» православной церкви, верности монархии и ее прославления. Свобода вероисповедания вместе с тем исключала навязывание православным иной веры. Конфессиональная политика Николая I соединяла предоставление православной церкви ряда льгот и материальную поддержку духовенства с жесткими мерами по наведению в управлении церковью «должного порядка и дисциплины», что, в конечном счете, выразилось в еще большем ее подчинении светской власти. Во время его правления епархиальное начальство было поставлено в двойное подчинение – Синоду (точнее, его обер-прокурору) и губернаторам, для чего были изменены границы епархий таким

образом, чтобы они совпали с губернскими. Епархиальные архиереи фактически становились как бы помощниками губернаторов по церковным делам²⁶².

В целом для первой половины XIX в. П.Н. Луппов выделяет два периода в развитии христианского просвещения: «Первый, обнимающий собой 28 лет XIX века (1801-1828), характеризуется слабым вниманием центральной власти к делу просвещения...; во вторую же половину это внимание значительно усиливается»²⁶³.

Вопросами христианизации в основном занимались следующие ведомства светской власти: император (на месте: губернатор), министерства: внутренних дел (на местах: Вятское губернское правление, земские исправники, дворянские и сельские заседатели, с 1837 г. – становые приставы), финансов (Вятская казенная палата), государственных имуществ (Вятская палата государственных имуществ и окружные начальники), юстиции (уездные суды, палаты уголовного и гражданского суда, губернские и уездные органы прокуратуры) и, наконец, волостные и сельские правления.

Большая часть распоряжений, изданных правительством в XVIII в. относительно участия гражданской администрации в миссионерском деле среди новокрещеных инородцев, сохранила свое значение. Так, указ о предоставлении им трехлетней льготы в платеже податей был подтвержден Государственным советом 17 июня 1825 г. Этим же законом подтверждалось освобождение новокрещеных от личной рекрутской повинности; положение о льготе в последующем было введено в Рекрутский устав (1831 г.). Однако получить эти льготы было достаточно сложно. Так, в 1844 г. Сарсак-Омгинское волостное правление (Елабужский уезд) «ходатайствовало о даровании льготы» удмурту д. Удьяди-Салыи Илику Илькину, крестившемуся в марте в с. Данилове Сарапульского уезда и принявшему новое имя Кирилл Иванов Шамшурин. В конце июля Елабужское окружное управление удосужилось отправить отношение в Сарапульское духовное правление с просьбой о подтверждении факта крещения. Видимо, не получив ответа, оно в мае 1845 г. просит «поспешить» подтвердить, «точно ли вотяк Илик Илькин принял святое крещение и назван Карпом (под-

черкнуто мной – Н.П.)»; и лишь 3 июля духовное правление «уведомляет» окружное управление и действительности факта крещения, при этом уточняя новое имя Илькина. О дальнейших мытарствах не сообщается, но стоит полагать, что они были²⁶⁴.

Местная администрация должна была следить за тем, чтобы принявшие крещение ходили в церковь и исполняли православную обрядность, не совершали «суеверных обрядов» и не отходили от православия. По желанию новокрещен могли переселять в другие деревни, не «зараженные» иноверием²⁶⁵.

В отношениях церкви и государства в целом можно отметить своеобразный дуализм. С одной стороны, можно согласиться с мнением, что нередко утилитарные, фискально-экономические интересы государственной власти входили в конфликт с идеологическими установками, проводником которых во многом была церковь²⁶⁶. С другой стороны, православная церковь не оставляла надежды сделать народы Поволжья, в том числе и удмуртов, истинными христианами²⁶⁷. Однако в борьбе с язычеством она не рассчитывала только на свой авторитет и силу проповеди, инициатива, руководство и надзор за миссионерским делом принадлежали центральной светской власти. Несмотря на то, что с 1830 г. в Вятской губернии действовала православная миссия и в каждый уезд с нерусским населением были назначены особые миссионеры, основные надежды на содействие в дальнейшем распространении христианства и укрепление ранее крещеных в христианских убеждениях по укоренившейся привычке церковные деятели возлагали на светскую власть. Вятские епископ и духовная консистория неоднократно обращаются к губернатору, губернскому правлению и палате государственных имуществ (с 1839 г.) с просьбами о содействии полиции в уничтожении остатков язычества у новокрещеных и приучении их к христианским обрядам. Духовные власти просили светскую администрацию дать распоряжения об уничтожении построек и предметов языческого культа, о выселении языческих жрецов, о содействии против «упорствующих», о принятии «бдительных мер» к удержанию от исправления языческих обрядов, о «дея-

тельном и неослабном» надзоре за новокрещеными, о предании отступников суду, о побуждении к хождению в церковь и т.д.²⁶⁸

Характерная переписка между духовными и светскими властями происходила в 1838 г. После донесения протоиерея глазовского Преображенского собора (и одновременно миссионера) И. Стефанова вятскому епископу Неофиту последний довел до сведения губернатора И.П. Хомутова, что «в четырех приходах Глазовского уезда прочтение в Балезинском волостном правлении губернской газеты, в которой описаны прежние вотские обычаи, колебало умы новокрещеных вотяков и послужило им поводом обратиться к прежним своим языческим заблуждениям». Обнародование волостным писарем статьи в газете* с описанием бытовавших среди язычников обрядов, по мнению духовенства, было воспринято удмуртами как дозволение вернуться к язычеству. Губернатор приказал «взять писаря Балезинского волостного правления под строгий пригляд и произвести над ним... строгое и беспристрастное исследование». Предписывалось внушить удмуртам «со всею осторожностью и не вдруг, а постепенно, что означенная статья в губернских ведомостях не только не заключала в себе разрешительного указа на совершение языческих обрядов веры, но, напротив, составляла описание заблуждений вотяков или предосуждение идолопоклоннических обычаев их, и что правительство отнюдь не разрешает, а запрещает уклоняться в язычество». После проведенного следствия выяснилось, что волостной писарь в действительности лишь прочитал языческие молитвы на волостном сходе, «дабы увериться, точно ли сии молитвы вотяки, т.е. новокрещены из вотяков приносят Господу Богу». Никаких преследований по этому делу не было, если не учесть того, что участников злополучного схода 1838 г. доносили следствием и судом вплоть до 1841 г.²⁶⁹

В делах подобного рода мы не встретим сколь-либо значительного наказания за рецидивы язычества. Причиной такого отношения прежде всего явля-

---

* В Вятских губернских ведомостях за 1838 г. (№3. С.11-14; №5. С.23; №10. С.45-46) А.И. Герцен опубликовал статью «О вотяках и черемисах», в которых приводил удмуртские молитвы. В нашем случае духовенство имело в виду приложение № 5 к № 9 официальной части газеты.

ется то, что высшие органы власти воспринимали это довольно мягко. Тем не менее, сам процесс разбирательства, возникающие в его ходе волокита и злоупотребления достаточно эффективно влияли на успешную христианизацию: опасаясь самого факта разбирательства, новокрещены хотя бы внешне пытались показать себя правоверными христианами. Чиновничье-бюрократический аппарат на местах и духовенство использовали в своих корыстных интересах особенности этнического характера и менталитета финских народов, плохое знание ими законодательства. По замечанию А.И. Герцена, «настоящий клад для земской полиции – это вотяки, мордва, чуваша... Исправники дают двойной откуп губернаторам за назначение в их уезды, населенные финнами. Полиция и чиновники делают невероятные вещи с этими бедняками»²⁷⁰.

Достаточно строгими были наказания за нетрадиционные, по мнению церкви и светской власти, проявления религиозных исканий, своеобразное сектанство, смешение новокрещеными православных и традиционных верований. Так, в 1808 г. 33-летний удмурт Балезинской волости Глазовского уезда Осип Максимов был наказан плетью и отдан в рекруты. Кара последовала за разглашения о встрече с «Кылчанином, а по-русски богом» («непомерной величины в белом одеянии и таковой же высокой шапке..., подпоясанный белым кушаком, имеющий большую белую бороду, в белых перчатках, и немалой величины на груди крест»), «который будто бы подошел к нему и в скором времени без чувствительной болезни и кровотечения разрезал кошелек детородного уда и вынул из оногo... яйцо», повелев объявить об этом деревенскому десятнику²⁷¹. В 1820 г. крещеный удмурт Зуринской волости Глазовского же уезда д. Камешницкой Яков Перевошиков после Петрова дня («во время самого покосу были большие дожди и он ходил в поле»), был остановлен «богом в двух лицах на белых лошадях, один из них седой, старый, а другой молодой, тонкий, и оба в белых одеяниях». Боги по-удмуртски приказали ему бросить старую языческую веру, не приносить в жертву лошадей и молиться единому богу. При этом, однако, предлагалось принести в жертву 10 быков, 40 баранов, 40 гусей и 40 уток, «которые бы были все белые». За это ему якобы обещалось, что дожди

прекратятся, если при этом никто не будет носить синие одежды, от которых «тяжело жить и пристают разные болезни». Данное моление было проведено, и через некоторое время Перевощикова посетил некий невидимый дух, «научивший» его ворожить. Слух о боговидце быстро распространился по всей округе, в Камешницкую стали съезжаться люди, «чтобы узнать от него всю справедливость лично», появился своеобразный культ в пределах волости. «С общего согласия» были избраны женщины и девушки «для петья песен при замаливании баранов». Возможно, что новое учение распространилось бы и дальше, но новоиспеченный пророк сам ограничил свои возможности, «так как бог приказал ему ворожить только своим волощанам». Развитие культа было остановлено арестом Я. Перевощикова и двух его ближайших помощников. Зачинщик был наказан 40 ударами плетьюми, а его помощники – 30 ударами батогами; первоначально 47-летнего Перевощикова собирались сослать в Сибирь «по негодности к воинской службе», но в итоге все они были отданы под надзор «мирского общества». Всем удмуртам, бывшим на молениях, было приказано присутствовать при наказании главных зачинщиков. Предпринимались также попытки привлечь к ответственности волостного голову, старшину и церковного старосту за «знание и недонесение кому следует» о происходящих событиях, но не достало конкретных доказательств этого и признания обвиняемых²⁷².

Отношение к удмуртам и представителям других народов, которые оставались некрещеными, стало сдержанней после издания указа «О терпимости всех вероисповеданий...» (17 июня 1773 г.). В сентябре 1828 г. удмурты д. Уцельты Сюмси-Можгинской волости Малмыжского уезда пожаловались губернскому прокурору на угрозы преследований со стороны местного духовенства и волостного начальства, принуждавших их к крещению. Прокурор сообщил об этом факте губернскому правлению, от которого последовали уведомление духовной консистории и предписание Малмыжскому земскому суду о защите «от всякого стеснения в отправлении вероисповедания»²⁷³.

В 1830-х гг. вятское епархиальное начальство ходатайствовало о том, чтобы лиц, «плохо утвержденных в христианской вере», не назначать на долж-

ности волостных голов. В 1835 г. вятский епископ Иоаникий и вятский губернатор обратились в Комитет министров с просьбой издать особое распоряжение об избрании волостными головами в удмуртских волостях непременно русских людей. Мотивировка просьбы была достаточно показательной: волостные головы вместе с земской полицией и чиновниками должны были осуществлять неослабный надзор за удмуртами с целью скорейшего искоренения язычества. В действительности же, наоборот, волостные головы сами нередко участвовали в языческих жертвоприношениях. Вышестоящая инстанция не нашла возможным исполнить эту просьбу: «определение в волости, населенные вотяками волостных голов из посторонних казенных поселян было бы несогласно с узаконениями»²⁷⁴. Но вместе с этим 30 апреля 1838 г. был подписан указ, разрешавший избирать на административные должности только русских или нерусских крестьян, исповедующих православие²⁷⁵.

В 1837 г. уже следующий вятский епископ Неофит предложил привлечь полицию к уничтожению всех существующих языческих мольбищ и к преследованию язычников за устройство новых воршудов и совершение языческих обрядов. Святейший Синод обратился с этой просьбой к министру внутренних дел графу Блудову. Министр выразил сомнение в возможности привлечения полиции в претворении указанных в просьбе Неофита мер из опасений, что «они могут при этом показаться для некрещеных вотяков гонением и дать повод к ропоту, а может быть даже к самым между ними волнениям». Блудов представил эти обстоятельства на высочайшее императорское рассмотрение. Резолюция Николая I подчеркивала: «чтобы в подобных обстоятельствах руководствоваться объявленным уже высочайшим повелением, чтобы не преследовать сих людей за невежество, но местному духовенству стараться заменять таковые обряды установленными православной церковью молебствиями». В 1836-1837 гг. Синод и Министерство внутренних дел неоднократно обращались непосредственно к Николаю I по поводу конкретных случаев языческих молений, в частности в Чутырском и Шарканском приходах. Сам факт этих обращений свидетельствует о том, насколько большое значение придавалось борьбе с

языческими предубеждениями удмуртов. Однако резолюции императора на эти обращения продолжали оставаться достаточно мягкими: «ограничиться только духовным увещанием и не тревожить народ исследованиями о сих обрядах». По указу 19 мая 1837 г. предписывалось изъять из ведения местных органов светской власти все дела о совершении языческих обрядов и передать их непосредственно в ведение Министерства внутренних дел²⁷⁶. По замечанию П.Н. Луппова, в каждом распоряжении императора содержались указания двойственного характера: «С одной стороны, повелевается не преследовать новокрещеных, замеченных в отступлении или уклонении от христианства; с другой, рекомендуется приходскому духовенству заботиться о замене языческих молений христианскими молебствиями». Запрет преследований обычно мотивировался невежеством новокрещеных, кроме того, «в одном случае» указывалось на «старинное предубеждение»²⁷⁷.

Можно отметить, что с 1837 г. вследствие многократных напоминаний о непреследовании новокрещеных за совершение языческих обрядов число обращений епархиального начальства к полиции за содействием в борьбе с язычеством стало заметно сокращаться²⁷⁸.

В 1846 г. министр государственных имуществ П.Д. Киселев секретно представил обер-прокурору Синода программу мер по борьбе с язычеством удмуртов, предполагавшую более или менее цивилизованные формы в рамках законности, исключавшую наиболее грубые меры полицейского произвола. Киселев предлагал уничтожать воршуды только у новокрещеных, имея ввиду, что ликвидация домашних молелен представляет опасность больших злоупотреблений и крайних притеснений для народа. Предлагалось также прекратить насильственные действия и не высылать представителей языческого культа в отдаленные места, в то же время запрещалось выбирать их из числа новокрещен, собирать какие-либо деньги на их содержание без особого решения мира и утверждения этого решения палатой государственных имуществ и т.д. 22 марта 1846 г. эта программа получила полное одобрение царя²⁷⁹.

Новый правительственный курс, оставлявший в арсенале местных органов власти и церкви только меры убеждения, не совсем устраивал эти органы. В ответ на толерантность высших эшелонов власти местная бюрократия стала исподволь доказывать, что коснеющие в язычестве удмурты гораздо опаснее, чем представляется на первый взгляд, что за стенами языческих капищ происходят страшные вещи, не совместимые с человеческим образом жизни. В итоге в 1848-1854 гг. в Малмыжском уезде были сфабрикованы и рассмотрены два дела о человеческих жертвоприношениях, ставшие прологом знаменитого Мултанского дела. Оба дела закончились оправданием обвиняемых, несмотря на тщательное расследование доказательств вины выявить не удалось, тем не менее прецедент, получивший развитие уже в конце XIX в., был создан²⁸⁰.

Тем не менее при утверждении нерусских народов в православии упор делался в большей степени все же на убеждении и образовании. Крупнейшим мероприятием первого периода христианского просвещения (1801-1828 гг.) стал указ Синода о переводе на языки народов Вятской губернии символа веры, десятословия, церковных молитв и катехизиса (1803 г.). Перевод на марийский язык осуществил священник М. Кувшинский (г. Царевосанчурск Яранского уезда). Над удмуртскими переводами работали священники Глазовского духовного правления Н. Невоструев (с. Укан), А. Бабайлов (с. Полом), З. Кротов (с. Елово) и С. Анисимов (с. Балезино). Не были сделаны переводы для новокрещеных татар в связи с тем, что в духовном ведомстве не нашлось знающих их языка²⁸¹. В этом же ряду стоят указы об употреблении родного языка при обучении детей инородцев грамоте, при церковной службе, а также о назначении в церковнослужители инородческих приходов лиц, знающих инородческий язык (1804 г.). Эти предписания фактически имели лишь рекомендательный характер. Когда же, например, по инициативе вятского отделения Российского библейского общества были переведены на удмуртский язык евангелия и даже началось печатание перевода евангелия от Матфея, Синод «не принимает мер к окончанию начатого печатания и к изготовлению других переводов в целях распространения их среди вотяков»²⁸². Хотя, если бы публикация этих перево-

дов и была завершена, значительных результатов нельзя было ожидать в силу подавляющей неграмотности как в целом крестьянства, так его нерусской части в особенности.

Можно также отметить предписание от 10 января 1810 г. о штрафах «земными поклонами за небытие у исповеди и причастия».

Активизация христианизации происходит после 1828 г. Одной из причин стал тот факт, что в 1827-1828 гг. многие татары, марийцы и удмурты Казанской губернии начинают отказываться от православия и обращаются к правительству с просьбами о возвращении к своим традиционным религиям – исламу и язычеству. Дальнейшее бездействие в миссионерском деле могло усилить позиции ислама в регионе и содействовать возврату язычников в священные рощи. Подобная перспектива совершенно не устраивала ни церковь, стремившуюся к конфессиональному лидерству, ни тем более правительство, которое видело в христианизации нерусских народов главное условие укрепления устойчивости самодержавия²⁸³.

В этот период по инициативе императора происходит усиление надзора за приходским духовенством с выделением особых сумм епархиальным епископам на расходы по посещению епархий. Затем последовали распоряжения относительно просвещения татар и марийцев Вятской губернии, поставившие на очередь общий вопрос об организации миссионерского дела среди остальных народов. Результатом явилось восстановление православной миссии для всех инородцев Вятской губернии (1830 г.), отмененной в конце XVIII в.

Сама практическая миссионерская деятельность не имела четкой структуры и организации, деятельность каждого из миссионеров имела свое лицо. Так, миссионер И. Стефанов (Глазовский уезд – Н.П.) более серьезное внимание обращал на контроль за деятельностью приходского духовенства, вел борьбу с колдунами, жрецами и пр., стремился к уничтожению «молитвенных мест», преподавал духовенству «руководственные указания и вообще, будучи проникнут любовью к делу миссии, старался внести в него какие-либо улучшения». Миссионер Двинянинов (Сарапульский уезд – Н.П.) главным образом боролся с

языческими жертвоприношениями новокрещеных, часто прибегая к мерам внешнего воздействия – «запечатыванию шалашей, привлечению полицейских властей». Миссионер Шубин (Дебесский) являлся «представителем главным образом духовных, увещательных мер». А, например, миссионер Виноградов (Нылга-Жикья) вообще отличался пассивностью и нежеланием работать «по делам миссии»²⁸⁴. В целом миссионеры являлись в большей степени не проповедниками, а наблюдателями и контролерами, следящими за деятельностью духовенства в новокрещенских приходах и за поведением прихожан.

Одним из наиболее ярких показателей усиления активности конфессиональной политики со второй четверти XIX в. может являться резкое увеличение численности приходов в районах проживания самого многочисленного из нерусских народов края – удмуртов (См. таблицу V).

Таблица V

Удмуртские приходы в первой половине XIX в.

Уезды	Число приходов с удмуртским населением до 1801 г.	Открыто вновь		
		1801-1830 гг.	1830-1850 гг.	Всего к 1851 г.
Глазовский	13	–	12	25
Сарапульский	9	1	6	16
Елабужский	7	–	5	12
Малмыжский	10	–	8	18
Слободской	2	–	–	2
Итого	41	1	31	73

Источник: Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С.249.

Духовенство нерусских приходов Вятской губернии не получало денежного жалованья от государства, в целом имело меньше земли, чем причты в русских приходах. Основным источником его существования были платежи населения. Эти платежи были «разнообразны и, в общем, довольно значительны», что, по замечанию П.Н. Луппова, было вызвано «во-первых, сравнительно материальной состоятельностью вотяков, наличием среди них зажиточных и даже богатых людей и, во-вторых, их темнотою, невежеством, боязнью иметь дело с присутственными местами и отдельными гражданскими чиновниками»²⁸⁵. Общеизвестен тот факт, что удмурты и другие финские народы подвергались большим поборам как стороны светской власти, так и со стороны духо-

венства. Одним из немногочисленных положительных моментов сложившейся ситуации были преемственность, лучшая образованность духовенства удмуртских приходов: в 1830-х гг. уже две трети священников имели образование не ниже философского класса духовной семинарии. Знание удмуртского языка для многих священников, некоторые из которых уже с детства жили среди крестьян-удмуртов, было естественно: «Во всяком случае, священники вотских приходов по знанию языка прихожан выгодно отличались от священников инородческих приходов других епархий того времени, особенно приходов татарских»²⁸⁶. Однако даже передовые представители духовенства не пытались сделать христианство понятным для удмуртов и других нерусских народов Удмуртии: все обряды православия проводились на русском языке. Это, а также то, что новокрещены в служителях православного культа видели не духовных пастырей, а прежде всего чиновников, приводило к такому последствию, когда «во взаимоотношениях русского священника и нерусского крестьянина не было того единодушия в вопросах веры, какое можно было наблюдать в мусульманской общине»²⁸⁷. Подобное же происходило в сфере светской власти. Лишь в 1860 г. Министерство внутренних дел по представлению вятского губернатора предложило выбирать на 3 года в земские суды уездов Вятской губернии, в которых проживали нерусские народы, по особому для каждого языка переводчику. Предполагалось использование этих переводчиков также и в городских судах. Жалованье по 57 руб. 14 ¼ коп. в год предполагалось производить из общих губернских земских повинностей. 26 апреля 1860 г. император утвердил это положение²⁸⁸.

Уже в первой половине XIX в. довольно широкое распространение получило соединение христианского богослужения с языческими обрядами, ставшее «компромиссом между желанием духовенства и воззрениями язычествующих новокрещеных». И это несмотря на то, что за такие действия духовенство подвергалось наказаниям, например, переводу в бедный приход²⁸⁹.

Самым тесным образом с конфессиональной политикой по отношению к удмуртам был связан вопрос о кумышке – алкогольном напитке, сопровождав-

шем их языческие обряды и другие традиционные празднества. Так же, как и проблемой искоренения язычества, «кумышечным вопросом» в первой половине XIX в. неоднократно занимались высшие органы государства: Сенат, Синод, Комитет министров, министерства внутренних дел и государственных имуществ и сам император.

В период 1749-1751 гг. производство кумышки было запрещено. 8 февраля 1802 г. Александр I дал удмуртам Вятской губернии право выкуривать кумышку «только для домашнего обихода, чтобы количество оной отнюдь не превосходило домашних нужд» на условии выплаты дополнительных 25 коп. с каждой души мужского пола так называемых «прибыльных денег». Эта акция была предпринята после длительного обсуждения и вызвана тем, что ревизовавшие Вятскую губернию в 1800 и 1802 гг. сенаторы отнесли к числу важнейших злоупотреблений по отношению к удмуртским крестьянам принуждение закупать казенное вино.

Кумышка становится основным поводом для обращения высших эшелонов власти, таких как министерства финансов и юстиции, затем и Министерство государственных имуществ, Комитет министров, Сенат и непосредственно император, к удмуртской проблеме. За 1800-1855 гг. ей было посвящено 18 указов, распоряжений и положений²⁹⁰. В 1818 г. по ходатайству Министерства финансов последовал очередной запрет на производство, домашнего вина, мотивируемый вредными последствиями его выкуривания для казенных откупов и нравственности народа. В 1827 г. по предложению вятского губернатора «в уважение к привязанности к сему напитку и невозможности прекратить всегдашние покушения их (удмуртов – Н.П.) к приуготовлению оногo» запрет был снят. Не обошлось и без курьезов. Давая разрешение, Сенат определил «воспретить вотнякам делание кумышки из хлеба, внушив им, что в противном случае они подвергнутся всей строгости законов». Разрешение распространялось на приготовление кумышки «из кислого молока». Министерство юстиции, подключившееся к «кумышечной проблеме», нашло, что «вотяки никогда не делали кумышку из молока» и что «кумышка есть обыкновенной доброты хлебное

вино, высиживаемое вотяками от избытка остающегося у них за распределением хлеба»²⁹¹. При подготовке новых условий на винные откупа 1828-1831 гг. право на изготовление кумышки было определено как «ненарушимое», вместе с тем подчеркивалось, «чтобы под видом кумышки не было высиживаемо горячего хлебного вина. Последнее обстоятельство стало новым поводом для сомнений и разбирательств. В 1831 г. вопросом о кумышке вновь занимались и Сенат, и Комитет министров, и Министерство внутренних дел и Министерство финансов, которые в очередной раз усомнились в ее хлебном происхождении»²⁹². В 1845 г. согласно положению Комитета министров от 17 июля 1844 г. в Глазовском, Сарапульском и Елабужском уездах была введена особая административная должность корчемного заседателя при уездном суде «для прекращения усилившегося корчемства». В Малмыжском уезде такая должность была введена в 1847 г.²⁹³

В 1846 г. министр финансов внес в Сенат и Комитет министров очередное ходатайство о запрете на изготовление кумышки. Кабинет министров был не склонен соглашаться с доводами финансового ведомства, полагая что «когда курение кумышки будет запрещено, многие из вотяков будут корчемниками по сильной привязанности к ней, а преследование корчемщиков приведет к разорительным штрафам, к расстройству благосостояния народа»²⁹⁴. 28 мая 1846 г. император утвердил положение Комитета министров относительно кумышководарения среди удмуртов Вятской губернии, по которому для «уменьшения корчемства» право курения кумышки за ними сохранялось. Согласно этому положению удмуртам было запрещено для приготовления кумышки употреблять усовершенствованную посуду, кубы и другие емкости, используемые в промышленном винокурении, в противном случае виновный подвергался суду «как за корчемство», а селению, где это произошло, запрещалось готовить этот напиток²⁹⁵. Дополнения к ранее сформированным условиям кумышководарения гласили, что «кумышка сия должна быть ничто иное, как тонкая брага, выделяемая посредством перегонки известного количества солода, ржаного хлеба, овсяной муки и дрожжей, а потому крепость ее по гидрометру Гесса, приме-

ненного к спиртомеру Траллеса, должна быть ниже полугара не менее 60 градусов». Запрещалась перегонка, кроме того, кумышковарением могли заниматься только удмурты, проживавшие в сельских местностях Вятской губернии, и только для домашних нужд. При этом крестьяне через органы самоуправления были обязаны заранее извещать управляющих акцизно-откупных сборов и корчемных заседателей о времени приготовления кумышки, чтобы последние вместе с сельским начальством могли проконтролировать «правильность приготовления» продукта. Населенные пункты, где обнаруживалась продажа кумышки, нарушались правила ее производства, лишались в дальнейшем права ее курения, а лица, непосредственно виновные в этом, подвергались судебному преследованию²⁹⁶.

Главными инициаторами и активными действующими лицами борьбы с кумышкой являлись откупщики и их служащие: «Они подают жалобы и прошения правительственным учреждениям в Вятке и Петербурге, чинят надзор, производят обыски, подлоги, привлекают вотяков к суду...»²⁹⁷. Так, в октябре 1851 г. Елабужское акцизно-откупное комиссионерство жаловалось председателю Вятской казенной палаты, что удмурты не предупреждают или предупреждают со значительным опозданием о курении кумышки, притом получаемый продукт зачастую бывает крепче установленной нормы, которым они «снабжают... посредством продажи или мены русских и старокрещен». В связи с этим председатель казенной палаты просил разрешения губернатора на печатание за счет денежных средств откупа 2 тысяч экземпляров с выдержками из «Положения об акцизно-откупном комиссионерстве», «чтоб чрез земскую полицию выдать в случае надобности всем домохозяевам вотского племени»²⁹⁸.

По справедливому утверждению М.В. Гришкиной, при всей, казалось бы, незначительности предмета, кумышка наглядно аккумулировала всю противоречивость отношения власти к традициям и обычаям удмуртов. С одной стороны, правительственные органы выступали в качестве охранителей этих традиций, стремясь оградить их от злоупотреблений винных откупщиков и акцизных служителей. С другой стороны, бюрократический аппарат был заинтересован в

соблюдении фискальных интересов казны и стремился возместить могущие возникнуть убытки для винных откупов за счет тех же удмуртов: за право выкуривать кумышку они платили своеобразный налог. Не забота о здоровье и нравственности народа, а узко прагматический подход просматривался и в этом аспекте правительственной этно-конфессиональной политики²⁹⁹. Однако вместе с тем правительству во многих аспектах была выгоднее полная отмена кумышковадения. Стремление к унификации податных сословий предполагало отказ от какого-либо учета этнической и религиозной специфики, тем более что формально конфессиональная особенность (язычество) в XIX в. наличествовала у незначительной части удмуртского этноса. Власти стремились утвердить его в православии, по замечанию же священников, удмурты считали, что если можно варить кумышку, то и молиться по-своему не запрещено³⁰⁰.

Разумеется, стоит учитывать многочисленные проявления открытого недовольства целого народа, вызванные запретом традиционного продукта. Однако это не могло послужить действительной причиной разрешительных указов, скорее, наоборот, мы чаще сталкиваемся с ужесточением гнета после успешного подавления волнений. Пожалуй, в большей степени свою роль сыграли своеобразные взаимовлияющие факторы: запрет кумышковадения вызвал пассивное сопротивление*. Варить кумышку стали тайно, а это, в свою очередь, привело к ужесточению преследований местных представителей власти, а значит, и к росту коррупции. В итоге получилось, что запрет на производство традиционного обрядового алкогольного напитка только загнал это производство в подполье и дал лишний повод для обирания народа власть имущими на местах. Центральная власть, заново разрешая кумышковадение, возвращалась к status quo, оставляя на будущее разрешение возникшей проблемы.

В качестве заключения считаем необходимым с учетом всего вышесказанного обратиться к последней изданной работе, непосредственно касающейся настоящего вопроса. Красочная и разрекламированная монография Е.Ф. Шуми-

---

* Удмуртам как крестьянам и как представителям этноса со своеобразным менталитетом в рассматриваемое время в большинстве случаев уже не было присуще открытое противостояние победителям – государству и доминирующим нациям

Е.Ф. Шумилова³⁰¹ имеет в содержании, на наш взгляд, много спорных и явно натянутых моментов. Действительно, невозможно полностью согласиться с утверждением о «перманентной и исключительно русской нетерпимости, определявшей борьбу церкви с удмуртским (да, пожалуй, и любым – Н.П.) язычеством»³⁰². Однако со многими приводимыми автором доказательствами этого тезиса можно поспорить. Так, приведенные выше факты позволяют говорить о голословности утверждения об идеальном кротком, посредством «одного убеждения» общении с нерусскими народами большинства представителей российского духовенства. Нельзя называть отношения православия с исламом и другими религиями простой конкуренцией, т.к. последняя подразумевает создание равных условий, а этого не было. Православие как официальная государственная религия обладало рядом значительных преимуществ. Нельзя считать простой конкуренцией то, что людям запрещалось переходить из православия в иные религиозные системы с одновременным поощрением обратного перехода. Утверждать, что официальная церковь благодушно относилась к таким проявлениям язычества среди крещеных удмуртов и других народов, как кумышка, молельни, обряды, как мы могли выше заметить, неверно. Соединение православных обрядов с языческими нельзя объяснять тактичностью духовенства, таким образом оно просто пыталось по-своему бороться с язычеством. Действительно, не было насильственных, с применением военной силы действий в крещении, выселения упорствующих. Но в этом и не было нужды. Кровь проливалась раньше, теперь же было достаточно простого присутствия и контроля (весьма, кстати, значительного и всеобъемлющего) со стороны земской полиции, окружных начальников, миссионеров... Наконец, весьма натянутым будет утверждать о наличии у удмуртов родовых общин, которые были уничтожены только лишь советской властью. Действительно, удмуртская община была более консервативна, чем русская, являлась оплотом «религиозной независимости», как, впрочем, и любого проявления крестьянского традиционализма, но она уже давно являлась территориальной соседской общиной³⁰³. Нельзя не отметить также отсутствие в монографии Е.Ф. Шумилова необходимых для науч-

ной работы выверенных и точных ссылок. В целом нельзя говорить об абсолютной бескровности христианизации для «новой паствы удмуртского края»³⁰⁴ хотя бы потому, что в объективной реальности ничего абсолютного в принципе не может быть, все относительно. В результате христианизации и других проявлений этно-конфессиональной политики власти многое было утеряно. В этом ряду прежде всего необходимо сказать об утраченном чувстве самоуважения у многих народов бывшей Российской империи. Несмотря на отмеченное стремление правительства не делать различий между народами в своей обыденной политике, как минимум субъективно, на эмоциональном уровне русский народ ставился им выше остальных³⁰⁵. Достаточно вспомнить те термины, которые использовались для обозначения нерусских народов – «инородцы», «поганые», «язычники» и т.д. С другой стороны, говорить о национальном гнете также будут неверно. По замечанию В.М. Кабузана, в первой половине XIX в. национальный гнет проявлялся далеко не с такой силой, как в пореформенный период. Национальное самосознание у многих народностей тогда не получило еще большого развития. Проживавшие изолированно и не имевшие своей письменности народности окраин не могли в полной мере ощущать национальный гнет. В России дореформенного периода отношение царизма к эксплуатируемым податным сословиям-классам было одинаковым и не зависело от этнической принадлежности включенного в них населения. Исторически сложилось такое положение, когда подавляющая часть нерусских народностей попала в разряд государственных крестьян и городских податных сословий, т.е. тех категорий населения, которые находились в сравнительно привилегированных условиях, ассимиляция (в дореформенный период в основном естественная) протекала крайне замедленными темпами. Весьма интересно также утверждение ученого, что Россия «являлась тюрьмой народов, в которой национальные меньшинства были лишены возможности создать свою государственность, развивать свою культуру. Однако к этому вопросу необходимо подходить исторически и комплексно. В эпоху позднего феодализма включение национальных окраин в состав России объективно являлось для большинства из них прогрессивным. Ца-

ризм, безусловно, эксплуатировал нерусские народности, но, во всяком случае, не в большей мере, чем свой собственный народ, а нередко и в меньшей. В этом отношении Россия являлась тюрьмой народов едва ли не в первую очередь для русского народа»³⁰⁶.

Необходимо согласиться с мнением, что в первой половине XIX в. политика Российского государства по отношению к народам Удмуртии не была последовательной. На разных этапах она была различной: с одной стороны, наблюдалось желание сохранить характерные специфические черты народов, а с другой стороны, четко прослеживаются тенденции к унификации, к поглощению их в общем крестьянском море. По этой причине этнические особенности и традиции учитывались только тогда, когда они были выгодны для казны. Конечной целью христианизации всегда была русификация; не было случайностью, когда миссионеры докладывали, что они стараются убедить новокрещеных не говорить на родном языке как очень бедном и ненужном, не носить народный костюм и т.д.³⁰⁷

§ 5. Социальный протест крестьянства

Как мы могли заметить, в конце XVIII – первой половине XIX в. происходили важные изменения в жизни крестьян. Многие из них были спровоцированы государством. Далеко не все воспринималось однозначно положительно. Наоборот, любые преобразования влекут за собой в обыденном сознании опасения, не всегда необоснованные, о возможности ухудшения положения в результате реформ. Наиболее типичным ответом для традиционного крестьянства являлись различные по характеру и масштабам социальные выступления. Акты проявления недовольства и реакция на них органов власти, безусловно, являются составной частью взаимоотношений крестьянства и власти.

Начало относительно крупным крестьянским выступлениям XIX в. на территории не только Удмуртии, но и всей Вятской губернии положили отличающиеся «робостью» удмурты.

В конце XVIII в. правительством разрабатывались проекты реформирования системы обеспечения казенных заводов вспомогательной рабочей силой. К 1803 г. по проекту директора берг-коллегии М. Соймонова было решено заменить приписных крестьян так называемыми неперемными работникам, которые бы составляли примерно 1/20 часть от числа первых и постоянно занимались вспомогательными заводскими работами. Проект А.Ф. Дерябина (29 декабря 1802 г.) согласовался с основными положениями проекта М. Соймонова.

Задуманная первоначально во всероссийском масштабе замена приписных крестьян неперемными работниками была осуществлена лишь на Уральских заводах, к числу которых принадлежали Ижевский и Воткинский заводы.

В целом новая система организации недорогой рабочей силы для нужд казенной промышленности была выгоднее для крестьян, чем прежняя. Ликвидировались такие недостатки приписной системы, как отдаленность многих селений приписных крестьян от заводов, необходимость основной массы приписных участвовать в заводских работах, – все это не могло не сказываться пагубно на их хозяйстве. Крестьяне, попавшие в категорию неперменных работников, получали ряд льгот. Прежде всего декларировалось исключение из подушного оклада, освобождение от всех государственных повинностей (на деле изначально, как минимум, было сохранено отбывание дорожной повинности), прощение прежних недоимок. Как «благости и милости» преподносились также следующие меры: 1) предоставление дома, у кого его нет, или 100 руб., у кого есть, плюс 18 руб. 67 коп. на его содержание; 2) «каждому конному работнику – 3 лошади с упряжью или 189 руб. 15 коп. да на фураж 9 руб., вообще же каждый конный работник получит 316 руб. 82 коп.»; 3) «во время заводской работы безденежно провиант»; 4) увольнение от заводских работ в летние месяцы; 5) денежное жалованье в год 20 руб.; 6) «на лошадь в день 20 фунтов овса, что на 8 месяцев на 2 лошади – 120 пудов»; 7) «деньги от завода на покупку новых лошадей, если со старой что случится»; 8) «работники чтоб здоровы и не старее 40 лет, других ограничений нет»; 9) предоставление неперменным работникам всех земель и угодий, которыми они владели ранее; 10) возможность нанять на

заводские работы вместо себя другого крестьянина с согласия его общества или помещика³⁰⁸.

По закону 23 июня 1803 г. предполагалось набирать непременно работников из ближайших к заводам волостей, тогда как ранее приписные крестьяне могли набираться из селений, находящихся на значительных расстояниях от заводов. На Воткинском заводе основу новой категории составили бывшие приписные крестьяне, жившие по преимуществу в смежных с заводом селениях. Другая ситуация сложилась на Ижевском заводе, окруженном волостями (Завьяловская, Юскинская, Бурановская, Чутырская и Нылги-Жикьинская), населенными по преимуществу удмуртами, которые ранее не считались способными к заводским работам. Между представителями власти разгорелась переписка относительно целесообразности зачисления крестьян-удмуртов в число непременно работников.

Главный начальник Пермского и Гороблагодатского горных заводов обер-берггауптман А.Ф. Дерябин полагал, что удмуртов следует приписать к заводам. Вятский же губернатор П.С. Рунич, заключения которого потребовал министр финансов, считал, что они «не способны к заводским работам, занимаются по преимуществу хлебопашеством, ни с кем обращения не имеют и потому не знают русского языка; по этой неспособности к работам даже возлагаемые на них по адмиралтейству работы они исполняют не сами, а нанимают за себя». Однако на это Дерябин заметил, что «вотяки имеют сообщение с русскими и татарами, не затрудняются говорить по-русски на рынках, даже нанимаются вместо приписанных к заводам, но отдаленных от них крестьян, исполнять большую часть заводских работ». Наем же на лашманские работы сторонних людей Дерябин справедливо объяснял отдаленностью таковых от места жительства самих удмуртов-лашманов. Проектируемое Руничем причисление к заводам отдаленных селений, по отзыву Дерябина, вызвало бы необходимость наделения непременно работников земельными и сенокосными участками, которые бы пришлось отобрать у тех же удмуртов или вырубить лес, необходимый для заводских работ. Министр финансов согласился с Дерябиным, и 5

января 1805 г. последовало высочайшее повеление не исключать удмуртов из действия закона 1803 г.³⁰⁹

Так как непрременных работников из приписных доставало только для Ижевского завода, то необходимости в приписке всех ближайших удмуртских волостей не возникло. Выбор пал на Юскинскую и Завьяловскую волости как самые близкие к Ижевскому заводу. Однако, перспектива изменения строя жизни и выполнения новых обязанностей вызвала бунт. Неповиновение новым правительственным распоряжениям вначале проявилось в Юскинской волости.

13 июня 1807 г. вятский губернатор В.И. Болгарский получил уведомление от Дерябина, что удмурты Юскинской волости общей численностью до 3 тыс. чел. отказались сообщить свои имена чиновникам, наговорили им, а также своему волостному голове и увещевавшим их священникам множество «грубых и азартных слов» и в конце концов объявили: «пусть хоть головы им рубят, но они имен своих никому никогда не скажут и к заводам не пойдут»³¹⁰. Власти (уездные и горные чиновники, а также Дерябин и вятский вице-губернатор Стакельберг) были вынуждены ретироваться. На место событий выехал губернатор. Пермский и вятский генерал-губернатор Модерах, получив от Дерябина уведомление о неповиновении удмуртов, отдал распоряжение ввести во взбунтовавшиеся селения отряд квартировавших в Вятской губернии казаков.

16 июня губернатор приехал в с. Юски, где собралось около 500 бунтующих крестьян; он вошел в толпу, потребовал объяснить причины неповиновения, затем арестовал двух, по его мнению, предводителей. Удмуртам было предложено послать на Ижевский завод представителей для получения разъяснений по проводимому зачислению. Было избрано по два человека от 32 селений, которые 17 июня согласились прекратить волнения и стать непрременными работниками. К 21 июня причисление было завершено.

Однако в августе начались брожения в Завьяловской волости, удмурты опять отказывались повиноваться. Ходили слухи, что «якобы они (крестьяне – Н.П.) от лашманских работ не изъемятся, а сверх того из них по приписке к

заводу пошлются из своих селений на другие заводы». В волость были направлены казаки. Сарапульский земский исправник докладывал губернатору о столкновениях, происходивших во время сбора в с. Завьялове для принятия присяги. Крестьяне, будучи безоружными, но убежденными в том, что их обманывают, избили вооруженных нагайками казаков и сельского писаря³¹¹. Волнение перекинулось в соседнюю русскую Кулюшевскую волость³¹².

Для пресечения слухов власти разрешили удмуртам выбрать двух ходяков, которые побывали в Адмиралтейской конторе (г. Казань) «для личного там дознания, действительно ли они от работ адмиралтейских исключены и должны при заводах быть»³¹³. Помимо этого земскому суду было вменено в обязанность зачитывать в волнующихся селениях особые листки с разъяснениями «законности» проводимых преобразований: упор делался на том, что зачисление удмуртов в неперемные работники произведено по царской воле и что данное зачисление предоставляет ряд льгот³¹⁴.

Когда Болгарский приехал в Завьяловскую волость, удмурты на коленях просили помилования. Губернатор приказал арестовать наиболее, по его мнению, «дерзких», которые впоследствии были сосланы на отдаленные заводы³¹⁵. Некоторые скрылись в лесах. Для поддержания порядка команда казаков, руководимая старшиной Черевковым 2-ым, оставалась в волости до начала 1808 г. Сарапульскому и глазовскому земским исправникам было вменено в обязанность следить за складывающейся ситуацией: «Мы, дабы показать им, [что] действию наши управляются не волею их, но по повелениям начальства, положили правилом, не собирая их уже воедино, а порознь, где кто живет, вновь их урезонивать и, захватывая из них больше вольнодумных, отправлять Вашему превосходительству (губернатору – Н.П.) в Вятку в полной уверенности, что прочие затем не захотят далее ослушаться и подвергать себя строгости»³¹⁶. От своих должностей якобы за поддержку волнений были удалены два приходских священника Завьяловской и Юскинской волостей: первый из них был переведен в Нолинский уезд, а второго лишили сана³¹⁷. Разумеется, никакой поддержки волнений со стороны священников не было и не могло быть хотя бы в силу

малого авторитета церковнослужителей среди новокрещеных удмуртов, но губернатор «нашел их такими невеждами, что нельзя ожидать от них ничего полезного, тем более что они крайне еще нетрезвы»³¹⁸.

Из рапорта войскового старшины Черевкова губернатору от 10 сентября известно, что крестьяне Юскинской и Завьяловской волостей, приписанные к казенному Ижевскому заводу, «тишину и спокойствие сохраняют, и 50 человек, назначенные из них в неперменные работники, взысканы уже в работу без всякого со стороны их прекословия». К этому времени под заводской стражей находился 21 удмурт³¹⁹. Но 15 октября тот же Черевков доносит: «Из записанных к Ижевскому заводу крестьян селения Завьялова В. Яковлев, д. Новой Казмаски Ф. Дмитриев и Бол. Веньи Т. Дмитриев объявили, что они были в Пермской губернии, толковали по селениям указ, данный им якобы от г. пермского генерал-губернатора о независимости их к заводу». Вскоре В. Яковлев и Ф. Дмитриев были пойманы, а Т. Дмитриев успел скрыться.

Еще раз волнения новоиспеченных неперменных работников произошли во время сенаторской ревизии 1808 г. Назначенный для ревизии сенатор П.С. Рунич (бывший вятский губернатор) предложил населению через волостные правления заявлять ему о всех обидах, нанесенных должностными лицами. Воспользовавшись этим, к сенатору явился один из скрывавшихся предводителей удмуртов и подал ему жалобу на приписку в неперменные работники. Обещание Рунича разобрать жалобу было понято удмуртами как «выражение сочувствия близкого к царю человека»³²⁰. Весной 1808 г. в д. Лудзи Юськинской волости появился бежавший из-под караула удмурт А. Ермолаев. Он стал призывать крестьян прекратить заводские работы. Посланная с завода для ареста возмутителя команда встретила сопротивление со стороны крестьян. Вся деревня заступилась за Ермолаева, «свела [его] неизвестно куда, а сама разбежалась». Тогда в волость вновь были направлены казаки, которые схватили А. Ермолаева, заковали в цепи и отправили на завод «для поступления с ним по законам». Одновременно под стражу были взяты «замеченные же в сем буйст-

ве» 18 непрременных работников. Многих из них потом отослали на Гороблагодатские заводы³²¹.

А.Ф. Дерябин причины волнений видел в недостаточном информировании крестьян Завьяловской и Юскинской волостей со стороны местного начальства. В письме к графу А.И. Васильеву он пишет о слабости разъяснительной работы среди крестьян, которую должны были провести земские исправники. Итогом стало такая ситуация, что «горное начальство в их (крестьян – Н.П.) глазах выходит самозванцем»³²². Другой причиной, по мнению Дерябина, явилось корыстолюбие чиновников, бравших деньги с удмуртов за непричисление их в непрменные работники и рисовавших их будущее положение самыми неприглядными красками. По его словам, ходили слухи о намерении удмуртов убить его. Когда же причисление все же состоялось, командиру Ижевского завода была подкинута записка, просившая освобождения от приписки за 3 тыс. руб.³²³

Положение непрменных работников, несмотря на все «даруемые» льготы, было все же намного тяжелее положения государственных крестьян, и удмурты, жившие недалеко от завода, понимали этого. Другой, не менее значимой причиной можно считать то, что любое серьезное изменение своего статуса крестьяне, предпочитавшие жить так, как жили их предки веками, воспринимали негативно.

В 1820-х гг. в связи с нехваткой вспомогательной рабочей силы администрация Ижевского оружейного завода попыталась повторить опыт начала века, выйдя с предложением добрать «недостающее количество непрменных работников в 1387 человек» из очередных ближайших волостей (Бурановской, Ильинской, Сретенской и Арефьевской). Но как только весть об этом дошла до удмуртов, населявших упомянутые волости, в марте 1823 г. они послали министру финансов коллективную просьбу об освобождении от приписки, а через три месяца, не получив ответа, подали прошение Александру I. Они писали, что перевод в непрменные работники принесет «крайнее отягощение и разорение», добавляя, что все подати и повинности оплачиваются ими всегда без недоимок.

Чтобы окончательно убедить верховную власть сохранить их настоящий статус, крестьяне присовокупляли, что они берегут леса, являющиеся спорными между ними и заводом. Переписка между заводом, Артиллерийским департаментом, Министерством финансов при участии Николая I затянулась до 1829 г., когда было решено увеличить численность неперменных работников на 300 человек, набранных из рекрутов. Все последующие просьбы заводской администрации о наборе неперменных среди государственных крестьян ближних волостей успеха не имели³²⁴.

Вскоре после волнений удмуртских крестьян в 1810 г. в том же Сарапульском уезде поднялись удельные крестьяне Галановского приказа. Мотивом к возмущению послужил указ о повышении податей³²⁵.

В 1812 г. во многих волостях Вятской губернии крестьяне отказались выполнять указ о посадке картофеля, т.к. семена были мерзлые или их вовсе не было. Чиновник из Петербурга, следивший за посевом картофеля, собрав с крестьян по рублевой взятке с души, разрешил его не сажать. Но это не избавило крестьян от прибытия карательного отряда для расправы с ослушниками. Крестьяне разбежались по лесам. Конные солдаты и казаки занялись облавами на людей, заковывали крестьян в цепи и отвозили в города на судебную расправу. Это был первый «картофельный бунт» крестьян Вятской губернии³²⁶.

В начале 1828 г. произошло выступление крестьян Качкинского приказа Елабужского уезда, вызванное мероприятиями по внедрению в жизнь положений реформы Л.А. Перовского. Данное неповиновение властям явилось продолжением волнений в Мысовочелнинском приказе Оренбургской губернии. В с. Качки сформировался центр сопротивления во главе с Ерофеем Семеновым. На место волнений прибыли управляющий удельной конторой, земский исправник, три священника и воинская команда из 30 человек. Семенов и еще один руководитель были арестованы, но крестьяне численностью порядка 1,5 тыс. человек, вооруженные кольями и дубинами, не поддавались на увещания о законности нововведений и освободили своих предводителей. Воинская команда и чиновники были вынуждены ретироваться. Для подавления выступ-

ления правительство командировало в Вятскую губернию флигель-адъютанта Мантейфельда «с открытым письмом, по коему он может взять две роты, а будет надобность, потребует и более». В Качки с ним отправился и вятский губернатор А.И. Рыхлевский.

12 февраля губернатор прибыл в Качку. Крестьяне потребовали сменить удельного голову, так как он, по их мнению, не защищал их интересы и присвоил 400 руб. приказных денег (главной его виной стали попытки успокоить волнующихся); они требовали показать им подпись императора под указом о новом порядке сбора подати и введении общественной запашки.

Мантейфельд и Рыхлевский собрали сход, где потребовали составить «мировой» приговор о выполнении всех распоряжений удельных властей, но свои подписи согласились поставить только 23 человека. Потребовалась военная сила. Командир 1-го тептярского регулярного казачьего войска полковник Окунин отрядил три сотни казаков, с которыми и прибыл в Качку. Прежде всего были схвачены предводители, после этого, несмотря на сильное сопротивление, порядок восстановился. Началась расправа над крестьянами: военным судом в составе Елабужского уездного суда и офицеров военной команды было допрошено более 500 человек, двоих, Ивана Ляткина и Никиту Мошихина, «как главнейших бунтовщиков по возмущению народа к неповиновению», военный суд приговорил к шпицрутенам через 1000 солдат по два раза и «поставя на лице штемпельные знаки, сослать в каторжные работы навечно». Четверых крестьян суд приговорил к 500 шпицрутенам по одному разу, а далее – арестантские роты (из них двое по старости лет были возвращены). Один человек был наказан 25 ударами плетьюми, после этого две недели был выдержан на хлебе и воде и оставлен на месте своего жительства. Десять сельских выборных, участвовавших в неповиновении, были наказаны 20 ударами плетей. Казаки оставались в приказе до середины мая 1828 г.³²⁷

Летом 1831 г. произошло еще одно мощное выступление: крестьяне пяти приказов Вятского имения – Галановского, Каракулинского, Козловского, Мостовинского и Нечкинского – численностью 21.440 душ отказались от уплаты

поземельного сбора. Брожение среди крестьян, недовольных новым обложением, возникло сразу же после первых сведений о нем. Начали распространяться слухи о том, что введение поземельного сбора есть не что иное, как «вид подписки их за барина». В начале 1831 г. в приказах под видом нищего побывал удельный крестьянин Устиновского приказа Пермского имения, который утверждал, что поземельный сбор у них крестьяне не приняли. Власти попытались провести предупредительные меры, арестовав наиболее активных. В частности, в Мостовинском приказе было арестовано 82 человека «за возмущение против поземельного сбора». Волна неповиновения усилилась, когда непосредственно приступили к введению нового обложения: стали измерять земли и отрезать «излишние», объявлять новые платежи³²⁸.

В начале июня в приказ был направлен помощник управляющего конторой Москвин, но в Каракулинском приказе крестьяне оказали ему открытое неповиновение, в Мостовинском «дошли до крайних пределов неповиновения, делали самовольные и буйные сходки», силой освободили арестованных. На основе рапорта Москвина в департамент уделов сообщалось: «Крестьяне (Каракулинского приказа – Н.П.) по внушению злонамеренных людей, тщательно ими скрывааемых, принимая за странное одно слово тяглы, будто бы не бывшее до сего времени у них в употреблении по землепашеству и платежа податей и оброков, принимают введение поземельного сбора не за иное что, как за вид подписки их за барина». Несмотря на все уговоры и разъяснения, крестьяне продолжали волноваться. Наибольшее сопротивление оказывали малоземельные селения как наиболее «упорные в отделении излишней земли», например, жители починка Зуева и другие малоземельные крестьяне первыми подали повод «уйти самовольно и с буйством со сходки»³²⁹. В Мостовинском приказе крестьяне «дошли до крайних пределов неповиновения: они делают самовольные и самые буйные сходки». Во главе с крестьянином Егором Беляевым мостовинцы попытались захватить приказного голову, освободили двух арестантов (отца Беляева и писаря Павла Ехлакова), посаженных «за возмущение поселян во введении поземельного сбора да иным». Подобным же образом «оказывали

упорство» во введении поземельного сбора крестьяне Козловского и Нечкинского приказов. На уговоры и угрозы повиноваться властям крестьяне отвечали: «Как мир посудит»³³⁰.

Во второй половине июня управляющий именем решил отправиться в приказы сам, но это не дало результатов. По его сообщению в департамент уделов, в Нечкинском приказе на сходе крестьяне внимательно и спокойно выслушали его, но лишь он коснулся «излишних» земель, как ему «оказали явное упорство, отказались ее перемерять». Он «попытался опереться на лучших людей», но оказалось, что те попросту не явились на сход и «тем самым обличили себя в явном неповиновении». В других приказах управляющий встретил «то же упорство и не только по введению поземельного сбора». Крестьяне возражали против общественной запашки, постройки запасных хлебных магазинов, платежей в пользу голов и старшин. «Они, – сделал вывод управляющий, – все удельные права кассируют, [собираясь на бурные сходы, куда часто] приводят с собой людей дурного поведения из других приказов... и казенных крестьян; [они заявляют], что под сим предлогом хотят нас отдать в помещичье владение и что все они хотят быть в казенном ведомстве». Крестьяне Мостовинского, Каракулинского и Галановского приказов потребовали сменить голов приказов³³¹.

В конце июля 1831 г. в Вятское имение прибыл чиновник департамента уделов Найденов и нашел, что «во всех имениях Сарапульского уезда мятеж возник до высочайшей степени, буйная чернь самовольно устраняет голов и писарей, составляют свое правление, уничтожают указы о поземельном сборе, не признавая над собой никакой власти». 6 августа 1831 г. в Сарапул приехал вятский губернатор Ренкевич. Для усмирения крестьян им были собраны 500 башкир, 50 казаков, 20 урядников и 16 чиновников, 10 августа вступившие в мятежные приказы³³². Губернатор, лично возглавив башкирский отряд, на сходе в Козлове «наказал четырех крестьян». В результате собравшиеся «пали на колени и раскаялись». Егор Беляев, отправившийся в Петербург, был задержан и возвращен под присмотром жандарма в Сарапул на почтовых³³³. Начались

следствие и экзекуции. Военный суд в составе уездного судьи, нескольких офицеров и удельного депутата приговорил трех человек к шпицрутенам через 1 тыс. человек и одного – через 1500 с последующей ссылкой в крепостные арестанты, шестеро были наказаны плетьюми по 50 ударов и ссылкой в Сибирь на поселение, наконец, 14 крестьян были «выдержаны по две недели в приказе с употреблением в разных работах»³³⁴.

Завершило волнения удельных крестьян по поводу преобразований их ведомства выступление в Нечкинском приказе в мае – июне 1834 г. в форме так называемого «картофельного бунта». 10 марта 1834 г. департамент уделов разослал предписание посеять картофель на казенных запашках как средство предотвращения голода в результате возможного неурожая зерновых³³⁵. Семена картофеля зачастую доставать должны были сами крестьяне. В начале мая крестьяне деревни Дулесовой отказались исполнять указание головы приказа о посадке картофеля. На сходке, собранной управляющим Мостовинским отделением Вятской удельной конторы Сергиевским, они заявили, что «на их земле, якобы неудобной, не будет родиться картофель, что посев оного для них обременителен, наконец, что должны сеять картофель только те, которые во время бывшего возмущения по введению поземельного сбора были покорны, а они решительно не хотят исполнять сего, не боясь никаких наказаний». Население приказа разделилось: крестьяне Докшанского и Паздеринского участков выделили часть своей общественной запашки и вспахали ее, а Лагуновский, Дулесовский и частично Нечкинский участки поддержали крестьян д. Дулесовой. Сергиевский доложил о волнениях управляющему удельной конторой и потребовал у Сарапульского земского суда «принятия надлежащих полицейских мер к приведению непокорных к полному повиновению начальства»³³⁶.

Среди крестьян ходили упорные слухи о том, что посеявших картофель на общественном участке запишут «под барина Перовского»; в частности, их распространял мещанин Егор Вечтомов на рынке с. Каракулинского³³⁷.

Принятых земской полицией мер оказалось недостаточно, и 30 мая управляющий Вятской удельной конторой Найденов обратился к оренбургско-

му генерал-губернатору с просьбой откомандировать 600 башкир для усмирения крестьян. После проведенной военной операции по указанию Николая I от 24 июня при Сарапульском уездом суде была учреждена военно-судная комиссия. И здесь выяснились некоторые непосредственные причины «картофельного бунта».

Следует отметить, что картофель для удельных крестьян Нечкинского приказа уже был знаком, многие его сажали в своих огородах. Сопротивление возникло именно в результате указа о его посадке на общественных запашках. В своих показаниях арестованные крестьяне нарисовали такую картину: «47 человек, что им не было дано семян для посева, 10 человек, что они находились в отлучках и приказаний о посеве картофеля не слышали, 5 человек, что они сеяли картофель при своих домах, но потом по приказанию сельских начальников опять вырывали оный из земли, 2 человека, что они сами не сеяли, а по приказанию вахтера д. Поповки пололи траву, 11 человек, что картофель сеяли без всякого послушания, а за недостатком семян остальную землю засеяли овсом, 17 человек, что они не сеяли картофель по невнятности предписания, которое им было объявлено, и что за освобождение от сей повинности требованы были от них деньги удельным депутатом и сельскими начальниками». Управляющий Вятской удельной конторы, обвиняя главу Мостовинского отделения в неправильном предании многих крестьян военному суду, 19 августа распорядился освободить из тюрьмы 46 человек, 27 августа – 12 человек; затем военно-судная комиссия, рассматривая дела, освободила еще 17 человек. В сентябре департамент уделов командировал особого чиновника, поручив ему произвести следствие «как об послушании крестьян, так и действиях местного начальства, предшествовавших и сопровождавших сказанное происшествие». Выяснилось, например, что некоторые сельские начальники в связи с распоряжением о посадке картофеля на общественной запашке запретили крестьянам сажать его в огородах, грозя 25-рублевым штрафом, а в одной деревне смотритель общественной запашки вместе с десятником «ходя по селению, сами выдергивали по-

саженный картофель, вполне уверенные, что этим исполняют волю начальства»³³⁸.

Приговор комиссии военного суда был следующим: троих крестьян, «как главных виновников возмущения и обличенных в покушении на жизнь головы», наказать шпицрутенами и отдать в крепостные арестанты; 18 виновных «в распространении неблагоприятных слухов» и одного, «обличаемого в произношении заочно угроз против удельных чиновников», наказать плетьюми; одного, «самовольно давшего крестьянам приказание не садить картофеля», наказать батогами; 31-го, «показанных виновными в возмущении без доказательств, из коих многие хорошего поведения, а другие сверх того оправдываются обстоятельствами, и одного, преданного суду за сопротивление при взятии под стражу, но в том необличенного, от суда и следствия освободить». Затраты государства на подавление выступления и проведение следствия по нему подлежали компенсации за счет волновавшихся сельских обществ³³⁹.

Данный приговор был рассмотрен губернатором, а затем и министром внутренних дел и Комитетом министров. По предложению губернатора приговоренных к наказанию шпицрутенами предлагалось прогнать через 500 человек 4 раза, а присужденным к наказанию плетьюми и батогами дать по 40 ударов. Министр внутренних дел предложил смягчить наказание: присужденных к шпицрутенам прогнать через 500 человек по одному разу, а вместо 40 подвергнуть 20 ударам плетьюми или батогами³⁴⁰. По положению Комитета министров, высочайше утвержденному 5 февраля 1835 г., двое крестьян были прогнаны через 500 человек по одному разу и сосланы в крепостные арестанты, 18 человек наказаны плетьюми и двое – батогами по 20 ударов³⁴¹.

Возникшие в ходе расследования дела о злоупотреблениях представителей сельской власти, бравших и взятки за освобождение от военной экзекуции и занесение в список бунтующих, разбирались в уездном суде и уголовной палате, их наказание было много мягче приговоров военного суда. К этому же ряду был причислен и Егор Вечтомов, которому уголовная палата присудила 20 ударов плетьюми. Однако с таким решением не согласился губернатор, заметив-

ший, что крестьяне «преданы суду военному, тогда как они, подстрекаемые, с одной стороны, такими нелепыми толками людей неблагонамеренных подобно Вечтому, а с другой стороны, довольно худым распоряжением местного своего начальства, разными законопротивными его действиями, невольно доведены были до слушания противу начальства». В результате приговор палаты был отменен Сенатом и Вечтомов отдан военному суду, который приговорил его к наказанию через 200 человек 2 раза шпицрутенами и ссылке в крепостные работы. 12 января 1835 г. первый пункт приговора был исполнен, но в связи с тем, что Сарапульское общество согласилось оставить Вечтомова «в жительство», второй пункт, по разрешению губернатора, был отменен³⁴².

В целом можно отметить, что в своих действиях удельные крестьяне опирались на мнение «мира», зачастую принимали решения и формулировали требования на общинных сходах. Выборные же органы в этих случаях занимали неоднозначную позицию: иногда они оставались с крестьянами, в других случаях поддерживали действия официальных властей, а иногда и старались получить собственную материальную выгоду от происходящих событий. Власти, спровоцировав волнения и упустив их развитие в зародыше, в дальнейшем вынуждены были прибегать к репрессивным мерам.

Подобно удельным воспринимали ведомственные преобразования и государственные крестьяне. Эпохальные реформы ведомства государственных имуществ под эгидой П.Д. Киселева вызвали волнения казенных крестьян и в Удмуртии.

В феврале – марте 1842 г. серьезное выступление произошло в Опалевском, Батовском и Кошаринском обществах Верхосвятицкой волости Глазовского уезда. Здесь волостное начальство было вынуждено четыре раза собирать волостные и сельские сходы для выбора «добросовестных» заседателей в волостную и сельские расправы, создаваемые для местного судопроизводства, и одобрения дополнительного общественного сбора. Крестьяне отказывались исполнять новые предписания, послали выборных в г. Вятку для подачи жалобы, считая, «что этот противозаконный и излишний общественный сбор и выбор

добросовестных сделала одна казенная палата, а правительство о сем совсем не знает». По их мнению, «служащих лиц уже довольно, но даже и должно удалить от должностей заседателей волостного правления, а в сельских управлениях старшин и старост определять на 1 год без всякого им жалованья». Волостной писарь Демид Наговицын, который «растолковывал о вышеозначенных предметах», был избит «бесчеловечно и имеющуюся на нем одежду всю изорвали»; крестьянин Савва Пестов, призывавший на одном из сходов «подождать окружного начальника или какого-нибудь чиновника» для разъяснений, был объявлен «ябедником и заединщиком с волостными начальниками» и также избит. Проявилось противостояние между крестьянами и их выборным волостным начальством, которому по новым положениям увеличивалось жалованье. Только с прибытием окружного начальника Шрейдера, уездного стряпчего Домрачева, станowego пристава Овчинникова и глазовского протоиерея И. Стефанова крестьяне были успокоены. Из 324 участников сходок, обвиненных в нарушении «тишины и спокойствия», наказанию подверглись 13: двоим назначены работы при волостном правлении на 6 дней, один был отдан под караул при сельском управлении на 4 дня, они были подвергнуты 50 ударам розог, еще одному крестьянину назначили 35 ударов розгами и 9 человек наказаны арестом при сельском управлении по 6 дней. Остальным крестьянам было сделано «строжайшее подтверждение»³⁴³. Это событие стало предвестником волнений лета 1842 г.

«Картофельные бунты» 1842 г. были вызваны весьма позитивными, на первый взгляд, мероприятиями правительства. 18 июля 1840 г. в секретном комитете под председательством военного министра Чернышева обсуждался вопрос о мерах предотвращения голода; в числе таких мер было принято решение – в селениях государственных крестьян засеять поля картофелем в таком количестве, чтобы сбор его составлял, кроме семян, по 1 четверти на ревизскую душу. 28 августа 1840 г. Министерство государственных имуществ разослало на места циркуляр, в котором предписывалось отводить для посева картофеля специальные участки в тех селениях, где была введена общественная запашка, а

там, где ее не было, – отводить в каждой волости по одной десятине³⁴⁴. Соответственно в Вятской губернии вводилось в действие второе положение циркуляра. Дополнительно в октябре 1841 г. последовал новый циркуляр министра государственных имуществ, в котором губернаторам предлагалось принять особые меры для сохранения семян на будущие посевы. С этой целью с каждой крестьянской души предписывалось взыскивать по полторы четверти хлеба. Чтобы точнее регулировать правильность поступления этих запасов, каждые 10 или 20 домохозяев должны были избрать «добросовестных», которые бы получали от них хлеб, а с наступлением весны возвращали его на семена³⁴⁵.

Еще осенью 1840 г., когда начали отводить участки земли для посадки картофеля при волостных правлениях и сельских обществах, появились первые признаки недовольства и сопротивления крестьян. Глазовский исправник при отводе земли получил отпор со стороны крестьян, и участки были отведены помимо воли и участия в этом деле крестьян. Посеянный в 1841 г. картофель не уродился. Неурожай охватил и зерновые культуры. Тем временем Министерство государственных имуществ издало еще один циркуляр, в котором предписывалось разводить картофель не только при одних волостных правлениях, но и при каждом сельском обществе по одной десятине³⁴⁶. Если ранее пытались как-то убедить крестьян, то в 1842 г. упор был сделан на принудительных мерах.

В итоге в четырех уездах Вятской губернии, в том числе и Глазовском, разразились «картофельные бунты». 12 мая 1842 г. движение началось в Осиновской волости Нолинского уезда³⁴⁷. Именно в Нолинском уезде появились и кровавые жертвы, которых не было в других уездах.

В Глазовском уезде волнения происходили в семи сельских обществах Тишинской, Елганской, Комаровской и Рябининской волостей. Движение началось в связи с распространившимися из Нолинского и Слободского уездов слухами, «будто бы... если в течении двух дней не разломана будет около посеянного картофеля... изгорода, то заключится контракт и казенные крестьяне будут барские или удельные» В частности, в Тишинской волости был задержан крестьянин д. Кавердинской Талоключинской волости Нолинского уезда Васи-

лий Котомцев³⁴⁸. Пролог волнений можно представить по следующей схеме: после распространения слухов крестьяне собирали тайные сходки для их обсуждения, где намечали время выхода на картофельные участки. Обычно организаторами выступали деревенские десятники. Помимо отказа сажать картофель высказывались желания, «чтобы управление над ними (крестьянами – Н.П.) было по-старому»³⁴⁹. В большинстве обществ для успокоения крестьян оказалось достаточно «увещаний» неперменного заседателя земского суда Ергина, окружного начальника Шрейдера, уездного стряпчего Домрачева, асессора Вятской палаты государственных имуществ Глушиковского и местных священников.

9 июня крестьяне Ветошкинского общества Тишинской волости сломали изгороди и выбросили картофель, а уже 12-го асессор Глушиковский доносил, что большинство тех же ветошкинцев согласны дать «подписку в покорности». То же повторилось в Дворищеском обществе. Небольшая часть крестьян, заперев дома, удалилась в леса. Но скоро и они подчинились. Несколько дней спустя после успокоения тишинцев повторилось то же самое в Поломском обществе Елганской волости. Здесь одного упоминания о «нолинских мерах» оказалось достаточно, чтобы «уничтожить дух неповиновения и водворить дух кротости и покорности». Одновременно с поломцами заволновались Пислеговское и Ключевское общества Елганской волости и Забалуевское общество Рябининской волости. В последнем обществе «увещания и кроткие меры» не помогали; пришлось ждать воинской команды. 19 июня команда прибыла в Рябининскую волость. «Бунтовщики» стояли в сборе и ожидали. К ним обратились с «увещанием» покориться посеву картофеля. Тогда «повинуясь и убедившись в пользе мер правительства к разведению сего овоща», крестьяне пали на колени и просили прощения. «Употребивши над некоторыми исправительные меры» (т.е. выпоров – Н.П.), крестьян отпустили по домам. На следующий день картофель был посажен. После проведения церковной службы власти отобрали подписки в покорности³⁵⁰. 18 июня незначительные волнения прошли в Барашковском обществе Комаровской волости, где «по малому количеству собравшихся лю-

дей (около 80 человек – Н.П.) и по недопущению к сломанию изгороди сельскими начальниками все расходились в свои жительства»³⁵¹.

Интересны показания крестьян в ходе следствия. Например, государственный крестьянин поч. Калининского Ветошкинского общества Василий Кулябин начало волнений и свои переживания описывает следующим образом: «7 числа минувшего июня месяца... однодворец мой Артемей Тимофеев Кулябин ездил на базар в с. Елганское и, возвратясь того же числа поздно вечером, в следующий затем понедельник начал с сыном своим Трофимом ходить по селениям и разглашать мужикам, что он слышал, что будто бы государственных крестьян хотят отдать барину или подвести под удел... Эту весть, приняв я для себя невыгодной, начал думать о совете с обществом, и ежели случилось встречаться с кем другим, то рассказывал ее им... она быстро перешла в соседственные со мной селения»³⁵². Федор Никулин, крестьянин д. Плетневской Пислеговского общества, объясняя причины своего «успокоения», говорит: «...однако же когда при г. Глушиковском дошли до меня верные слухи, что за подобные действия в Нолинском уезде строго наказывают крестьян, то потому, раскаявшись в своем заблуждении и поняв чрез чиновников, что вести о барине есть ложные, я согласился на покорность, в коей и буду находиться всегда»³⁵³. Думается, пример соседних уездов имел не последнее значение как для начала волнений, так и их прекращения в Глазовском уезде.

Из более чем тысячи бунтовавших крестьян Глазовского уезда 21 были наказаны двухнедельными заключениями, 20-ю ударами палками или 15-ю – розог и денежными возмещениями пострадавшим сельским начальникам. В основном были наказаны крестьяне, причинившие побои сельскому и волостному начальству. Остальные отделались внушением, «что освобождаются они ныне от наказания единственно из уважения к их легкомыслию и невежеству». Как обычно, понесенные в ходе подавления выступлений расходы были списаны на счет самих крестьян³⁵⁴.

«Картофельные бунты» государственных крестьян Удмуртии и в целом России тем не менее принесли положительный для крестьян результат: 30 но-

ября 1843 г. принудительные общественные посевы картофеля были отменены³⁵⁵. Однако выступления были направлены в целом против реформ П.Д. Киселева, менявших привычные формы взаимоотношений крестьянства и власти и уже из-за этого казавшихся опасными. Увеличение общих платежей и повинностей (а это произошло в результате преобразований государственных имуществ) угрожало, по мнению крестьян, их выживанию.

Можно согласиться с мнением С.В. Токарева как представителя традиционной советской историографии, использовавшей наследие дореволюционных либеральных историков, который считал, что когда правительство начало насаждать самыми грубыми, нередко военными мерами посевы картофеля, у крестьян возникло невольное опасение или даже страх, что их передают уделам. Это опасение было основано на сходстве мер, осуществляемых Министерством государственных имуществ среди казенных крестьян, с порядками, существовавшими в удельных имениях (насаждение картофеля и общественных запашек). Государственным крестьянам, как и удельным, стали воспрещать свободное передвижение. Насаждавшиеся волостные и сельские уровни власти напоминали государственным крестьянам таковые же в удельных имениях; особенно это бросилось в глаза, когда волостного голову и других волостных и сельских начальников ведомство государственных имуществ обрядило в «форменные кафтаны с позументами». Если ко всему этому добавить, что ранее государственных крестьян могли перечислять в удельные имения, то выходило, что опасения крестьян насчет передачи их в удельное ведомство имели реальную почву³⁵⁶. Положение государственных крестьян было лучше положения крестьян удельных, а тем более крепостных, соответственно, они не могли добровольно согласиться с изменением своего статуса.

Перечисленные выше крестьянские волнения являются наиболее значительными. Однако только ими открытые выступления против власти не исчерпываются.

На территории Удмуртии первой половины XIX в. имели место случаи открытого неповиновения крепостных крестьян. Два наиболее крупных случая произошли в 1834 и 1855 гг.

В октябре 1834 г. крепостные крестьяне помещика Запольского (Елабужский уезд) «произвели шум и крик по всей деревне», заступаясь за старосту Михаила Яковлева, которого помещик хотел наказать. Все крестьяне собрались к барскому дому и, думая, что староста «посажен в ту же избу, из которой потерялись наперед сего его староста с женою и найдены убитыми..., то чтобы с ним, Яковлевым, не могло встретиться того же», крестьяне просили Запольского отпустить старосту, а если он виноват в чем, то наказать его с помощью полиции. Староста был отпущен. После этого крестьяне направили Яковлева с 6 крестьянами в г. Елабугу для подачи жалобы на «причиняемые им стеснения и истязания». Но в городе пятеро из них были арестованы полицией и препровождены обратно, а двое бежали (они были пойманы лишь в январе 1835 г.). По извещению Запольского в его имение прибыли земский исправник, дворянский заседатель и стряпчий, которые выпороли 38 человек.

В октябре 1835 г. уголовная палата постановила наказать плетью двоих крестьян по 39 и 33 ударов и, по желанию помещика, сослать их в Сибирь, остальным, как уже наказанным земской полицией, «внушить, чтобы они впредь упорствовать в рукоприкладстве к отбираемым от них показаниям ни в каком случае не осмеливались». Сенат изменил решение палаты, определив обоим крестьянам наказание розгами по 20 ударов. Недовольный мягкостью наказания помещик возбудил новое дело, обвиняя Елабужского мещанина Захара Попова в попытках освободить его крестьян. По указанию губернского правления была создана военно-судная комиссия в составе судьи и заседателей Елабужского уездного суда и военного чиновника. Комиссия в апреле 1836 г. вынесла следующие решения: 1) мещанина Попова, оказавшегося виновным «в ходатайстве у высшего начальства о вольности крестьян Запольского, писании им по сему предмету просьб», и старосту Ивана Петрова, виновного «в замысле об освобождении себя из владения Запольского», тогда как он по должности дол-

жен был удерживать подчиненных крестьян от «противозаконных поступков», наказать шпицрутенами через 500 человек и отослать в крепостные работы в Оренбург; 2) троих крестьян «за самовольные отлучки из жительства к мещанину Попову» наказать палками по 40 ударов и 3) жену Попова «за соучастие в действиях своего мужа» подвергнуть месячному тюремному заключению. Губернатор утвердил приговор и, сделав распоряжение о приведении его в исполнение, донес об этом министру внутренних дел, но в ответ получил запрос об основании учреждения военного суда по этому делу. Тогда губернатор предписал Елабужскому уездному суду не исполнять приговора до особого предписания, но приговор уже был исполнен³⁵⁷.

Второе выступление произошло летом 1855 г., когда крестьяне с. Старый Бурец Малмыжского уезда получили от дворовых людей в Петербурге извещение о смерти их помещицы Озеровой. Думая, что со смертью единственной владелицы оканчивается их закрепощение, крестьяне обратились в земский суд за разъяснением, должны ли они считаться теперь помещичьими или свободными. Губернское правление распорядилось описать имение и «взять впредь до явки наследников в опекуновское управление, а крестьянам внушено повиноваться опеке и управлению оной, платя оброки и неся повинности, как было прежде». Первое время крестьяне исполняли повинности, но вскоре среди них разошелся слух о возможности перехода в государственные. Явившийся в деревню «скрытным образом» канцелярист Янкевский убедил крестьян подать прошение императору, обещая им переход из крепостных в государственные. По совету Янкевского крестьяне выдали доверенность Ивану Калугину и Петру Фролову, которые отправились в Петербург и «подали прошение Государю Императору с приложением доверенности». Тем временем крестьяне договорились не платить оброк в прежнем объеме и ходить на барщину в меньшем количестве. Явившийся на место происшествия исправник собрал крестьян и начал грозить всевозможными карами за непослушание, требуя немедленного внесения оброка, «так как они довольно зажиточные». В ответ крестьяне кричали, что не дадут ни гроша и «работать на барщину будут по своему уложению вместо 50

человек – 30». Когда же исправник поехал в город, чтобы «сделать распоряжение для прекращения неповиновения, не давая оному развиваться, то они погнались за ним и силой хотели удержать». Было дано распоряжение об отправлении в вотчину воинской команды. Но еще до ее прибытия советнику губернского правления Родзевичу удалось уговорить крестьян подчиниться требованиям начальства: «сначала повинились только 187 человек», а на следующий день и остальные 627 «принесли раскаяние». Спокойствие было восстановлено, оброки внесены и все повинности исполнены. «Но во всяком случае, – доносил Родзевич, – военная экзекуция необходима, во-первых, потому, чтобы на будущее время не было подобных случаев, а во-вторых, чтобы неверующие в экзекуцию не могли в последствии времени возбудить в народе нового неповиновения». Команда была введена в деревню и после десятидневного поста выбыла. Затем по приказанию министра внутренних дел было произведено «строжайшее следствие». Из двух ходоков, посланных в Петербург с прошением, один умер в Обуховской больнице, другой «раскаялся и своими увещаниями много способствовал усмирению крестьян». Канцелярист Янкевский, задержанный малмыжским городничим, также умер в тюрьме. Поэтому суду были преданы только два крестьянина, приговоренные к 60 ударам розог и отдаче под надзор полиции³⁵⁸.

По замечанию А.Н. Долгих, усиление регламентации в общественной жизни своеобразно сказалось на крепостном крестьянстве. В эти годы правительство проводило политику тщательного учета закрепощенного населения, что в ряде случаев приводило к освобождению незаконно укрепленных за помещиками крестьян по их жалобам. Кроме того, проводя политику сохранения дворянской монополии на владение крепостными, государство не допускало случаев владения ими разночинцами³⁵⁹. Все это, в свою очередь, и провоцировало так называемые «отыскания вольности» крепостными крестьянами. Чаше эти «отыскания» носили форму обращений во властные структуры. Так, в течение 1812-1824 гг. жители сельца Аксарина Сарапульского уезда подавали жалобы в различные инстанции, стремясь освободиться от своего помещика Дель-

гольца, а после его смерти – от его жены. В 1802 г. у крепостных Аксарина умер их последний прямой владелец – прапорщица Бичурина, поэтому первоначально предполагалось перевести их в государственные. Однако нашелся наследник – племянник мужа Бичуриной Е.И. Дельголец, и освобождение было отменено. Но недовольство проявилось впоследствии в форме побегов и подачи жалоб на незаконное владение. Значительную роль играли при этом внешние факторы: «ругательные на счет его, Дельгольца», письма, привезенные из Петербурга солдаткой Парасковьей Козьминой в 1812 г., «хвастовство» отставного губернского секретаря Я.И. Щепинова на возможность освобождения (1816 г.) и проживание беглого крестьянина Ивана Петрова у елабужского уездного судьи Томилова (1824 г.)³⁶⁰. К сожалению, у нас не имеется данных о результатах этой борьбы, однако можно предполагать о конечном проигрыше крестьян.

Итак, можно сделать вывод о постоянно тлеющем желании крепостных крестьян Удмуртии поднять свой статус до уровня окружающих их государственных крестьян. Однако для проявления этого желания в форме открытых выступлений был необходим дополнительный внешний импульс.

В первой четверти XIX в. на территории Удмуртии отмечено два достаточно крупных случая «разбойничьего движения». В течение 1811-1814 гг. в Сарапульском и Елабужском уездах действовал отряд во главе с атаманами Абдуллой Сапаровым и Файзуллой Мунасыповым, в составе которого были преимущественно нерусские крестьяне (татары, удмурты, мари). Вместе с тем нельзя говорить о безусловной поддержке разбойников крестьянами. Так, 28 февраля 1813 г. пять человек во главе с А. Сапаровым были блокированы в д. Верхней Лудзе Сретенской волости Сарапульского уезда ее жителями-удмуртами и смогли вырваться, лишь употребив оружие, когда четверо крестьян было ранено и один убит. Вскоре двое из налетчиков все же были задержаны крестьянами и сданы в полицию³⁶¹. В 1822-1825 гг. с перерывами (связанными с арестами предводителей) на территории Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губернии и в ряде соседних местностей Пермской

губернии действовала «шайка разбойников» во главе с некрещеным удмуртом Хамитом (Камитом) Усмановым, уроженцем д. Бигра Ильинской волости Сарапульского уезда. Помощниками у него были татары братья Вахит и Мухит Курнабаевы. Хамит располагал конным отрядом, вооруженным ружьями, саблями и пистолетами. В мае 1824 г. его предал родной сын, сообщивший Ильинскому волостному правлению, что отец «прибыл к нему верхом, вытребовал два карава хлеба и скрылся неизвестно куда», однако пойман он был только в январе 1825 г. Сосланный в Нерчинск Хамит погиб на каторжной работе³⁶².

Необходимо признать данные движения составной частью многогранного проявления крестьянского недовольства.

Следует отметить, что крестьянские выступления были усмирены в основном без применения излишне жестких мер. Можно согласиться с утверждением, что каждое крестьянское выступление отражало коллективное настроение, спонтанно-эмоциональное в традиционном обществе, и именно поэтому оно легко поддавалось «увещательному» воздействию без применения средств насилия³⁶³.

В первой половине XIX в. продолжалась христианизация удмуртов и других народов. Результаты и значение ее были неоднозначны, однако методы проведения вызвали ответную негативную реакцию. Значительное место в крестьянских выступлениях занимало открытое и тайное сопротивление новокрещеных и язычников. Особенно усиливается борьба во время царствования Николая I. Так, в 1830 г. удмурты Чутырского прихода Сарапульского уезда, как доносил сарапульский миссионер священник Двинянинов, «между собой делают советы, дабы под видом каких-нибудь предлогов не можно ли будет учрежденное миссионерство уничтожить, дабы «жить по старой вере», какового мнения держатся и часть Дебесского прихода, смежного с Чутырским, а посему теперь в сии приходы во избежание каких-либо последствий не иначе можно ездить, как только при помощи земской полиции»³⁶⁴.

В 1835 г. в деревнях Березник и Чежесь Можгинского прихода Елабужского уезда на убеждения миссионера священника Виноградова бросить языче-

ские моления, удмурты «ответствовали насмешкой язвительной, а другие нима-ло не внимая оным (т.е. увещаниям) садились и разговаривали о делах домаш-них и курили трубки, а где не могли делать возражения, кричали все: «удло», т.е. нельзя». В Вавож-Можгинском приходе удмурты также «показали дух про-тивления»³⁶⁵.

13 декабря 1839 г. в д. Старой Подне Дебесского прихода Сарапульского уезда миссионер Двинянинов отобрал у удмуртов из шалаша «нежертвенные приборы», но 10 удмуртов отняли их обратно. На предложение его сломать ша-лаш крестьяне ответили: «Мы не только не ломаем, но еще лучше поправим, тебе до этого дела нет, мы тебя не знаем, кто ты такой, да и знать не хотим, у нас есть свой протопоп». Миссионер обратился за содействием к дебесскому волостному голове, но в ответ получил новые «оскорбления»³⁶⁶.

В 1850 г. удмурты Верхнепарзинского прихода Глазовского уезда «со-брались сжечь миссионера протопопа Старанова за его намерение предать огню языческое мольбище около с. Верхопарзей и уже окружили его, но в это время послышался гром (начиналась гроза), и удмурты в страхе разбежались. Вос-пользовавшись этим, миссионер Старанов скрылся»³⁶⁷.

К выступлениям религиозного характера тесно примыкает борьба удмур-тов за право варить обрядовый напиток – кумышку. Особенно она обострялась в периоды ее законодательного запрета (до 1802 и в 1818-1827 гг.). Так, в янва-ре 1798 г. в д. Качкашурской Омутнинской волости Глазовского уезда во время проводимого нижним земским судом расследования по поводу незаконного ку-рения кумышки умер крестьянин Трефилов, который попросту замерз, проведя ночь под арестом в неотапливаемом помещении. Возмущенные удмурты окру-жили избу, где находились чиновники суда и поверенные от питейной конторы, и установили караул. На просьбы комиссара Михайлова отпустить хотя бы сек-ретаря староста и «мирские люди» заявили, что «суд отпускать и лошадей да-вать обществом не велено», однако они согласились сами отправить к глазов-скому городничему Чайковскому записку. По прибытию в деревню городниче-го, дворянского заседателя уездного суда Ивана Френева и 6 человек воинской

команды волнения прекратились. Слободской уездный суд, рассматривавший это дело, вынес компромиссное решение не наказывать ни бунтовавших крестьян, ни виновных в смерти крестьянина Трефилова, так как «они в показуемых на них преступлениях не признались, ясных же достаточных и неоспоримых на обвинение их доводов не оказалось». Губернское правление вынесло земскому суду «строжайший» выговор «за собрание к допросу о винокурении вдруг многих крестьян»³⁶⁸.

В декабре 1820 г. в Квакинской волости Елабужского уезда не обошлось без насилия. Помощник надзирателя Елабужского правления питейного сбора Репин с подчиненными ему людьми, производивший следствие по поводу «корчемного курения кумышки», прибыл в д. Сарайкино и произвел конфискацию кумышки и предметов для ее изготовления. Однако, «в короткое время собралось в той избе, где находился Репин, около ста человек вотяков, имея каждый в руках по дубине, с азартом выломали дверь и начали производить жестокие побои как ему, Репину, так бывшим с ним унтер-офицеру Осипову и винопродавцам, таскали за волосы, топтали ногами, делали все неистовства...» После этого удмурты уничтожили все конфискованное у них и всю следственную документацию. Волостной голова и писарь вместо оказания помощи власти скрылись³⁶⁹.

Разрешение заниматься производством кумышки никогда не было полным: не разрешалось продавать ее, имелись значительные ограничения по крепости создаваемого продукта. Соответственно было всегда возможно, надуманно или имея обоснованные подозрения, обвинить удмуртов в корчемстве. В результате в уездных судах возникали дела о сопротивлении крестьян производимым обыскам с целью обнаружения кумышки. В адрес органов крестьянского самоуправления постоянно звучат обвинения в том, что они «не только сами собой не имеют за этим (корчемством – Н.П.) никакого наблюдения, но даже и поверенным вспомоществуют весьма слабо»³⁷⁰.

Конфликты с властью на религиозной почве были часты у крестьян-раскольников. Связано это было с рядом законодательных актов, существенно

ограничивавших их в правах. Изученные нами материалы Глазовского уездного суда содержат много дел о преследованиях проводимых ими обрядов, браков «по расколу» с православными, случаев усыновления староверами детей православных крестьян и «сращения» их в свою веру, их особенном сопротивлении некоторым актам государственного патернализма, например, прививанию оспы и т.д. Особенно активным было противодействие раскольников попыткам склонить их в официальное православие или единоверие³⁷¹. Вместе с тем нами не обнаружено сколь-либо крупных актов неповиновения со стороны крестьян-старообрядцев. Несмотря на их убежденность «в своем праве выразить протест против современного государственного устройства, поскольку необходимое с точки зрения христианина почитание и покорение к властям не может быть адресовано к современной верховной (а тем более к местной – Н.П.) власти», тем не менее в целом сохраняется подчинение власти как таковой, побеждает соглашательская линия поведения³⁷². Однако это никоим образом не касается соглашательства в деле веры.

Русские крестьяне Удмуртии довольно часто могли уклоняться из официальных православия и единоверия в старообрядчество, соответственно, возникал конфликт со светскими и церковными властями, стремившимися вернуть заблудших³⁷³.

В отношении мусульман случаи их уклонения наблюдались намного реже. Событие, подобное крещению татарина из починка Сюрзинского Глазовского уезда Абдрахима Байкозина, ставшего Иваном Семушиным, которого не поддержала даже его жена, все же можно считать исключением из правил³⁷⁴. Подобные этому переходы из ислама в православие зачастую носили сугубо экономический характер и объяснялись стремлением получить льготы.

Первая половина XIX в. не отмечена масштабными крестьянскими восстаниями. Конфликт с властью, постоянно тлевший в крестьянской среде, выражался в большей степени в мягких формах. Американский историк-крестьяновед Э.Р. Вольф называет следующие причины отсутствия широких длительных восстаний: 1) выполнение крестьянской работы чаще в одиночку,

чем совместно, и конкуренция между самими крестьянами за ресурсы; 2) обусловленность жизни крестьян сезонным распорядком работ; 3) возможность в тяжелых ситуациях опереться на свое натуральное хозяйство; 4) широкие родственные связи и взаимопомощь внутри общины смягчали потрясения; 5) индивидуальные крестьянские интересы часто могли идти вразрез с интересами классовыми; 6) крестьяне попросту могли не знать, что творится вне их деревни³⁷⁵. Для крестьян намного проще, а зачастую и эффективнее в складывающихся условиях было использование пассивного сопротивления. Поэтому названные выше случаи открытых, к тому же уже только лишь локальных выступлений тонут в море иных методов борьбы.

Одной из наиболее распространенных форм борьбы крестьян за свои права была подача жалоб и прошений. Крестьяне коллективно или индивидуально жалуются императору, ревизору, гражданскому губернатору, управляющему палатой государственных имуществ, окружному начальнику, земскому исправнику, становому приставу на волостных и сельских начальников (писарей, голов, старшин, старост, заседателей, рекрутских отдатчиков, сборщиков податей, дорожных смотрителей, десятских и сотских, сказкосоставителей, лесных объездчиков, натурных старост), уездных землемеров, их помощников, становых приставов, заседателей земского или уездного судов, уездных столоначальников, чиновников рекрутского присутствия и на своих братьев. Наиболее часты жалобы на несправедливую отдачу в рекруты, противозаконные или излишние поборы, вымогательство взяток за различные услуги или отмену каких-либо взысканий и наказаний (в частности, в удмурты часто платили взятки за «необъявление» о случаях принесения ими языческих жертвоприношений), нарушения в решении земельных споров, нанесение побоев и т.д.³⁷⁶

Часто подаются жалобы даже не на само вымогательство взятки, а на неисполнение обговоренных условий, на которых крестьяне улаживались дать взятку представителю сельского, волостного или уездного уровня власти. Несмотря на то, что успешность поиска истцом «правды» с повышением чина предполагаемого ответчика резко падает, жалобы не прекращаются. Например,

в конце 30-х – 50-е гг. поступил ряд жалоб на действия Глазовского уездного землемера Семена Филимонова, выражавшиеся в вымогательстве взяток за дополнительное наделение землей, в отрезке якобы излишних наделов, притеснениях при отбывании крестьянами натуральной повинности по постановке межевых признаков и т.д. Однако последний продолжал оставаться в своей должности, не неся никаких наказаний³⁷⁷. Из множества подобных примеров лишь изредка можно встретить половинчатое решение в пользу истца в том случае, если ответчик занимал низшую должность волостного или сельского уровня. Некоторым исключением из этого правила можно считать проводимые сенаторские ревизии, в результате которых очень многие властвующие лихоимцы всех уровней местного управления и самоуправления могли удаляться от своих должностей, изгоняться из губернии и отдаваться под суд. Однако, во-первых, последняя крупная ревизия Вятской губернии относится к 1824 г., во-вторых, на место удаленных приходили точно такие же чиновники и «сельские и волостные начальники» с низким уровнем профессиональных знаний и заработка, которые удачно продолжали традиции предшественников, и особенно успешно в так называемых «инородческих районах»³⁷⁸.

Другой формой проявления пассивного крестьянского недовольства были действия, нарушающие те или иные законодательные установки. Сюда можно причислить самовольные переселения, порубки и расчистку леса (для получения лесного материала и для освобождения места под пашню или мельницу), перепашка межи, уничтожение межевых признаков³⁷⁹.

Дореволюционный региональный исследователь Н.П. Бехтерев причины самовольных крестьянских переселений видел в волоките при принятии решения о перемене места жительства. Самая большая категория сельского населения – государственные крестьяне, чтобы избежать волокиты, употребляли следующую уловку: выбрав место для переселения и подав просьбу в ведомство, ведавшее ими (казенная, государственных имуществ палаты), они, не дождавшись официального разрешения, переселялись туда. Если переселение не разрешалось, следовало обращение в центральное ведомство (министерства фи-

нансов, государственных имуществ). Министерство, «имея в виду, что просители обзавелись на новом месте хозяйством и чтоб не подвергнуть благосостояние их расстройству и совершенному разорению», обычно предписывало палате принять как данное факт переселения, но с условием, «чтобы впредь сего отнюдь допускаемо не было»³⁸⁰.

Все это в значительной степени было результатом генерального межевания 1804-1834 гг., когда крестьянство лишилось значительных земельных и лесных угодий. Нормы 15-десятиной пропорции на ревизскую душу не соблюдались, а часто и не могли соблюдаться, с ростом численности населения проблема недостатка земли перед рядом сельских общин вставала особенно остро. По архивным материалам можно отметить, как число таких действий постоянно растет. Но только однажды борьба за землю вылилась в открытое противостояние с властью. В 1824 г. крестьяне Сарапульского уезда самовольно переселились в Елабужский, где основали починок Шаршады. В 1849 г. помещик Тевкелев предъявил свои права на починок и принадлежащие ему угодья. По решению Государственного совета его требование должно было быть удовлетворено, а крестьяне подлежали выселению на старое место жительства. Крестьяне в ответ подали прошение на имя царя, жалуюсь на малоземелье и отсутствие леса в прежнем месте их поселения. Последнее усугублялось тем, что Тевкелев не разрешал перевозить из Шаршады постройки.

В феврале 1852 г. Николай I вынес резолюцию: «Переселить шаршадинских крестьян по собственному их избранию на другие свободные и лучшие казенные земли и для отстранения неизбежного при таком переселении стеснения назначить им из казны денежное пособие, какое окажется необходимым». Но крестьяне отказались искать себе земли и стали настаивать на оставлении их в Шаршадах, мотивируя тем, что решение царя вынесено не по их прошению, а по представлению палаты государственных имуществ, поэтому они должны ждать, пока последует действительное решение на их ходатайство. Тогда последовало дополнительное решение царя: «Избрание земель для шаршадинских крестьян возложить на палату государственных имуществ с тем, чтобы палата,

если крестьяне в назначенный для сего срок добровольно не приступят к переселению на избранную землю, распорядилась о расселении главных виновников непослушания в числе не более двух или трех семейств в отдаленные многоземельные селения и о переселении остальных на избранные места».

Вятская палата государственных имуществ подыскала место для поселения в Можгинской казенной даче, но наступила осень, и власти решили отложить переселение до весны. В апреле 1853 г. чиновник особых поручений Зубарев, елабужский исправник и окружной начальник прибыли в Шаршады для переселения, но встретили сильнейшее сопротивление. Крестьяне, возглавленные тептярем Мухтой Аминевым, отбили арестованных. Губернатор Н.Н. Семенов и начальник жандармского управления генерал-майор барон Тизенгаузен были вынуждены вызвать войска. В мае из Уфимской губернии на место прибыла башкирская конница, которая и организовала переселение. Наиболее активные крестьяне были наказаны. По доносу Тизенгаузена губернатор получил царский выговор за нераспорядительность³⁸¹.

Другая форма борьбы за землю – столкновения между общинами крестьян, доходящие до драк – также имеет тенденцию усиления.

Тактикой «мелкого фола» можно считать попытки избежать рекрутчину (бегство, раздробление семейств и даже членовредительство), незаконную торговлю солью, табаком, спиртными напитками, самогонование, жжение извести, «непредставление» понятых для производства различного рода расследований, несущих какую-либо угрозу, по тем или иным выдуманным причинам и т.д.³⁸² Имели место и открытые «бунты» отдельных крестьянских семей. Таково, например, дело 1828 г. «по рапорту Гординского волостного правления [Глазовского уезда] об учинении крестьянином Прокопьем Ваулиным с детьми бунта по случаю взятия сыновей его в рекруты»³⁸³. Случаи словесных оскорблений, притом даже в адрес царствующих особ, не вызвали каких-либо практических действий, «по глупости и невежеству» крестьян прощали³⁸⁴.

В целом эти действия можно считать проявлением крестьянского консерватизма (всяческое сопротивление нововведениям, пусть даже не таким уж и

недавним, к тому же ограничивающим крестьянскую свободу) и стремления выжить и в без того нелегких условиях. Согласно изысканиям американского крестьяноведа Дж. Скотта, «крестьяне смиренно отдают часть своей продукции государству, арендодателям, но только до тех пор, пока не возникнет угроза самому существованию крестьянских семей. Имущим классам не следует изымать у крестьянина жизненно необходимое его семье, ибо иначе дело может дойти до бунта»³⁸⁵.

Однако бунт – это достаточно редкое проявление крайнего недовольства, к тому же, как мы могли видеть, далеко не всегда кровавое. Взбунтовавшиеся часто угрожают обещанием голову сложить, но не подчиниться, но это «лишь осторожное сопротивление и просчитанный конформизм»³⁸⁶, на самом деле они чаще поддаются увещанию. К тому же раздробленность крестьянства на мелкие, локальные, региональные группы, различие и неопределенность их политических целей, нахождение под господством других классов подрывали его потенциальное политическое влияние³⁸⁷. Поэтому крестьяне предпочитают применять «оружие слабых», особую «систему этических и политэкономических действий в противостоянии с властью имущими». В народной памяти долго держались воспоминания о жестоких репрессиях власти в случае проявления открытого протеста и несогласия³⁸⁸. Используя различные уловки, хитрость, молчаливые самовольные действия, оправдываемые собственной темнотой и невежеством, крестьяне зачастую добиваются своих целей, например, в освоении новых земель. Основным видом борьбы становилось использование вертикалей власти: жалобы вышестоящим на нижестоящих власть имущих. При этом главной формой любого рода сопротивления является коллективное противодействие. Даже индивидуальные жалобы – в большей степени «форма заполнения бланка», но не суть конкретные прошения. Власть, в свою очередь, действуют весьма неоднозначно: с одной стороны, безусловно, эксплуатируют своих основных подданных, изымают их прибавочный продукт (притом, в немалой степени в виде взяток, незаконных поборов и т.п.) и подавляют любое явное сопротивление; с другой, – стараются, по возможности, наказывать не жестоко,

заботиться о своих подопечных (правда, последние это не ценят, и часто не ценят справедливо из-за реальных форм и последствий этой заботы). И... жалеют их за «темноту и невежество».

История Удмуртии первой половины XIX в. не знает случаев поддержанного крестьянами самозванчества в том виде, в каком, например, это было во время восстания под предводительством Емельяна Пугачева. Случалось, что среди крестьян Удмуртии появлялись и какое-то время могли функционировать слухи о якобы живых и скрывающихся особах, принадлежащих к императорскому дому, готовых стать мужицкими царями. Например, в 1825-1826 гг. в Гординской волости Глазовского уезда крестьяне Трифон и Илларион Некрасовы утверждали «единственно за чудо токмо» о живом императоре Павле³⁸⁹. В 1840 г. в Малмыжском уезде был задержан «бродяга Александров, который выдавал себя за цесаревича Константина Павловича, привлекал к себе простой народ ворожбою»³⁹⁰. К этому ряду нельзя не причислить и функционирование среди крестьян слухов о якобы отмене того или иного непопулярного решения центральной властью, которое местные представители власти попросту утаивают.

Этно-конфессиональные проявления борьбы, по преимуществу, имеют такие же формы и последствия. Крестьяне начинают поддерживать то или иное недовольство лишь в случае своей кровной заинтересованности в его успехе, когда то или иное мероприятие власти сказывается пагубно непосредственно на них. Борьба новоявленных непрременных работников-удмуртов, выступления за свою религию и обычаи язычников, новокрещеных и старообрядцев, волнения государственных, удельных и крепостных крестьян носят узколокальный характер, зачастую даже не выходят за рамки отдельного «мира» – общины. Другой причиной локальности крестьянских волнений первой половины XIX в. можно считать отсутствие вождей, могущих повести крестьян за собой, объединить их часто несовпадающие интересы. Согласимся с мнением зарубежного исследователя имперской России Дж. Хоскинга, что «крестьянам были нужны посторонние, способные воплотить их общественный идеал [коллективизм, ра-

венство, взаимная ответственность и общинное самоуправление] в достаточно убедительной форме, организовать и возглавить движение, способное выйти за рамки нескольких деревень или волости»³⁹¹. Заслуживает также внимания утверждение еще одного иностранного ученого, занимавшегося проблемами истории России XVIII – начала XX вв. Р. Пайпса, что «большинство так называемых крестьянских «волнений» не были сопряжены с насилием и представляли собою просто неповиновение. Они выполняли такую же функцию, как забастовки в современных демократических обществах, и точно так же не могут служить надежным барометром социального разлада или политического недовольства»³⁹².

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.314.

² Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. М., 1987. С.3.

³ Там же. С.30-33, 35.

⁴ Там же. С.89, 91, 94; Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Курган, 1999. С.185.

⁵ Плющевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып.17. С.132; История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.183.

⁶ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.946, л.5; Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.411.

⁷ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.411.

⁸ ГАКО, ф.574, оп.1, д.1, л.216.

⁹ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.94; ВГВ, 1842, №8, с.24; ГАКО, ф.582, оп.14г, д.16, л.104, оп.139, д. 341, л.45.

¹⁰ Неупокоев В.И. Указ. соч. С. 104; Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992. С.29-30.

¹¹ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.105.

¹² Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992. С.35-36.

¹³ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.107.

¹⁴ Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992. С.36-37.

¹⁵ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.108.

¹⁶ ГАКО, ф.574, оп.1, д.5, л.6-7.

¹⁷ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.160-162.

¹⁸ ГАКО, ф.575, оп.19, д.7, л.21-22об., 25-26об.; ф.583, оп.603, д.1031, л.8об.

¹⁹ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.164; Пундани В.В. Указ. соч. С. 190-191.

²⁰ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.165-166, 168.

²¹ Там же. С.167.

²² ЦГА УР, ф.91, оп.1, д.44, л.48об.

²³ ГАКО, ф.582, оп.6, д.811, л.21об.-22об., 101об.-102, 157.

²⁴ ГАКО, ф.582, оп.81, д.128, л. 155, 160, 285-286.

²⁵ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.181; ГАКО, ф.582, оп.81, д.704, л.178об.-179об.

²⁶ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.414-415; Неупокоев В.И. Указ. соч. С.180-181, 183.

²⁷ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.184.

²⁸ ГАКО, ф.574, оп.1, д.1. л.216-219.

²⁹ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.188-191.

³⁰ ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.102-103.

³¹ ВГВ. 1842 г. №8. С.24.

³² ВГВ. 1842 г. №50. С.238-139.

³³ ГАКО, ф. 582, оп.14г, д.16, л.104-105.

- ³⁴ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.185-186.
- ³⁵ Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992. С.31.
- ³⁶ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.182-183.
- ³⁷ ГАКО, ф.575, оп.24, д.5, л.38-69об.
- ³⁸ Панаев В.А. Общинное землевладение и крестьянский вопрос. СПб., 1881. С.153.
- ³⁹ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.192.
- ⁴⁰ Св. зак. Рос. Имп. Т.4. Кн.1. Ст.4, 24, 328.
- ⁴¹ ВГВ. 1843. №38. С.187.
- ⁴² Св. зак. Рос. Имп. Т.4. Кн.1. Ст.680.
- ⁴³ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.194.
- ⁴⁴ Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.414; ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.148, л.5, 62, 62об., 85. См. также: ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.756, л.5, 7-9об., 11об., 12об., 13; ф.126, оп.1, д.122, л.6-7об., 24-25об., д.572, л.6, 58-59, 95, 100, 100об., д.632, л.2, 20об., 21; оп.3, д.82, л.3, 20-21, д.79, л.3, 30, 30об., 35.
- ⁴⁵ Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.475-476; Неупокоев В.И. Указ. соч. С.192.
- ⁴⁶ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.195.
- ⁴⁷ ГАКО, ф.582, оп.45, д.34.
- ⁴⁸ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.24, л.12-16; ГАКО, ф.583, оп.602, д.53, л.50, 52; ф.582, оп.140, д.111, л.171.
- ⁴⁹ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.184.
- ⁵⁰ ГАКО, ф.582, оп.81, д.128, л.273-274об.
- ⁵¹ ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.40.
- ⁵² Св. зак. Рос. имп. Т.IV. Ч.2. Ст.370-376.
- ⁵³ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.196-197.
- ⁵⁴ Там же. С.199.
- ⁵⁵ ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.50-50об.; ф.574, оп.1, д.100, л.17об.
- ⁵⁶ ГАКО, ф.582, оп.47, д.174, л.309-309об.; оп.81, д.704, л.168-169.
- ⁵⁷ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.183-184; Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.441.
- ⁵⁸ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.183.
- ⁵⁹ ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.41-41об.
- ⁶⁰ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.186.
- ⁶¹ ГАКО, ф.582, оп.1, д.81, л.1667, 2008-2010об.
- ⁶² История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.186.
- ⁶³ ГАКО, ф.582, оп.139, д.357, л.56об.
- ⁶⁴ ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.42, 43.
- ⁶⁵ ГАКО, ф.574, оп.1, д.100, л.83об.-84.
- ⁶⁶ Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в.: Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Челябинск, 1995. С.382; ВГВ. 1841. №7. С.24; ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.419, л.108-109; ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.258-258об.
- ⁶⁷ Александров А.А. Ижевский завод. Ижевск, 1957. С.70; ВГВ. 1841. №7. С.24-25.
- ⁶⁸ ГАКО, ф.582, оп.56, д.127, л.5об.
- ⁶⁹ Александров А.А. Указ. соч. С.69-70, 75-76.
- ⁷⁰ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.464, л.22-25.
- ⁷¹ Даишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С.57.
- ⁷² ЦГА УР, ф.91, оп.1, д.15, л.27.
- ⁷³ Даишев С.И. Указ. соч. С.58.
- ⁷⁴ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.245.
- ⁷⁵ ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.258об.; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.243-244.
- ⁷⁶ ВГВ. 1840. №17. С.111-112
- ⁷⁷ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.186.
- ⁷⁸ Там же. С.185; Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 104-105; Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.562.
- ⁷⁹ ГАКО, ф.582, оп.5, д.61, л.3.
- ⁸⁰ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.43-44, 49; Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX вв.). Казань, 2002. С.119-120, 127; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.946, л.424-425.
- ⁸¹ Неупокоев В.И. Указ. соч. С. 61-62; ГАКО, ф.582, оп.139, д.25, л.107.
- ⁸² Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.483.
- ⁸³ ГАКО, ф.582, оп.139, д.25, л.107-108об.
- ⁸⁴ Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.105-106.

- ⁸⁵ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.464, л.15.
- ⁸⁶ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.946, л.7.
- ⁸⁷ ГАКО, ф.582, оп.1, д.79, л.99об.-100, д.81, л.1259, 1287, 1950-1951.
- ⁸⁸ ГАКО, ф.582, оп.81, д.128, л.275-276об.
- ⁸⁹ ГАКО, ф.574, оп.1, д.1, л.219.
- ⁹⁰ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.577, л.27-28, 137.
- ⁹¹ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.175б., л.1-2об.
- ⁹² ГАКО, ф.574, оп.1, д.5, л.6-7.
- ⁹³ ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.39-39об.
- ⁹⁴ РГИА, ф.383, оп.20, д.27436, л.311-313, 325-325об.
- ⁹⁵ ГАКО, ф.574, оп.1, д.100, л.9-10; Неупокоев В.И. Указ. соч. С.87.
- ⁹⁶ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.65-66.
- ⁹⁷ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.184.
- ⁹⁸ Неупокоев В.И. Указ. соч. С.71, 73.
- ⁹⁹ ВГВ. 1859. №43. С.301.
- ¹⁰⁰ РГИА, ф.383, оп.2, д.1227, л.119-119об.
- ¹⁰¹ ГАКО, ф.582, оп.6, д.10, л.18об., ф.575, оп.2, д.8197, л.18об.-19.
- ¹⁰² См., например: ГАКО, ф.575, оп.13, д.848, л.15-17об.; ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.578, л.1-1об., 5об.
- ¹⁰³ См., например: ВГВ. 1844. №21. С.94-95; РГИА, ф.383, оп.20, д.26987, л.1.
- ¹⁰⁴ Гришкина М.В. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск, 1995. С.28.
- ¹⁰⁵ См., например, ГАКО, ф.582, оп.81, д.249, лл.4-9, 26-28.
- ¹⁰⁶ ГАКО, ф.575, оп.8, д.233, л.3-3об., 6, 63-63об.
- ¹⁰⁷ РГИА, ф.383, оп.1, д.436, л.6-12об.; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1958. Т.2. С.10; Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.448-449.
- ¹⁰⁸ РГИА, ф.383, оп.1, д.436, л.6об.
- ¹⁰⁹ Там же. Л.6об., 12-12об.
- ¹¹⁰ ГАКО, ф.582, оп.1, д.47, л.178.
- ¹¹¹ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.452.
- ¹¹² Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.1. С.63.
- ¹¹³ ГАКО, ф.582, оп.14г, д.16, л.44об.
- ¹¹⁴ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.416.
- ¹¹⁵ Там же. С.521.
- ¹¹⁶ ГАКО, ф.582, оп.139, д.320, л.103.
- ¹¹⁷ Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.1. С.78-83.
- ¹¹⁸ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.150; Борисова А.В. Крестьянство России в конце XVIII – первой половине XIX в. Ярославль, 2000. С.13-14.
- ¹¹⁹ Котов П.П. Удельные крестьяне Севера, 1797-1863 гг. Сыктывкар, 1991. С.12; Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.151.
- ¹²⁰ Котов П.П. Указ. соч. С.13.; Его же. Материалы об общественной запашке в удельной деревне Вятской губернии. // Теория и методика краеведения в образовательных учреждениях. Киров, 2000. С.59-60.
- ¹²¹ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.344, л.33об.
- ¹²² ГАКО, ф.575, оп.21, д.80, л.43об.-44об.
- ¹²³ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.9, л.313.
- ¹²⁴ Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (кон. XV – 1-я пол. XIX в.). Ижевск, 1994. С.148-149; ГАКО, ф.575, оп.21, д.80, л.44об.-47.
- ¹²⁵ ВГВ. 1847. №1. С.5.
- ¹²⁶ ГАКО, ф.582, оп.14г, д.16, л.23об.
- ¹²⁷ Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2. С.241-242.
- ¹²⁸ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.171-173; РГИА, ф.515, оп.15, д.2235, л.437.
- ¹²⁹ РГИА, ф.398, оп.1, д.149, л.4, 4об., 5а, 5аоб., 19а, 19аоб., 5б.
- ¹³⁰ Там же. Л.9об., 5б, 5боб.
- ¹³¹ ГАКО, ф.176, оп.1, д.2532, л.15-16.
- ¹³² ВГВ. 1844. №30. С.141-143.
- ¹³³ ГАКО, ф.574, оп.1, д.100, л.6об.
- ¹³⁴ ГАКО, ф.582, оп.14г, д.16, л.23-23об.
- ¹³⁵ ГАКО, ф.582, оп.139, д.320, л.106.
- ¹³⁶ ГАКО, ф.582, оп.139, д.320, л.106 об.; ф.574, оп.1, д.100, л.7об.
- ¹³⁷ РГИА, ф.398, оп.1, д.2198, л.1-2, 6-8об., 161об.-163об., 164-165, 166-168, 269.
- ¹³⁸ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.484; ГАКО, ф.574, оп.1, д.100, л.35.

- ¹³⁹ ГАКО, ф.575, оп.38, д. 161, л.2-3, 10, 11, 12, 12об., 19.
- ¹⁴⁰ ВГВ, 1838-1859 гг.
- ¹⁴¹ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С.390.
- ¹⁴² ВГВ. 1847. №4. С.19-20.
- ¹⁴³ Тоймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С. 280.
- ¹⁴⁴ ВГВ. 1847. №4. С.20.
- ¹⁴⁵ ВГВ, 1847, № 47, с.316-317; ГАКО, ф.575, оп.8, д.1804, л.1-2.
- ¹⁴⁶ ГАКО, ф.575, оп.8, д.1804, л.3, 17-18.
- ¹⁴⁷ Там же. Л.167, 186.
- ¹⁴⁸ ГАКО, ф.575: оп.8, д.1804, л.224, 228-228об., 255; оп.38, д.194, оп.38, д.248, л.10, 101об.
- ¹⁴⁹ ГАКО, ф. 582, оп.14г, д.16, л.25об.-26.
- ¹⁵⁰ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.171.
- ¹⁵¹ ВГВ. 1844. № 32. С.180.
- ¹⁵² ГАКО, ф.582, оп.81, д.128, л.311; ф.574, оп.1, д.100, л.35.
- ¹⁵³ Галкина Н.Н. Становление и развитие здравоохранения в Вятской губернии в 60-90-е годы XIX века. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 15-16.
- ¹⁵⁴ ГАКО, ф.582, оп.14г, д.16, л.46-47об.
- ¹⁵⁵ ВГВ. 1844. № 32. С.180.
- ¹⁵⁶ ГАКО, ф. 582, оп.14г, д.16, л.46-47об.
- ¹⁵⁷ ГАКО, ф.575, оп.38, д. 106, л.102об.-104об.
- ¹⁵⁸ ГАКО, ф.575, оп.21, д.80, л.52-54.
- ¹⁵⁹ ГАКО, ф.575, оп.38, д. 106, л.86-86об.
- ¹⁶⁰ Там же. Л.39, 80-82, 287.
- ¹⁶¹ ГАКО, ф. 582, оп.14г, д.16, л.188.
- ¹⁶² Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.406-407.
- ¹⁶³ ГАКО, ф.575, оп.38, д. 157, л.1-1об., 4-5, 10-11, 18, 25.
- ¹⁶⁴ ГАКО, ф. 582, оп.14г, д.16, л.12-12об.
- ¹⁶⁵ ВГВ. 1844. № 32. С.179.
- ¹⁶⁶ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.211, л.1-2.
- ¹⁶⁷ ЦГА УР, ф.91, оп.1, д.60, л.5об.; ф.241, оп.1, д.576, л.190-190об.
- ¹⁶⁸ Федосов И.А., Долгих Е.В. Российский абсолютизм и бюрократия. // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т.2. С.27-28.
- ¹⁶⁹ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.451.
- ¹⁷⁰ Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2. С.261-262.
- ¹⁷¹ Выписка наставлений и приказаний, данных гг. сенаторами при осмотре Вятской губернии в марте 1800 г. Вятка, 1800. С.38-39.
- ¹⁷² ГАКО, ф.582, оп.81, д.18, л.1-2, 9, 110, 110об., 128об., 132, 132об., 144об.-146.
- ¹⁷³ ГАКО, ф.582, оп.139, д.25, л.306-307об.
- ¹⁷⁴ ВГВ. 1840. №17. С.112.
- ¹⁷⁵ ГАКО, ф.575, оп.38, д. 264, л.1-3, 23-23об.
- ¹⁷⁶ РГИА, ф.398, оп.1, д.4235, 4831.
- ¹⁷⁷ РГИА, ф.398, оп.1, д.4235, л.2-3.
- ¹⁷⁸ РГИА, ф.398, оп.1, д.4235, л.1-3об., 5об.-8об., 9об.-10об., 11-11об.; д.4831, л.2об., 4, 5-5об., 7-7об., 9об.-11, 13.
- ¹⁷⁹ РГИА, ф.398, оп.1, д.4235, л.18об.-19; д.4831, л.17-17об., 19.
- ¹⁸⁰ ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.258-258об.
- ¹⁸¹ Смирнов С.С. Указ. соч. С.385-386.
- ¹⁸² Александров А.А. Указ. соч. С.70-75.
- ¹⁸³ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.171-175.
- ¹⁸⁴ Котов П.П. Удельные крестьяне Севера, 1797-1863 гг. Сыктывкар, 1991. С.14.
- ¹⁸⁵ Цит. по: Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.266.
- ¹⁸⁶ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.43, л.80-80об.
- ¹⁸⁷ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.420-421, 445; Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.266; РГАДА, ф.1306, оп.2, д.762, л.1, 209; ф.1354, оп.99, д.я-1 синяя, л.5об.-8об.; оп.103, ч.1, л.5об., 9, 28; ГАКО, ф.583, оп.603, д.22, л.12, 67.
- ¹⁸⁸ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.658, л.1-1об.
- ¹⁸⁹ Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976. С.177-178.
- ¹⁹⁰ Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск, 1939. С.18, 19, 103, 111-112.
- ¹⁹¹ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.770, л.3об., 24об.-25об.
- ¹⁹² ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.198, л.6-6об., 8, 11-11об., 45, 46об.; д.210, л.1-3об., 14-14об., 23-23об.47-47об.; д.658, л.1-1об., 3об.-4; оп.3, д.1766, л.1-2об.

- ¹⁹³ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.175б, л.1-2об., 6-9, 16-18, 62-64.
- ¹⁹⁴ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.49, л.16; д.129, л.1, 2, 9; д.170, л.3, 5, 8.
- ¹⁹⁵ Акманов А.И. Проведение Генерального межевания на Южном Урале (1798-1842 гг.). // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 6. С.64-65; ГАКО, ф.582, оп.81, д.1355, л.10.
- ¹⁹⁶ Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.266.
- ¹⁹⁷ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.714, л.1-2, 14-1525об.-26.
- ¹⁹⁸ Ермаков Н.А. О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений. М., 1854. С.60-61.
- ¹⁹⁹ РГАДА, ф.1354, оп.99, д.я-1 син., л.1-5.
- ²⁰⁰ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.421.
- ²⁰¹ РГАДА, ф.1306, оп.2, д.872, л.4об.-5, 10об., 13об.; д.873, л.3-4, 51, 118, 249 об.; ГАКО, ф.575, оп.8, д.5, л.2-4об., 6об., 69-69об., 111-111об.
- ²⁰² ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.135, л.22, 22об.
- ²⁰³ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.434; ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.468, л.7-8; ГАКО, ф.575, оп.2, д.8197, л.1-1об., 10-10об.
- ²⁰⁴ ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.135, л.22об.
- ²⁰⁵ Чемоданов И.В. Земельные угодья вятских крестьян в середине XIX в. // Актуальные проблемы истории: Сб. науч. статей. Киров, 2001. С.46-47.
- ²⁰⁶ РГАДА, ф.1306, оп.2, д.855, л.5.
- ²⁰⁷ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.946, л.1.
- ²⁰⁸ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.146; Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.433.
- ²⁰⁹ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.539, л.33-33об., 44-47, 61-62, 124-124об.; д.576, л.109-110; д.755, л.1, 18-18об.; ГАКО, ф.575, оп.9, д.4, л.1-2об., 3-3об., 33об., 38-39, 190-191об., 243-244об.; д.17, л.2-6, 42, 76об.; ф.583, оп.603, д.1031, л.7-8об.
- ²¹⁰ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.425-426; Ермаков Н.А. Указ. соч. С.209; ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.539, л.1-1об., 22б.
- ²¹¹ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.539, л.33-33об.
- ²¹² ГАКО, ф.575, оп.9, д.4, л.1-2об., 3-3об., 38-39, 190-191об., 243-244об.; ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.539, л.61-62.
- ²¹³ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.130-131.
- ²¹⁴ ГАКО, ф.582, оп.81, д.1355, л.10-10об.
- ²¹⁵ Чемоданов И.В. Указ. соч. С.35-36.
- ²¹⁶ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.651, л.45, 97.
- ²¹⁷ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.655, л.6об.-7.
- ²¹⁸ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.683, л. 1-2, 5-8, 36об.-38, 46 об.
- ²¹⁹ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.735, л.8, 9, 30, 35.
- ²²⁰ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.421, л.86об.-87.
- ²²¹ См., например: ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.538, л.1-2, 9-9об., 11об.-12; д.709, л.3-3об., 8, 44; ф.126, оп.1, д.738, л.1-1об., 6-7об.
- ²²² ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.576, л.226-227.
- ²²³ См., например: ГАКО, ф.575, оп.24, д.5, л.50-53об.; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.214.
- ²²⁴ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.433.
- ²²⁵ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.251.
- ²²⁶ ВГВ. 1842. №46. С.222-223; ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.766, л.76об.-77.
- ²²⁷ ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.770, л.4.
- ²²⁸ ВГВ. 1841. №30. С.172.
- ²²⁹ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.122, л.1, 3-4, 26об., 55.
- ²³⁰ ГАКО, ф.575, оп.24, д.5, л.43об.-45, 69-69об.
- ²³¹ Там же. Л.55-58.
- ²³² ЦГА УР, ф.241, оп.1, д.257, л.1об., 2, 6-7, 8-9об., 12, 12об.
- ²³³ Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992. С.133.
- ²³⁴ ВГВ. 1839. №31. С.206; №34. С.216-217.
- ²³⁵ ВГВ. 1840. №14. С.92.
- ²³⁶ ГАКО, ф.575, оп.24, д.5, л.69-69об.
- ²³⁷ ЦГА УР, ф.126, оп.3, д.429, л.2-2об., 7, 12-12об., 41-41об.
- ²³⁸ ВГВ. 1839. №52. С.298-299.
- ²³⁹ ВГВ. 1841. №24. С.119-120; №30. С.168-172.
- ²⁴⁰ ВГВ. 1843. №34. С.133, 143.
- ²⁴¹ РГИА, ф.383, оп.2, д.1227, л.119-119об.
- ²⁴² ГАКО, ф.582, оп.6, д.10, л.18об.

- ²⁴³ См., например: ВГВ. 1844. №21. С.94-95; РГИА, ф.383, оп.20, д.26987, л.1; ГАКО, ф.575, оп.33, д.1258, л.1-3.
- ²⁴⁴ ГАКО, ф.575, оп.19, д.7, л.25-26об.
- ²⁴⁵ РГИА, ф.398, оп.1, д.4371, л.15, 45, 62, 76об., 77об.-78, 79, 80об., 82, 125, 152, 206, 228.
- ²⁴⁶ РГИА, ф.383, оп.19, д.24998, л.1об., 8, 19, 20, 28об.
- ²⁴⁷ Гришкина М.В. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Екатеринбург, 1995. С.28; РГИА, ф.398, оп.1, д.4371, л.79.
- ²⁴⁸ РГИА, ф.383, оп.21, д.29783, л.1-1об.8-9, 39-39об.
- ²⁴⁹ Подсчитано по: Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Тюмень, 1992. С.119.
- ²⁵⁰ Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С.562.
- ²⁵¹ Подсчитано по: НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.9, л.313.
- ²⁵² См., например: Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. // Собрание сочинений: В 6 т. Ижевск, 1997. Т.3. Кн.1. С.65-66, 70, 95, 109-112, 120.
- ²⁵³ Цит. по: Гришкина М.В. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск, 1995. С.30.
- ²⁵⁴ Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С.30-31, 107-108.
- ²⁵⁵ Тоймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С. 182.
- ²⁵⁶ Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С.174.
- ²⁵⁷ Овчинникова Б.В., Главацкая Е.М., Редин Д.А. Обзор основных тенденций в управлении национальными территориями в Российской империи XVIII–XX вв. // Архивы Урала. 1996. № 1. С.205.
- ²⁵⁸ Grishkina M.V. The Evolution of the State Policy as Regards the Udmurts in the 17th Century and up til about 1850. // KVHAA Konferenser. Stockholm, 1997. С.97.
- ²⁵⁹ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С.2-3.
- ²⁶⁰ Там же. С.4-5.
- ²⁶¹ Никулин А.И. Национальная политика России (история и современность). М., 1993. С.9, 12-13.
- ²⁶² Федоров В.А. Православная церковь и государство. // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т.2. С.290-291, 297-298.
- ²⁶³ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С. 236.
- ²⁶⁴ ЦГА УР, ф.245, оп.3, д.172, л.45-46, 47-47об.
- ²⁶⁵ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С.404, 407.
- ²⁶⁶ Овчинникова Б.В., Главацкая Е.М., Редин Д.А. Указ. соч. С.205.
- ²⁶⁷ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.190-191.
- ²⁶⁸ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С. 255-256.
- ²⁶⁹ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д. 805, л.1-3, 4-5об., 20-21.
- ²⁷⁰ Цит. по: История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.190.
- ²⁷¹ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.648, л.4, 7, 7об.
- ²⁷² ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.749, л. 4, 6-8, 28, 56-57, 60, 60об.
- ²⁷³ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.60, л.30об.
- ²⁷⁴ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С. 94, 428-430.
- ²⁷⁵ Хайрутдинов Р.Р. Указ. соч. С.126-127.
- ²⁷⁶ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.191-192.
- ²⁷⁷ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С.236-238.
- ²⁷⁸ Там же. С. 256.
- ²⁷⁹ Латышев Н.Н. Указ. соч. С. 67-68.
- ²⁸⁰ Гришкина М.В. Мултанский пролог. // Мултанское дело: история и современность. Ижевск, 2000. С.20-27.
- ²⁸¹ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.469, л.139-139об.
- ²⁸² Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С. 237.
- ²⁸³ Тоймасов Л.А. Опыты христианского просвещения нерусского крестьянства Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Проблемы аграрной истории Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С.128-129; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.60, л.40-41.
- ²⁸⁴ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С. 328-329.
- ²⁸⁵ Там же. С.346-347.
- ²⁸⁶ Там же. С.356, 564.
- ²⁸⁷ Тоймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары, 2004. С. 119.
- ²⁸⁸ Там же. С. 375, 382-383.
- ²⁸⁹ Там же. С. 387.
- ²⁹⁰ Grishkina M.V. Указ. соч. С.98; РГАДА, ф.1292, оп.1, д.207, л.74-75об.
- ²⁹¹ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.193.
- ²⁹² Там же. С.193; Grishkina M.V. Указ. соч. С.98.
- ²⁹³ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.468.

- ²⁹⁴ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С.193.
- ²⁹⁵ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.470-471.
- ²⁹⁶ ВГВ. 1847. №7. С.38.
- ²⁹⁷ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911. С.466-467.
- ²⁹⁸ ГАКО, ф.582, оп.139, д.25, л.3-4.
- ²⁹⁹ Grishkina M.V. Указ. соч. С.98.
- ³⁰⁰ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.60, л.48.
- ³⁰¹ Шумилов Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века. Ижевск, 2001.
- ³⁰² Там же. С.63-66.
- ³⁰³ Никитина Г.А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861-1900 гг.). Ижевск, 1993. С.154.
- ³⁰⁴ Шумилов Е.Ф. Указ. соч. С.66.
- ³⁰⁵ См., например: ВГВ. 1838. № 2. С.5-6; № 3. С.11-12, 14; 1839. № 21. С.84, 86-87; 1846. № 47. С.311-312; 1859. № 32. С.215-219; ГАКО, ф. 582, оп.14г, д.16, л.10-10об.; ф.582, оп.2м, д.71, л.1-2.
- ³⁰⁶ Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992. С.209, 214-215.
- ³⁰⁷ Grishkina M.V. Указ. соч. С.99.
- ³⁰⁸ ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.258-258об.
- ³⁰⁹ Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.105-106.
- ³¹⁰ Там же. С.107-108.
- ³¹¹ ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.260-261.
- ³¹² Александров А.А. Указ. соч. С.85.
- ³¹³ ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.318.
- ³¹⁴ Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.112.
- ³¹⁵ Там же. С.113.
- ³¹⁶ ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.318.
- ³¹⁷ Там же. Л.326.
- ³¹⁸ Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.114.
- ³¹⁹ ГАКО, ф.582, оп.140, д.108, л.366, 389.
- ³²⁰ Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.115.
- ³²¹ Александров А. А. Указ. соч. С.86.
- ³²² РГИА, ф.37, оп.16, д. 156, л.2.
- ³²³ Там же. Л.4-5об.
- ³²⁴ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.464, л.14, 15, 17-22.
- ³²⁵ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.161.
- ³²⁶ Там же. Л.162.
- ³²⁷ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.8, л.96-96об.; Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.110.
- ³²⁸ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.111.
- ³²⁹ ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.133, л.124.
- ³³⁰ Там же. Л.125.
- ³³¹ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.111-112.
- ³³² НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.170.
- ³³³ ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.133, л. 127.
- ³³⁴ Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень, 1996. С.112.
- ³³⁵ Токарев С.В. Крестьянские картофельные бунты. Киров, 1939. С.25.
- ³³⁶ ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.133, л.129, 130.
- ³³⁷ Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.519-520.
- ³³⁸ Там же. С.518-519.
- ³³⁹ ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.133, л.124.
- ³⁴⁰ Там же. Л.125, 127.
- ³⁴¹ Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.520.
- ³⁴² Там же. С.520-521.
- ³⁴³ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.687, л.3об., 4, 5об., 6, 7об., 84-85.
- ³⁴⁴ Токарев С.В. Указ. соч. С.24-25.

- ³⁴⁵ Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.521.
- ³⁴⁶ Токарев С.В. Указ. соч. С.55-56.
- ³⁴⁷ Там же. С.55-56.
- ³⁴⁸ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.679, л.11об., 22.
- ³⁴⁹ Там же. Л.2об.
- ³⁵⁰ Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.531-532; ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.679, л.2-3об.
- ³⁵¹ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.679, л.12.
- ³⁵² Там же. Л.22.
- ³⁵³ Там же. Л.78.
- ³⁵⁴ Там же. Л.200.
- ³⁵⁵ Токарев С.В. Указ. соч. С.73.
- ³⁵⁶ Там же. С.28-29.
- ³⁵⁷ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.45, л.71; Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.511-513.
- ³⁵⁸ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.45, л.71; Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т.2. С.532-534.
- ³⁵⁹ Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в политике самодержавия в середине 10-х – начале 30-х гг. XIX в. Дис. на соиск. учен. степ. канд.ист. наук. М., 1984. С.94.
- ³⁶⁰ ГАКО, ф.582, оп.45, д.7, л.1-1об., 23-25об., 64-64об., 72-92об., 114-114об.
- ³⁶¹ ГАКО, ф.583, оп.602, д.395, л.1об.
- ³⁶² Столетие Вятской губернии. Вятка, 1880. Т.1. С.354-355, 372-373; НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.63, л.163-167; Вахрушев А.Н. К вопросу о Камите Усманове. // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып.2. С.248-253.
- ³⁶³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб., 2000. Т.2. С.246; Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С.19.
- ³⁶⁴ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в 1-й половине XIX в. Вятка, 1911. С.296.
- ³⁶⁵ Там же. С.291.
- ³⁶⁶ Там же. С.299.
- ³⁶⁷ Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 20. С.519.
- ³⁶⁸ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.18, л.60об.-61об., 94, 190об.-191.
- ³⁶⁹ НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.32, л.19-19об.
- ³⁷⁰ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.171, л.2, 187.
- ³⁷¹ См., например: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.900, 907, 915, 933, 934, 970, 986, 1018, 1026, 1058, 1078, 1084, 1097, 1108, 1109, 1112, 1116, 1121, 1124.
- ³⁷² Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма. // Старообрядчество в России (XVII-XIX вв.). М., 1999. С.129, 139, 144-145.
- ³⁷³ См., например: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.789, 792, 798, 799, 826, 890.
- ³⁷⁴ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.1038, л.1-3об., 37, 37об., 40, 40об.
- ³⁷⁵ Вольф Э.Р. Крестьянские восстания. // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.294-304.
- ³⁷⁶ См., например: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.632, 681, 722, оп.3, д.109, 121, 122, 129а, 141, 151, 155, 159, 161, 181, 211, 225, 228, 233, 260, 188, 343, 429, 683; ф.241, оп.1, д.4, 257, 322, 697, 698, 755, 784, 850.
- ³⁷⁷ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.689, 714, оп.3, д.129а.
- ³⁷⁸ Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911. С.416-424.
- ³⁷⁹ См., например: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.358, 629, 631, 734, 738; ф.241, оп.1, д.3, 538, 576, 578, 579, 709, 766.
- ³⁸⁰ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.435.
- ³⁸¹ Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996. С.188-189; Латышев Н.Н. Указ. соч. С.136.
- ³⁸² См., например: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.32, оп.3, д.81, 146, 171, 645, 646; ф.241, оп.1, д.337, 496, 576.
- ³⁸³ ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.573.
- ³⁸⁴ См., например: РГИА, ф.1405, оп.39, д.1413, л.22-22об., 23об.-25.
- ³⁸⁵ Никулин А. Сатурналии мощи. Искусство господства и сопротивления в концепции Джеймса Скотта. // Отечественные записки. 2003. № 3. С.111; Скотт Д. Моральная экономика крестьянства как этика выживания. // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.202-210.
- ³⁸⁶ Цит. по: Никулин А. Указ. соч. С.113.
- ³⁸⁷ Михайлова Р.В. Духовность крестьянства как всеобщий способ его самовыражения.: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра философ. наук. М., 2000. С.62.
- ³⁸⁸ Никулин А. Указ. соч. С.113.
- ³⁸⁹ См.: ЦГА УР, ф.126, оп.1, д.659, л.28-28об.
- ³⁹⁰ Цит. по: Макаров Ф.П. Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск, 1935. С.25.
- ³⁹¹ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск, 2000. С.229-230.
- ³⁹² Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С.205.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Унификация и другие преобразования крестьянства России, завершенные реформами 1860-х гг., имели свои корни в предшествовавшей аграрной политике. Наиболее крупными, но далеко не единственными реорганизациями конца XVIII – первой половины XIX в. можно считать реформы Павла I, Л.А. Перовского и П.Д. Киселева. Крестьянство Удмуртии в это время было неоднородным по многим признакам. Но более ощутимым как для него самого, так и для государства было разделение на несколько групп, существенно различающихся по социально-правовому статусу. Сельское население Удмуртии принадлежало к государственным, удельным и крепостным крестьянам, а также непрямым работникам, тептярям и лашманам, образованным из категории казенных крестьян. В результате реформаторской деятельности власти все эти сословия претерпевали достаточно значительные изменения, которые, в конечном счете, уравнивали их социально-правовой статус еще накануне преобразований Александра II.

На крестьянах лежало бремя по содержанию государства, проведению политики великой державы. Реализация внутреннего курса правительства по отношению к крестьянству легла на плечи самих крестьян, иными словами, они сами обеспечивали материальными и иными ресурсами осуществление аграрной политики правительства.

Основными административно-территориальными единицами рассматриваемого периода для государственных крестьян являлись волости и составляющие их участки (до 1830-х гг.) и сельские общества (с 1830-х гг.). Численность этих единиц, их границы изменялись государственной властью неоднократно. Преобразования в этой сфере были направлены на унификацию. Первоначально шло укрупнение волостей, что обеспечивало более действенный контроль и управление, а также позволяло несколько сгладить неравенство в несении бремени местного управления и самоуправления. Однако из-за постоянного роста сельского населения, особенностей местных природных и социально-

экономических условий достичь полного уравниения оказалось невозможно. В итоге в 1859 г. было произведено разукрупнение волостей и разделение их на разряды в зависимости от численности в них крестьян. Для непрременных работников можно только отметить наличие двух отделений во главе со старшинами. Лашманы могли иметь собственные волости, тептяри проживали в волостях казенных крестьян.

Низшей административной ячейкой управления удельной деревней являлся приказ. В отличие от государственной деревни, удельные крестьяне Удмуртии с конца 1800-х гг. находились в ведении 6 удельных приказов: Мостовинского, Козловского, Нечкинського, Галановского, Каракулинского – Сарапульского уезда и Качкинского – Елабужского, которые претерпевали достаточно незначительные территориальные изменения. Организация приказов была подобна волостной, более того, постоянные преобразования казенных волостей преследовали целью приближение их к устройству и размерам низшей территориально-управленческой единицы удельного ведомства. Правда, в последнем не возникли структуры, напоминающие сельские общества. Удельные крестьяне в незначительном числе проживали также на территории Малмыжского уезда в волостях государственных крестьян, но в административном отношении они подчинялись приказам, расположенным в Яранском уезде.

В целом на протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. можно отметить попытки централизации управления крестьянством, выразившиеся, в частности, в уменьшении числа волостей. Данные меры, по замыслу органов власти, позволяли бы облегчить управление и контроль и сэкономить средства на содержание растущего чиновничьего аппарата. Однако уже с конца 1850-х наблюдается обратная тенденция: выросло число волостей, в государственной деревне были ликвидированы окружные управления. Это было связано как с ростом сельского населения, так и некоторым отказом от всеобъемлющего контроля над крестьянскими сообществами. На территории Удмуртии в первой половине XIX в. происходили значительные административно-территориальные преобразования, имевшие немалое влияние на крестьян: происходит постепенная унификация крестьянского населения в

ная унификация крестьянского населения в административном отношении, завершенная реформами 60-х гг.

По образу правления Россия являлась централизованной самодержавной монархией. Однако ее опорой в крестьянском «море» была демократичная, в значительной степени автономная крестьянская община, чьи органы самоуправления государство использовало в своих целях. Государство всячески старалось приспособить крестьянское самоуправление под свои нужды, полностью превратить его в низшую административную ячейку. Проводимые преобразования конца XVIII – первой половины XIX в. отвечали прежде всего этой цели. На территории Удмуртии в наибольшей степени этого удалось достичь в удельной деревне и среди непрременных работников, в наименьшей – среди теплярей. Эта цель достаточно успешно претворялась в жизнь, общинная демократия хотя и продолжала существовать, но немаловажными функциями даже тех ее органов, которые формально не вписывались в выстраиваемую государством структуру, было решение поставленных властью задач. Настоящая тенденция получила дальнейшее развитие во второй половине XIX в.

Самой важной функцией крестьянства по отношению к государству по взаимному молчаливому согласию была обязанность платить налоги. Но из-за того, что в своей основе крестьянское хозяйство оставалось натуральным, оно не могло в полной мере удовлетворить денежными выплатами имперские амбиции государства. Поэтому немаловажным являлось предоставление рабочих рук. Крестьяне должны были вносить в казну подушную подать, которой облагались все податные сословия. Денежный оброк, также взимающийся с ревизских душ без учета хозяйственной состоятельности двора и его земельной обеспеченности, фактически являлся второй подушной податью для государственных и удельных крестьян. Раскладка и взимание оброчной подати проводилась на тех же основаниях, что и подушной. В результате преобразований 1820-1830-х гг. (реформы Л.А. Перовского) в удельной деревне денежный оброк был переведен с души на землю и в целом вырос, т.е. стал ближе к оброку крепостных крестьян. От уплаты данной налоговой статьи были освобождены непре-

менные работники Камско-Воткинского и Ижевского казенных заводов и лашманы, но взамен они несли, пожалуй, более тягостные натуральные повинности, выполняя вспомогательные заводские работы и заготавливая лес для российского флота. Не платили оброк также тептяри, обязанные составлять особые тептярские полки. Тептяри первоначально выполняли вспомогательные военнопграничные функции, а впоследствии составляли своеобразную трудовую армию военного ведомства.

Ряд расходных статей как регионального, так и общегосударственного значения должны были финансироваться за счет земских повинностей, которые могли носить и денежную, и отработочную форму. Общественный сбор, введенный в государственной деревне в 1840 г., должен был обеспечивать политику попечительства в рамках реформ П.Д. Киселева. В удельной деревне эту задачу решали доходы с общественной запашки, введенной реформами Л.А. Перовского. Прежде всего на содержание органов самоуправления и на взятки местным представителям власти производились различные мирские (внутриобщинные) сборы, далеко не всегда легальные. Арендные платежи за оброчные статьи, число и стоимость которых постоянно увеличивались, являлись еще одним источником выкачивания средств. Основу натуральных повинностей составляли рекрутская (предоставление солдат для царской армии), подводная (обязанность предоставлять транспортные средства для перевозки чиновников, солдат, различных грузов), дорожная (необходимость ремонтировать дороги общегосударственного и губернского значения) и квартирная (обеспечение проезжающих государственных людей временным жильем для сна и отдыха) повинности.

В рассматриваемое время можно отметить усиление фискальной регламентации и контроля. Данная политика преследовала цель уменьшить коррупцию местного чиновничьего аппарата и все более бюрократизирующихся представителей органов местного самоуправления. Об успешности политики «закручивания гаек» говорить не приходится.

При всем разнообразии видов официальных денежных платежей в действительности они были многообразными только по названию, на практике деньги, непосредственно следующие в казну, собирались специальными выборными сборщиками два раза в год и сдавались в уездные казначейства. При необходимости денежных средств или рабочей силы увеличивались не только прежде существовавшие поборы и повинности, но и вводились новые. Однако постоянный рост платежей и повинностей объективно был вызван не повышением платежеспособности крестьянского хозяйства, а в первую очередь потребностями государства. Несмотря на то, что денежные подати, натуральные повинности, а также нефиксированные поборы были многочисленны, разнообразны, а их объемы увеличивались, удмуртские крестьяне в целом с ними справлялись. При этом нельзя говорить о перманентной возможности усиления податного бремени. Недоимки, хоть и не столь в значительных масштабах по сравнению с другими регионами страны, но существовали, и многие крестьянские общества полностью никогда не могли их погасить. Вал недоимок возрастал во время наполеоновских войн и Крымской войны.

В конце XVIII – первой половине XIX в. государство возложило на свои плечи многочисленные функции патерналистского характера. Заметное усиление и большее разнообразие попечительских мер наблюдается после преобразований П.Д. Киселева и Л.А. Перовского в государственной и удельной деревне. Основными направлениями заботы о крестьянстве являлись: 1) решение проблемы обеспеченности землей посредством переселений и нарезок; 2) борьба с периодически возникающей угрозой голода через устройство запасных хлебных магазинов; 3) повышение урожайности крестьянского поля, распространение новых сельскохозяйственных культур (например, картофеля), улучшение породности крестьянского скота (образцовые усадьбы, общественные запашки, раздачи семян, выставки достижений крестьянского хозяйства и т.д.); 4) просвещение; 5) улучшение медицинской части; 6) усовершенствование управления крестьянами. Такое яркое явление во взаимоотношениях крестьянства и власти, как патернализм, было обусловлено взглядами многих предста-

вителей власти, начиная с императоров, о своей патриархальной обязанности заботиться о подданных. Теория и практика попечительства свидетельствует также о наличии сильных фискальных интересов, обоснованных представлением, что сильное и лучше организованное крестьянство сможет больше заплатить. Практические мероприятия в рамках политики патернализма проводились за счет самих крестьян.

Несмотря на некоторые, иногда достаточно важные достижения, в целом можно отметить малоуспешность попечительских мероприятий. Многие меры государственного патернализма давали незначительные результаты. Крестьянские агротехника и агроприемы, состояние здоровья и смертность, грамотность и в целом жизнь деревни в массе оставались такими же, как и в предыдущие столетия. Свою роль в этом сыграли как искусственно навязываемые, не всегда оправданные мероприятия власти, так и боязнь крестьян ради призрачного будущего процветания потерять то небольшое, что сегодня обеспечивало их существование.

Всю первую половину XIX в. для удмуртских крестьян можно считать эпохой глобальных преобразований в земельной сфере, которые изменили картину крестьянского землепользования и землевладения. Генеральное межевание и проводившиеся вслед за ним специальные межевания имели своей целью точное определение размеров и характера земельных владений различных собственников, решение проблемы спорных земель, устранение чересполосицы и неразделенности держаний и т.д. Результаты не были впечатляющими прежде всего в силу некачественности земельных преобразований: были совершены многочисленные ошибки при определении размеров и границ владений, далеко не всегда учитывались особенности рельефа местности, ряд общин лишился необходимых угодий. Если ранее крестьяне довольно свободно могли пользоваться всей совокупностью прилегающих земель, то по итогам генерального межевания они были жестко ограничены, исходя из 15 дес. на душу мужского пола, остальное было отрезано в казенные дачи. Здесь следует отметить, что хотя в эти дачи и вошли в основном лесные угодья, однако для нормального

функционирования традиционного трехполья в условиях экстремального земледелия были необходимы дополнительные площади, чтобы использовать их в элементах подсеки, позволявшей отдохнуть старопахотным землям. Именно эти отрезки привели к кризису крестьянской агрикультуры, выразившегося к середине XIX в. в общем снижении урожайности. Тем не менее, в целом необходимо согласиться с тем, что преобразования способствовали наведению порядка и дальнейшему развитию земельных отношений. Результатом аграрных реформ стало также внедрение в удмуртской деревне поземельной общины.

Территорию Удмуртии с давних пор населяли многие народы с различными культурами и религией. Как духовной, так и светской власти это приходилось учитывать. В конце XVIII – первой половине XIX в. политика Российского государства по отношению к народам Удмуртии не была последовательной. Власть не стремилась отличать нерусские народы от русского: крестьяне Удмуртии, независимо от своей этнической принадлежности, платили одинаковые налоги, управлялись одними и теми же административными органами. Различия наблюдались прежде всего в конфессиональной политике. В теории еще Екатериной II была провозглашена свобода вероисповедания, однако на практике государство поддерживало лишь православие и стремилось в рамках просвещения и миссионерской деятельности, чтобы его придерживались все подданные. Губернские и уездные уровни власти, более того, зачастую могли даже проявлять рецидивы насильственной христианизации, которые, впрочем, не поощрялись центром. Под христианизацией, в свою очередь, понималось не только усвоение и принятие догматов главенствующей в России церкви, но и, в конечном счете, русификация.

В целом можно отметить, что в своей основе история крестьянства и власти в Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в. – это история мирного взаимовыгодного сотрудничества. Крестьянство принимало существующий порядок вещей, было готово содержать государство и его институты. Тем не менее, оно чутко реагировало на все проявления хозяйственной и социальной дискриминации, видя ее источник в конкретном представителе власти. Основ-

ными видами борьбы здесь выступали подача прошений в вышестоящие органы власти и тихий саботаж непопулярных постановлений. Открытое проявление недовольства, которое достаточно редко оборачивалось пролитием крови, возникало в тех нечастых случаях, когда крестьяне усматривали в некоторых одиозных мероприятиях правительства угрозу своему существованию, возможность ухудшения своего социального статуса. Таковыми стали для них, например, перевод в 1807 г. крестьян-удмуртов в разряд непрременных работников Ижевского оружейного завода, реформы фискального и попечительского характера в удельной и государственной деревне в конце 20-х – начале 40-х гг. XIX в. В силу локальности мировосприятия, выступления редко выходили за рамки общины, еще хуже поддерживали друг друга сельские жители, принадлежавшие к различным категориям.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

асс. – ассигнации

ВГВ – Вятские губернские ведомости

ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия

ГАКО – Государственный архив Кировской области (г. Киров)

дес. – десятина

ж.п.д. – души женского пола

м.п.д. – души мужского пола

о.п.д. – души обоего пола

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. С.-Петербург)

саж. – сажень

сер. – серебро

НОА УИИЯЛ, РФ – Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории языка и литературы Уральского отделения Российской Академии Наук, Рукописный фонд (г. Ижевск)

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики (г. Ижевск)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Неопубликованные источники**

1. Российский государственный исторический архив:

Фонд 37. Горный департамент МГиП. Оп.16, д. 156.

Фонд 379. Департамент государственных имуществ Министерства финансов. Оп.1, д.1290.

Фонд 383. I департамент Министерства государственных имуществ. Оп.1, д.436. Оп.2, д.1227, 2279. Оп.19, д.24998. Оп.20, д.26987, 27436. Оп.21, д.29783.

Фонд 398. Департамент земледелия Министерства земледелия. Оп.1, д.149, 2198, 4235, 4371, 4831.

Фонд 515. Главное управление уделов. Оп.5, д.150. Оп.10, д.4310. Оп.15, д.2235. Оп.18, д.88, 41, 165.

Фонд 1263. Комитет министров. Оп.1, ж.ст.183, д.978.

Фонд 1286. Департамент полиции исполнительной МВД. Оп.4, д.306.

Фонд 1341. I департамент Сената. Оп.9, д.1862.

Фонд 1405. Министерство юстиции. Оп.39, д.1413.

2. Российский государственный архив древних актов:

Фонд 1292. Оп.1, д.207. Материалы сенаторских ревизий о внутреннем состоянии России в начале царствования Александра I.

Фонд 1306. Материалы генерального и специального межеваний по Вятской губернии. Оп.2, д.762, 855, 872, 873.

Фонд 1354. Планы дач генерального и специального межеваний. Оп.99- Глазовский уезд, ч.1, д.я-1 син. Оп.103- Малмыжский уезд, ч.1.

3. Государственный архив Кировской области:

Фонд 176. Вятская казенная палата. Оп.1, д. 2532.

Фонд 574. Вятский губернский статистический комитет. Оп.1, д.1, 5, 12, 100.

Фонд 575. Вятская палата государственных имуществ. Оп.2, д.8197. Оп.8, д.5, 233, 1804. Оп.9, д.4, 17. Оп.13, д.848. Оп.19, д.7. Оп.21, д.80, 327. Оп.24, д.5. Оп.33, д.1258. Оп.38, д. 106, 157, 161, 248, 264.

Фонд 582. Канцелярия вятского губернатора. Оп.1, д.47, 79, 81, 85. Оп.2м, д.71. Оп.5, д.61. Оп.6, д.10, 811. Оп.14г, д.16. Оп.45, д.7, 34, 61, 77. Оп.47, д.174. Оп.50, д.10. Оп.56, д.127. Оп.81, д.18, 128, 249, 704, 1355, 1538. Оп.139, д.25, 320, 341, 357, 433. Оп.140, д.108, 111.

Фонд 583. Канцелярия Вятского губернского правления. Оп.602, д.53, 292, 395. Оп.603, д.22, 171, 211, 1031.

Фонд 1272. Мостовинское удельное отделение. Оп.1, д. 2.

4. Центральный государственный архив Удмуртской республики:

Фонд 4. Ижевский завод. Оп.1, д.782.

Фонд 91. Глазовское уездное казначейство. Оп.1, д.10, 15, 44, 60.

Фонд 126. Глазовский уездный суд. Оп.1, д.18, 32, 43, 49, 122, 129, 148, 170, 171, 198, 210, 358, 468, 572, 573, 574, 577, 629, 631, 632, 638, 648, 651, 655, 658, 679, 681, 683, 687, 689, 714, 722, 734, 735, 738, 749, 789, 792, 798, 799, 805, 826, 890, 900, 907, 915, 933, 934, 970, 986, 1018, 1026, 1038, 1058, 1078, 1084, 1097, 1108, 1109, 1112, 1116, 1121, 1124. Оп.3, д.79, 81, 82, 84, 109, 121, 122, 129а, 141, 146, 151, 155, 159, 161, 171, 175, 175а, 175б, 176б, 181, 188, 211, 213, 225, 228, 233, 260, 271, 274, 320, 343, 421, 429, 645, 646, 683.

Фонд 241. Сарапульский уездный суд. Оп.1, д.3, 4, 5, 253, 257, 322, 337, 344, 419, 496, 538, 539, 576, 578, 579, 696, 697, 698, 709, 734, 755, 756, 766, 770, 784, 850.

Фонд 245. Сарапульское духовное правление. Оп.3, д.172.

Фонд Р-534. Выдержки из дел, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, которые касаются истории Удмуртии. Оп.1а, д.133.

5. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук:

Рукописный фонд. Оп.2-Н, д.5, 8, 9, 24, 32, 45, 60, 63, 464, 468, 469, 673, 946.

Опубликованные документы и материалы

6. Барановский Н.С. Вятская очередная выставка сельских произведений в 1858 г. Вятка, 1859. 127 с.
7. Выписка наставлений и приказаний, данных гг. сенаторами при осмотре Вятской губернии в марте 1800 г. Вятка, 1800. 78 с.
8. Вятская история с подробным описанием иерархии и нынешнего состояния г. Вятки и губернии Вятской. Учиненная в 1825 г. Рукопись. Вятка, 1830. 148 с.
9. Ермаков Н.А. О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений. М.: 1854. 365 с.
10. Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.): Сборник материалов и документов по спецкурсу и спецсеминару. Тюмень, 1992. 142 с.
11. Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель по документам Центрального госархива Удмуртской Республики. Ижевск: Удмуртия, 2000. 479 с.
12. Российское законодательство X–XX вв. Т.6. Законодательство первой половины XIX в. М.: Юрид.лит., 1988. 431 с.
13. Свод законов Российской империи. Изд. 1842 г. СПб.: Типография 2-го отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1842.
14. Сословный строй и хозяйство России в первой половине XIX в.: Состояние и основные тенденции развития: Сборник документов и материалов. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 174 с.
15. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917 – 1991 гг. Ижевск: Удмуртия, 1995. 744 с.
16. Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. 800 с.

17. Шестаков В. Глазовский уезд, историко-экономический очерк. // Вестник императорского русского географического общества. Т. XXVI. Кн. 7, 8. 1859. Кн. 7. С. 73-112. Кн. 8. С. 113-152.

Периодическая печать

18. Вятские губернские ведомости. 1838-1859 гг.

19. Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 20.

20. Календари и памятные книжки Вятской губернии на 1857, 1860, 1870, 1873, 1894, 1912 гг.

Литература

1. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. Ижевск: УдНИИ, 1981. 159 с.
2. Акманов А.И. Проведение Генерального межевания на Южном Урале (1798-1842 гг.). // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 6. С. 62-79.
3. Александров А.А. Ижевский завод. Ижевск: Удмурт. книжн. изд-во, 1957. 128 с.
4. Александров В.А. Обычное право в крепостной деревне России XVIII – начала XIX в. М.: Наука, 1984. 255 с.
5. Александров В.А. Сельская община в России. (XVII – начало XIX вв.). М.: Наука, 1976. 323 с.
6. Александров В.А. Сельская община и вотчина в России (XVII – начало XIX в.). // Исторические записки. М.: Наука, 1972. Т. 89. С. 231-294.
7. Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ижевск, 1998. 26 с.
8. Алексеева Н.В. Зажиточные крестьяне и практика благотворительности в северной деревне XIX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тези-

- сы докладов и сообщений. Вологда, 12-16 сентября 2000 г. М.: ИРИ РАН, 2000. С.87-89.
9. Бабашкин В.В. Крестьянская революция в России и концепции аграрного развития. // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С.84-94.
  10. Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: наследие России царской и России коммунистической. // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. С.99-110.
  11. Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается. // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность*. М., 1999. С. 280-288.
  12. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М.: ГПИБ, 2002. 419 с.
  13. Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. 427 с.
  14. Берестова Е.М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начале XX в.): Социально-культурная деятельность: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 232 с.
  15. Берестова Е.М. Социально-культурная деятельность православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 26 с.
  16. Бехтерев Н.П. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии. // *Столетие Вятской губернии*. Вятка, 1881. Т.2. С.390-489.
  17. Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. // *Столетие Вятской губернии*. Вятка, 1880. Т.1. С.209-387.
  18. Блинов Н.Н. Иностранцы Северо-восточной части Глазовского уезда. // *ВГВ*. 1865. №59-67.

19. Большакова О.В. Мун Д. Русское крестьянство 1600-1930: Мир, который создали крестьяне. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.5, История: РЖ. М., 2002. С.32-39.
20. Борисова А.В. Государственные крестьяне Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ярославль, 1998. 19 с.
21. Борисова А.В. Крестьянство России в конце XVIII – первой половине XIX в. Текст лекций. Ярославль: ЯрГУ, 2000. 204 с.
22. Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М.: Мысль, 1980. 342 с.
23. Васина С.М. Крестьянская община и приходское духовенство Марийского края в XIX в. // Проблемы аграрной истории Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. 462 с. С.117-122.
24. Вахрушев А.Н. К вопросу о Камите Усманове. // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск: УдНИИ, 1974. Вып.2. С.248-253.
25. Вахрушев А.Н. Социально-экономическое положение крестьян Удмуртии в пореформенное время и развитие капиталистического производства в деревне. // Очерки истории Удмуртии XIX в. Материалы по истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. Вып.3. С.141-157.
26. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Прогресс-Академия», 1992. 432 с.
27. Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. // Собрание сочинений: В 6 т. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. Т.3. Кн.1. С.63-122.
28. Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 160 с.
29. Вилков А.А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс: Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра полит.наук. Саратов, 1998. 363 с.

30. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира у удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
31. Волкова Л.А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 388 с.
32. Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Ижевск: УдНИИ, 1981. 156 с.
33. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905-1917). М.: МПГУ, 2000. 417 с.
34. Вронский О.Г. Крестьянство и власть (1900-1923). Тула: Рарус, 1993. 138 с.
35. Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров: Кировск. гос. пед. ин-т , 1985. 242 с.
36. Галкина Н.Н. Становление и развитие здравоохранения в Вятской губернии в 60-90-е годы XIX века. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 22 с.
37. Гареев И.С. Марийские крестьяне Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX века: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1999. 291 с.
38. Герцен А.И. Вотяки и черемисы. // ВГВ. 1838. №1, 3, 5.
39. Гордон А.В. Пореформенная российская деревня в цивилизационном аспекте (размышления о постановке вопроса). // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. С.141-160.
40. Гордон А.В. Можно ли модернизировать концепцию модернизации? // Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М.: АН СССР, 1981. С.5-31.
41. Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. М.: РОССПЭН, 1996. С.57-74.

42. Гордон А.В., Старостин Б.С. Личность и социализация в теориях модернизации. // Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М.: АН СССР, 1981. С.225-273.
43. Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России, 1797-1865 гг.: Учеб. пособие по спецкурсу. Смоленск: СГПИ, 1986. 108 с.
44. Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России (1797-1865 гг.): Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М.: МГУ, 1988. 47 с.
45. Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 1992. 159 с.
46. Гришкина М.В. Аграрный строй и крестьянство Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Научный доклад, представленный в кач-ве дисс. на соис. учен. степ. д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1995. 51 с.
47. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск: Удмуртия, 1977. 187 с.
48. Гришкина М.В. Мултанский пролог. // Мултанское дело: история и современность. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. С.20-27.
49. Гришкина М.В. Народное образование в Удмуртии в XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Сб. статей. Ижевск: УдНИИ, 1981. С.123-155.
50. Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма. Ижевск, 1994. 207 с.
51. Гришкина М.В. Удмурты: Этюды из истории IX – XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994. 166 с.
52. Гришкина М.В. Христианизация как направление государственной политики по отношению к нерусским народам. // Христианство в истории и культуре Удмуртии: Материалы республиканской научно-практической конференции. Ижевск, 2000. С.5-8.
53. Громько М.М. Территориальная крестьянская общин Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в.). // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ие, 1977. С.33-103.

54. Гурьянова Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма. // Старообрядчество в России (XVII-XIX вв.). М.: «Языки русской культуры», 1999. С.126-148.
55. Даишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола: МпрНИИ, 1978. С.55-62.
56. Данилова Л.В. Крестьянство и государство в дореформенной России. // Крестьяне и власть: Материалы конф. / Тамбовск. гос. техн. ун-т, Московск. высш. шк. соц. и экон. наук. Москва-Тамбов, 1996. 184 с. С.24-37.
57. Данилова Л.В. Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия. // Административные реформы в России в XVIII-XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. М.: АН СССР, 1990. С.40-92.
58. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в политике самодержавия в середине 10-х – начале 30-х гг. XIX в.: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1984. 229 с.
59. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., Л.; 1946. Т.1. 635 с. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т.2. 617 с.
60. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962. Минск, 1962. 575 с.
61. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд, перераб., доп. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
62. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX в.). М.: Мысль, 1981. 252 с.
63. Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800-1860 гг.): Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1985 (1986). 98 с.
64. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 286 с.
65. Захаров А.В. Народные образы власти. // Полис. 1998. №1. С.23-35.

66. Ивонин Ю.М. Христианство в Удмуртии: История и современность. Ижевск: Удмуртия, 1987. 112 с.
67. Историография истории Удмуртии. Ижевск: УдНИИ, 1977. 157 с.
68. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука, 1993. Т.3. 664 с.
69. История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т.1. 432 с.
70. История крестьянства СССР. М.: Наука, 1990. 615 с.
71. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 552 с.
72. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. 604 с.
73. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в России в XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1971. 190 с.
74. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 254 с.
75. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 214 с.
76. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.
77. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1975. 255 с.
78. Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII в. (пути и формы крестьянского общественного служения): Учеб. пособие к спецкурсу. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1990. 95 с.
79. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-традиция, 2000. 344 с.
80. Кильдибеков П.В., Макаров Ф.П. История классовой борьбы в Удмуртии. Ижевск: Удпартиздат, 1933. 129 с.
81. Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодаль-

- но-крепостнической системы хозяйства). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1959. 276 с.
82. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: МГУ, 1967. 397 с.
83. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (Центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. 557 с.
84. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1976. 416 с.
85. Котов П.П. Материалы об общественной запашке в удельной деревне Вятской губернии. // Теория и методика краеведения в образовательных учреждениях. Материалы региональной научно-практической конференции. Киров: ВПГУ, 2000. С.59-60.
86. Котов П.П. Удельные крестьяне Севера, 1797-1863 гг.: (Учеб. пособие по спецкурсу). Сыктывкар: Сыктывк. гос. ун-т, 1991. 78 с.
87. Крестьянство в исторической судьбе России. М.: Изд-во МСХА, 2001. 674 с.
88. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. 504 с.
89. Кузнецов С.В. Культура русской деревни. // Очерки русской культуры XIX века. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. Т.1. С.203-264.
90. Латышев Н.Н. Земледелие и ремесленная промышленность государственных крестьян Удмуртии в первой половине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1951. Вып.15. С.102-136.
91. Латышев Н.Н. Удмурты накануне реформы 1861 г. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. 183 с.
92. Лигенко Н.П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991.
93. Пуппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911. 318 с.

94. Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб., 1899. 333 с.
95. Луппов П.Н. Взгляд императора Николая I на меры к утверждению вотяков в христианстве. Вятка, 1906; Вятские епархиальные ведомости. 1906. №36. С.1371-1383. №37. С.1415-1429.
96. Луппов П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807-1808 гг. // Труды ВУАК. 1909. Вып.2-3. Отд.3. С.103-115.
97. Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Сб. статей. Ижевск: УдНИИ, 1981. С.36-60.
98. Макаров Ф.П. Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск: Удгиз, 1935. 48 с.
99. Мартынова М.М. Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Свердловск, 1970. 21 с.
100. Мартынова М.М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века. // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. Ижевск: УдНИИ, 1981. С.3-44.
101. Материалы по истории Удмуртии (С древнейших времен и до середины XIX в.). Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 173 с.
102. Машковцев А.А. Ново-Смаильское дело. // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы республиканской IV научно-практической конференции (К столетию со дня рождения профессора А.В. Эммаусского). Киров: ВПГУ, 1999. С.68-70.
103. Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Материалы международной конференции. М.: РОССПЭН, 1996. 440 с.

104. Мерзлякова Л.В. Из истории формирования государственного аппарата Вятской губернии в первой половине XIX в. // Очерки истории Удмуртии XIX в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. С.9-31.
105. Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 28 с.
106. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 572 с.
107. Милосердов В.В. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 1998. 260 с.
108. Миненко Н.А. Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии. С.43-52.
109. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX вв. Новосибирск: Наука, 1991. 261 с.
110. Миненко Н.А. Традиции и новации в народной агрономии Зауралья в XVIII – первой половине XIX в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С.122-144.
111. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 237 с.
112. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, Ленингр.отд, 1990. 271 с.
113. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1981. 259 с.
114. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л.: Наука, 1985. 289 с.

115. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х тт. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. Т.1. 547 с. Т.2. 565 с.
116. Михайлова Р.В. Духовность крестьянства как всеобщий способ его самовыражения.: Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра философ. наук. М., 2000. 418 с.
117. Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий). // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 6. С.28-38.
118. Морякова О.В. Система местного управления России второй четверти XIX в.: Дис. на соиск. учен. степ. канд.ист.наук. М., 1995. 323 с.
119. Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 268 с.
120. Мусихин В.Е. Вятские губернаторы. // Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы IV научно-практической конференции (К столетию со дня рождения профессора А.В. Эммаусского). Киров: ВПГУ, 1999. С.64-65.
121. Мусихин В.И. Вятская деревня: история и современность. Киров: Кировск. област. тип., 1996. 94 с.
122. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 680 с.
123. Неупокоев В.И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX в. М.: Наука, 1987. 286 с.
124. Никитина Г.А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861-1900 гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 160 с.
125. Никулин А.И. Национальная политика России (история и современность). М.: Рос. академия упр-ия, 1993. 61 с.
126. Никулин А. Сатурналии мощи. Искусство господства и сопротивления в концепции Джеймса Скотта. // Отечественные записки. 2003. № 3. С.109-119.

127. Никулин А. Чайновская версия коллективизации. // Отечественные записки. 2004. № 1. С.215-229.
128. Обухова Г.И. Участие зажиточного крестьянства в подрядах на поставку продовольствия Камско-Воткинскому заводу в первой половине XIX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевание, землепользование, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 12-16 сентября 2000 г. М.: ИРИ РАН, 2000. С.63-67.
129. Овчинникова Б.В., Главацкая Е.М., Редин Д.А. Обзор основных тенденций в управлении национальными территориями в Российской империи XVIII–XX вв. // Архивы Урала. 1996. № 1. С.203-207.
130. О работе XXIII сессии всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. // Отечественная история. 1992. №4. С.217-220.
131. Орлов С.В. Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX в. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2003. 18 с.
132. Очерки истории Кировской области. Киров: Кировск. област. тип., 1972. 455 с.
133. Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск: УдНИИ, 1958. Т.1. 288 с.
134. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
135. Панаев В.А. Общинное землевладение и крестьянский вопрос. Собрание брошюр и статей. СПб.: тип. 2-го Отд. С.Е.И.В. Канцелярии, 1881. 283 с.
136. Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии. М.: Наука, 1969. 412 с.
137. Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право. // Отечественная история. 2001. № 2. С.3-27. № 3. С.25-39.

138. Плющевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. // Записки УдНИИ. Ижевск, 1955. Вып.17. С.128-160.
139. Плющевский Б.Г. К вопросу о социально-экономическом развитии Удмуртии в последние предреформенные десятилетия. // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Сб. статей. Ижевск: УдНИИ, 1981. С.3-35.
140. Половинкин Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI – первая половина XIX вв. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1996. 204 с.
141. Полухин О.Н. Таинственный путь гражданственности: крестьянское наследие. Белгород, 2000. 105 с.
142. Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. 173 с.
143. Пукроков Ф.П. Менталитет и духовный идеал удмуртов. // Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения: Сб. науч. тр. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. 128 с. С.55-62.
144. Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Курган: Кург. гос. ун-т, 1999. 271 с.
145. Пундани В.В. Классовая борьба государственных крестьян Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С.70-84.
146. Рабцевич В.В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775-1825 гг.). // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ие, 1977. С.126-150.
147. Редфилд Р. Крестьянство как социальный тип. // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Прогресс-Академия», 1992. С.70-71.

148. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др./ под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. 588 с.
149. Романов Н.Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. Вып.1. 136 с.
150. Романов Н.Н. Переселения крестьян Вятской губернии. Вятка: Вят. губ. земство, 1880. 336 с.
151. Романов Н.Н. Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие. // Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т.2. С.739-818.
152. Российский старый порядок: опыт исторического синтеза. // Отечественная история. 2000. № 6. С.43-93.
153. Рындзюнский П.Г. Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842-1844 гг. // Исторические записки. М.: АН СССР, 1955. Т.54. С.315-326.
154. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М.: Наука, 1983. 269 с.
155. Садаков М.А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.). // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск: УдНИИ, 1974. Вып.2. С.91-196.
156. Сафонов Д.А. Крестьянство и власть в эпоху реформ и революции: 1855-1922 гг.: На материалах Южного Урала: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М.: МГУ, 1999. 63 с.
157. Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 7-й рос. юбил. науч.-практ. конф. (Тула, 26-28 ноября 1999 г.). М., 1999. 261 с.
158. Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары: Чуваш. НИИЯЛИЭ, 1982. 118 с.
159. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т.1. 517 с. Т.2. 625 с.

160. Серкина С.С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2002. 20 с.
161. Симуш П.И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991. 255 с.
162. Скотт Д. Моральная экономика крестьянства как этика выживания. // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Прогресс-Академия», 1992. С.202-210.
163. Смирнов С.С. Приписные крестьяне Урала в XVIII – начале XIX в.: Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Челябинск, 1995. 540 с.
164. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. // Отечественная история. 1994. №2. С.31-59. №4-5. С.46-78. №6. С.3-32. 1995. №4. С.3-33.
165. Согрин В.В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость (Размышление над монографией Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи»). // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С.144-160.
166. Сословный строй и хозяйство России в первой половине XIX в.: Состояние и основные тенденции развития: Сборник документов и материалов. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 174 с.
167. Софронов М.Г. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П.Д. Киселева: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Казань, 1952. 326 с.
168. Социально-демографические аспекты истории Северного крестьянства (XVII-XIX вв.): Межвуз. сб. научн. трудов. Сыктывкар: Пермск. ун-т, 1985. 153 с.
169. Старостин Б.Г. Концепции «традиционного общества» в западной социологии. // Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М.: АН СССР, 1981. С.32-79.

170. Степанов В.Л. Государственная власть и община во второй половине XIX – начале XX в. // Система государственного феодализма в России: Сб. ст. 42. М.: ИРИ РАН, 1993. С.369-391.
171. Страницы аграрной истории России в прочтении западных ученых (Х. Иммонена, Л. Ли, К.Д. Воробека). // Отечественная история. 1992. №4. С.191-194.
172. Субботина А.М. Земство в Удмуртии (1867-1918 гг.). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 31 с.
173. Суворова Н.Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII – первой половине 60-х гг. XIX вв.: Организация, функция, правовая регламентация: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Омск, 1997. 25 с.
174. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: (Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М.: Наука, 1984. 175 с.
175. Терешкина М.И. Подати и повинности государственных крестьян Марийского края в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола: МпрНИИ, 1978. С. 63-67.
176. Тоймасов Л.А. Опыты христианского просвещения нерусского крестьянства Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Проблемы аграрной истории Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. 462с. С.127-136.
177. Тоймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 524 с.
178. Токарев С.В. Крестьянские картофельные бунты. Киров: Кировское областное изд-во, 1939. 103 с.

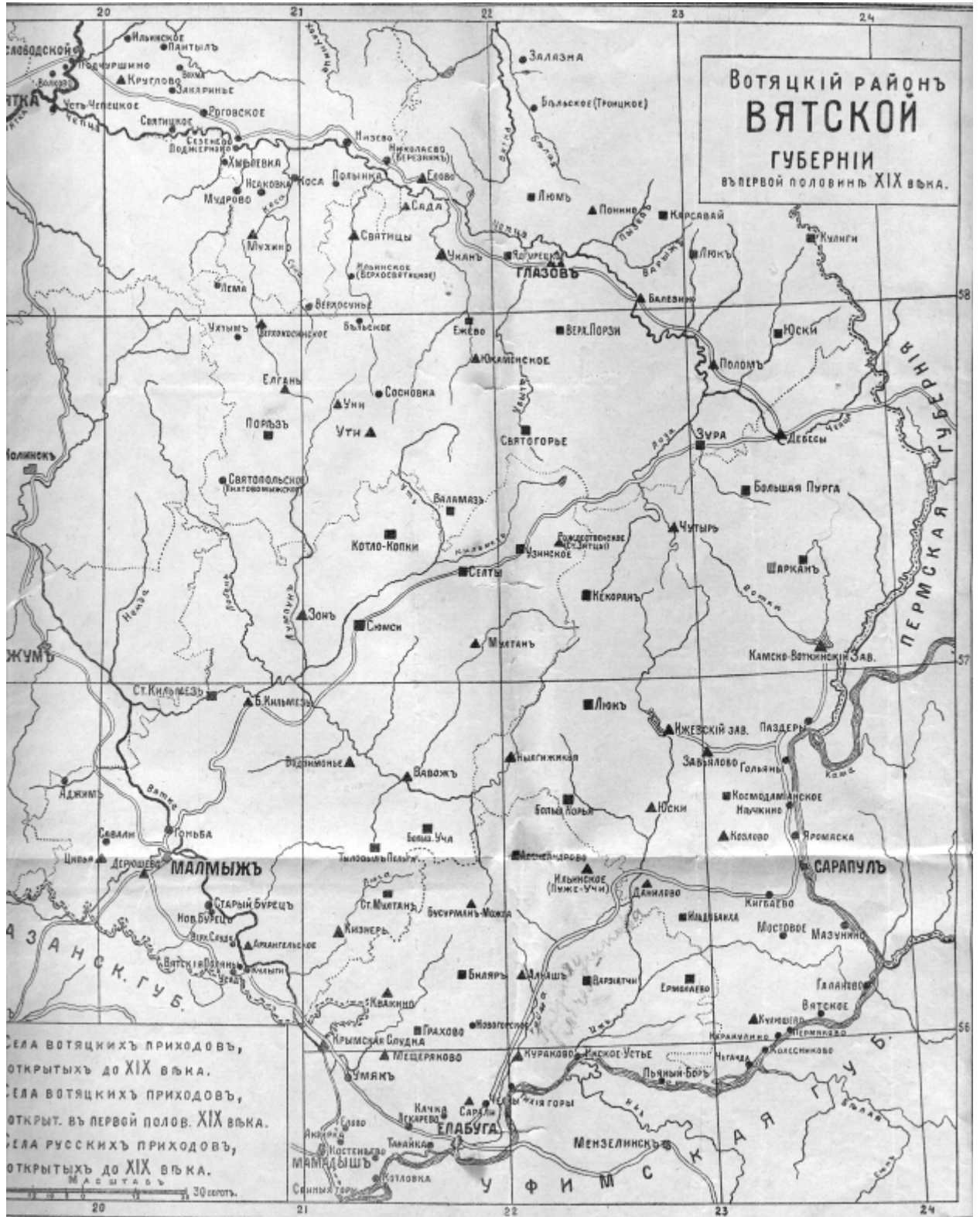
179. Томсинов В.А. Правовая культура. // Очерки русской культуры XIX века. Т.2. Власть и культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С.102-166.
180. Трушков С.А. Вятское губернское правление 60–70-е гг.XIX в. // Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории. Киров: ВПГУ, 2000. С.8-11.
181. Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX в.): проблемы историографии. Астрахань: Астрахан. гос. пед. ун-т, 2001. 170 с.
182. Федоров В.А. Православная церковь и государство. // Очерки русской культуры XIX века. Т.2. Власть и культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С.265-328.
183. Федосов И.А., Долгих Е.В. Российский абсолютизм и бюрократия. // Очерки русской культуры XIX века. Т.2. Власть и культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С.10-101.
184. Фурсов А.И. Модели «частичного» крестьянина: «рациональный крестьянин» и «религиозный крестьянин». // Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. Реферативный сборник. М.: АН СССР, 1986. Вып.1. С.186-267.
185. Фурсов А.И. Модель «целостного» крестьянина и ее основные противоречия: «морально-экономический крестьянин» // Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. Реферативный сборник. М.: АН СССР, 1986. Вып.1. С.41-185.
186. Фурсов А.И. Современный этап изучения крестьянства в немарксистских исследованиях азиатских обществ. // Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Новейшие модели крестьянина в буржуазных исследованиях. Реферативный сборник. М.: АН СССР, 1986. Вып.1. С.5-40.
187. Фурсов А.И. «Традиционное общество» или «мировая экономика»? Конфликтующие парадигмы развития азиатских обществ в новое и но-

- вейшее время. // Традиционное общество и мировая экономика: критика теорий модернизации. Сб. обзоров. М.: АН СССР, 1981. С.80-141.
188. Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX в.). Казань: Издательство Института истории АН ТР, 2002. 224 с.
189. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск: Русич, 2000. 512 с.
190. Чемоданов И.В. Земельные угодья вятских крестьян в середине XIX в. // Актуальные проблемы истории: Сб. науч. статей. Киров: ВПГУ, 2001. С.24-50.
191. Чемоданов И.В. О структуре крестьянской общины на Вятке в середине XIX в. // Вятская земля и актуальные проблемы отечественной истории. Киров: ВПГУ, 2000. С.4-8.
192. Шайхисламов Р.Б. Население государственной деревни дореформенной Башкирии: Учеб. пособие. Уфа: Башк. гос.ун-т, 1994. 97 с.
193. Шанин Т. Понятие крестьянства. // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Прогресс-Академия», 1992. С.8-20.
194. Шумилов Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 430 с.
195. Эммаусский А.В. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров: Киров. област. типография, 1996. 269 с.
196. Эммаусский А.В. Разложение крепостничества и отмена крепостного права в Вятской губернии. // К вопросу о формировании капитализма в России. Сб. статей. Киров: Кировск. гос. пед. ин-т, 1974. С.3-116.
197. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1882-1887. М.: Мысль, 1987. 637 с.
198. Янов А. Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825-1921. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1999. 362 с.

199. Яровой Г.В. Денежные и натуральные повинности государственных крестьян Урала в дореформенный период. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1976. Сб.14. С.83-105.
200. Gierus J. Russia's road to modernity. Warszawa: ISP PAN, 1998. 107 p.
201. Grishkina M. The Evolution of the State Policy as Regards the Udmurts in the 17th Century and up till about 1850. // KVHAA Konferenser. Stockholm, 1997. P.95-100.
202. Scott J.C. The moral economy of the peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Heaven; L., Yale univ. press, 1976. 246 p.
203. Scott J.C. Weapons of the Weak. Everyday of Peasant Resistance. New Haven; London: Yale univ. press, 1985. 389 p.
204. Transforming peasants: Soc., state a. the peasantry, 1861-1930: Sel. papers from the Fifth World Congr. of Centr. a. East Europ. studies, Warsaw, 1995. London: Macmillan press; New York: St. Martin's press, 1998. XIX, 264 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта «удмуртского» района Вятской губернии
в первой половине XIX века

Источник: Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.

Сельское население и административные единицы Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX века

Таблица 1

Рост сельского податного мужского населения

Уезды	1795 г.		1811 г.		1834 г.		1858 г.	
	человек (тыс.)	% при- были (от 1782 г.)	человек (тыс.)	% при- были	человек (тыс.)	% при- были	чело- век (тыс.)	% при- были
Елабужский	21,3	13,7	30,2	41,7	36,3	20,1	47,8	31,9
Сарапульский	13,9	19,6	24,8	78,4	60,6	140,3	79,4	31
Малмыжский	32,6	10,3	37,1	13,8	54,8	47,6	76,4	39,9
Глазовский	41,1	13,6	52,5	27,5	71,9	36,9	101,3	40,8
Всего	108,9	13,3	144,6	32,6	223,6	54,6	305,2	36,5
Всего по губер- нии		9,89		19,86		28,33		31,25

Источник: НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.45, л.64.

Таблица 2

Численность и категории крестьянского населения Глазовского уезда (1800 г.)

№	Категория	Дворовые	Черносошные	Экономические	Ланцы	Ясашные								Служилые		Итого
						Русские	Татары		Удмурты		Бесермяне		Татары		Бесермяне крещеные	
							Крещ.	Некрещ.	Крещ.	Некрещ.	Крещ.	Некрещ.	Крещ.	Некрещ.		
	Место проживания	Русские				Крещ.	Некрещ.	Крещ.	Некрещ.	Крещ.	Некрещ.	Крещ.	Некрещ.			
	г. Глазов	2	6	2	–	–	–	–	128	–	–	–	–	–	–	138
1.	Волости Уканская	–	106	–	13	–	–	–	2849	–	26	–	–	–	–	2994
2.	Святицкая Шишкинских и Оверинских десятков	–	2938	13	48	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2999
3.	Бельская	–	2495	119	1	86	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2701
4.	Верхосунская	–	593	12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	605
5.	Зачурмыжская	–	1334	42	39	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1415
6.	Елганская и Астраханская	–	261	9	7	–	–	–	900	–	–	–	–	–	–	1177
7.	Сырвайская	–	150	355	–	9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	514
8.	Лумпунская	–	–	–	6	–	–	–	456	146	–	–	–	–	–	608

9.	Ухтым- ская	–	2948	21	31	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3000
10.	Порез- ская	–	42	289	–	533	–	–	–	–	–	–	–	–	–	864
11.	Лобан- ская	–	22	123	–	1308	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1453
12.	Валамаз- ская	–	277	542	17	791	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1627
13.	Юберев- ская	–	79	40	–	–	37	–	1395	–	739	–	–	–	–	2290
14.	Чуринов- ская	–	8	49	–	–	–	–	1714	–	–	–	–	–	–	1771
15.	Тимофе- евская, Василь- евского и Опинско- го конца	–	–	–	–	28	–	–	819	163	–	–	–	–	–	1010
16.	Селтин- ская	–	2	–	–	37	–	–	2446	359	–	–	–	–	–	2844
17.	Зурин- ская	–	–	–	–	–	–	–	1516	–	–	–	–	–	–	1516
18.	Полом- ская	–	6	7	–	–	–	–	1490	–	–	–	–	–	–	1503
19.	Балезин- ская	–	37	–	–	–	–	–	2809	–	132	–	–	–	–	2978
20.	Омут- ническая	–	27	–	–	–	–	–	2377	–	52	–	–	–	–	2456
21.	Кляпов- ская	–	–	1	–	–	–	–	2351	–	–	–	–	–	–	2352
22.	Еловская	–	127	–	–	–	–	–	1693	–	–	–	–	–	–	1820
23.	Красно- глинская	–	537	390	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	927
24.	Зюздин- ская	–	1203	–	13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1216
25.	Гордин- ская	–	565	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	565
26.	Почи- ношная	–	–	–	–	–	–	194	–	–	–	7	25	20	289	783
	Итого	–	13757	2012	175	2792	37	194	22815	668	949	7	25	20	289	43988
												3		2		
												3		2		

Приписных к казенным заводам ясашных крестьян к Ижевскому заводу Верховской Рождественской волости – 491; помещичьих при заводах мастеровых и рабочих: Омутнинском – 380, Залазнинском – 287, итого помещичьих 667. Всего в городе и округе состоит 45.284.

Источник: ЦГА УР, ф.91, оп.1, д.10, л.175-175об.

Таблица 3

Крестьяне Малмыжского уезда по итогам VII и VIII ревизий

Волость	Чи- сл о се- ле- ни й	Чис- ло дво- ров	Душ по 7 реви- зии	Этническая принадлежность							Душ по 8 ревизии	
				Русские	Татары		Удмурты		Марийцы		Муж.	Жен.
					Кре- щ.	Не- крещ.	Крещ.	Не- крещ.	Крещ.	Не- крещ.		
Участок Праскова												
Китяжская	30	1060	3030	1791	–	–	190	47	94	60	3585	4252
Адаевская	32	1350	3076	–	5	3034	–	18	–	19	3778	3890

Полянская	28	475	2745	2745	–	–	–	–	–	–	3026	3379
Сосновская	15	424	1730	1133	–	597	–	–	–	–	2265	2607
Старотрыкская	48	913	2483	418	21	–	2035	9	–	–	3340	3886
Участок Молчанова												
Вятскогорская	39	789	2387	1824+ 50 удель- ных	9	–	–	–	42 9	75	3406	3953
Арборская	35	905	2637	112	7	1967	–	–	31 6	235	3702	3780
Средне- кушпетская	48	893	2301	91	378	–	1654	178	–	–	2830	3215
Янгуловская	13	1813	2678	–	1	2677	–	–	–	–	3413	3247
Нижнечетаев- ская	12	737	2649	1015	–	1634	–	–	–	–	3525	3793
Участок Назарьева												
Порекская	61	687	1985	1467+20 удель- ных	–	–	113	–	36 0	25	3394	3849
Сюмсинская	93	795	2578	870	–	–	1457	194	50	7	3916	4606
Селтинская	12 7	1207	3700	370	–	–	2843	487	–	–	4762	5267
Николаевская	73	920	2856	123	–	–	2724	9	–	–	3890	4121
Водзимонская	69	913	3696	804	–	–	2643	249	–	–	6035	6494

По 7 ревизии – 41.948. По 8 ревизии – 56530, в т.ч. казенных – 54.867 (60.339 душ женского пола), помещичьих – 1633 (1846).

Источник: ГАКО, ф.582, оп.1, д.81, л.1423-1425.

Таблица 4

Крестьяне Елабужского уезда по итогам VII и VIII ревизий

Категории	7 ревизия		8 ревизия	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Государственные крестьяне, волости				
Еловская	2954	3229	3955	4476
Танаевская	4163	5481	4982	5848
Квакинская	2274	2574	3317	3936
Саралинская	2937	3912	3419	3863
Алнашевская	1934	2122	2601	2808
Тихогорская	2532	2844	2960	3349
Можгинская	3106	3344	4370	4764
Варзиятчинская	2061	2305	3085	3443
Ильинская	3085	3171	4474	4633
Итого	25046	28982	33162	37120
Удельные крестьяне, 17 селений (Качкинский приказ)	2324	2734	3107	3429
Помещичьи крестьяне 14 владельцев	1374	1411	2571	2739
Тептяри	1863	1848	2619	2728
Башкиры	500	584	1212	1133
Всего	31.107	35.559	42.671	47.149

Источник: ГАКО, ф.582, оп.1, д.81, л.1616-1616об.

Таблица 5

Крестьяне Глазовского уезда по VIII ревизии (1834 г.)

	Численная характеристика	Всего
Категории, м.п.д.:		
Государственные	51.850	53.267
Посессионные	1417	
Религиозная принадлежность, о.п.д.:		
Православные	107.011	117.916
Старообрядцы	7996	
Мусульмане	1328	
Язычники	1581	
Земельная обеспеченность, дес.:		
Пашня	349.961	649.852
Луга	48.459	
Лесные угодья	216.676	
Неудобные земли	34.756	

Источник: ГАКО, ф.582, оп.1, д.81, л.2005-2006об.

Таблица 6

Крестьяне Сарапульского уезда по VIII ревизии (1834 г.)

	Численная характеристика	Всего
Этнический состав, м.п.д.:		
Русские	40.775	64.939
Удмурты	21.642	
Татары	1439	
Марийцы	461	
Башкиры	622	
Религиозная принадлежность, м.п.д.:		
Православные	61.320	63.500
Мусульмане	2061	
Язычники	119	

Источник: ГАКО, ф.574, оп.1, д.12, л.53-55.

Таблица 7

Крестьяне Глазовского уезда (1836 г.)

№	Волость	Численность				
		Селений	Дворов	Мужчин	Женщин	Церквей
1	Уканская	76	1034	4764	5612	2
2	Балезинская	83	859	3908	4209	1
3	Святицкая	130	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
4	Красноглинская	88	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
5	Ухтымская	88	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
6	Елгано-Астраханская	105	1124	5197	6348	3
7	Еловская	38	641	2982	3218	1
8	Лумпунская	102	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
9	Поломская	139	1132	5237	5734	1
10	Омутницкая	57	818	3877	4317	1

11	Бельская	113	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
12	Лобанская	59	954	2958	3771	1
13	Зюздинская	46	767	3400	3256	3
14	Чуринская	99	896	3747	4387	–
15	Валамазская	132	959	4307	5440	1
16	Гординская	56	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
17	Кляповская	67	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
18	Юберевская	103	784	4488	5061	1

Источник: ГАКО, ф.574, оп.1, д.3, л.338-372, 393-437.

Таблица 8

Крестьяне Сарапульского уезда (1836 г.)

№	Волость	Численность				
		Селений	Дворов	Мужчин	Женщин	Церквей
1	Быргындинская	13	342	1292	1369	3
2	Арефьевская	14	261	1567	1513	1
3	Сяг-Зюмьинская	39	688	2540	2653	1
4	Большепургинская	42	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
5	Бурановская	30	986	3262	3759	–
6	Чутырская	48	694	2947	3078	1
7	Дебеская	68	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
8	Дробино-Алтынская	60	1061	4996	5863	3
9	Шарканская	54	979	4571	4704	–
10	Даниловская	27	1296	4220	4649	2
	Приказ					
1	Мостовинский	41	1702	6050	6415	2
2	Нечкинский	55	1521	5033	5137	3
3	Галановский	34	1851	6052	6495	3
4	Каракулинский	38	2048	6598	7112	5
5	Козловский	42	1341	4241	4600	2

Источник: ГАКО, ф.574, оп.1, д.3, л.374-392.

Таблица 9

Ведомость о состоянии сельского населения (1846 г.)

Уезд	Численность жителей		Число родившихся		Число умерших		Число браков
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Малмыжский	59.706	65.684	2420	2282	1817	1728	1002
Елабужский	47.105	49.107	1975	1903	1535	1416	755
Сарапульский	68.062	71.580	5283	5258	3548	3461	2333
Глазовский	75.171	84.425	4568	4232	2735	2748	1980
Итого	250.044	270.796	14.246	13.675	9635	9353	6070
Всего (по губернии)	741.448	823.837	43.628	41.857	30.311	30.721	19.109

Источник: ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.96.

Нехристианское население (1846 г.)

Уезд	Мусульмане		Язычники	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Малмыжский	13.041	13.064	1513	1650
Елабужский	7452	7572	1416	1565
Сарапульский	2062	2048	562	601
Глазовский	1727	1905	1	–
Итого	24.282	24.589	3492	3816
Всего (по губернии)	28.115	28.327	4897	5225

Источник: ГАКО, ф.582, оп.1, д.85, л.99.

Полицейско-административное деление Удмуртии (1856 г.)

№ стана	Число сотен	Число дворов	Число жителей		Мест квартиры станового пристава
			Муж.	Жен.	
Малмыжский уезд					
1	46	8453	29.426	35.054	с.Сюмси-Можга
2	35	7888	21.126	25.923	с.Поляны
3	35	5516	27.133	29.331	с.Циля
Итого	116	21.857	77.685	90.308	
Елабужский уезд					
1	45	9146	29.879	34.112	с.Сарали
2	42	7210	29.185	31.306	с.Алнаши
Итого	87	16.356	59.064	65.418	
Сарапульский уезд					
1	35	4677	22.691	23.942	с.Дебесы
2	48	15.660	53.829	57.816	г.Сарапул
3	78	10.479	33.211	36.951	с.Каракулино
Итого	161	30.816	110.973	118.711	
Глазовский уезд					
1	77	9099	34.759	37.938	с.Уканское
2	23	9928	36.403	42.841	с.Унинское
3	24	7372	30.652	33.483	с.Балезинское
Итого	124	26.399	101.814	114.262	
Всего	488	95.428	349.535	388.699	

Источник: ГАКО, ф.574, оп.1, д.36, л.29-29об., 65.

Население государственной деревни (1856 г.)

Округ	Число волостей	Число сельских обществ	Число дворов	Мужское население	Женское население
Малмыжский	10	38	21.025	72.564	83.303
Елабужский	6	23	13.140	42.790	45.985
Сарапульский	6	26	10.626	44.237	47.296
Глазовский	14	51	24.332	96.109	105.488
Итого	36	138	69.123	255.700	282.072
Всего по губернии	110	423	204.719	770.834	867.571

Источник: ГАКО, ф.574, оп.1, д.36, л.29-29об., 65.

**Ведомость о составе волостей по новому образованию
управления государственных имуществ в 1859 г.**

Волость	Какие общества прежних волостей вошли в состав новой волости	Число душ		Разряд	Место волостного правления
		Муж.	Жен.		
Сарапульский округ					
Юринская	Кырлыганское и Коробейниковское Кырлыганской вол., за отчислением от 1-го к Чегандинской вол. поч.Гремячего Ключа (29 муж. и 30 жен.)	4528	5149	1	д.Юрино
Агрызская	Агрызское Кырлыганской вол.	1807	1740	3	д.Агрызи
Чегандинская	Нырдинское Кырлыганской вол.	1437	1556	3	д.Чеганда
Соколовское общество на правах волости	Соколовское Кырлыганской вол.	437	478	—	д.Соколовка
Чепановская	Суриковское Бурановской вол., за отчислением к Бурановской вол. д.Бугрыша (230 м. и 274 ж.) и поч.Чекашева (82 м. и 96 ж.)	1455	1735	3	д.Чепаниха
Бурановская	Большекечевское и Бурановское Бурановской вол.	4268	4710	1	д.Бураново
Большенорьянская	Гожнинское и Большенорьянское Большенорьянской вол.	2917	3220	2	с.Б.Норья
Нылга-Жикьянская	Нылгижикьянское и Нылгизюмьянское Большенорьянской вол.	3273	3616	2	с.Нылга-Жикья
Веньинская	Веньинское Большенорьянской вол.	1378	1499	3	д.Ст.Венья
Дебеская	Дебеское Большепургинской вол.	2206	2479	2	с.Дебесы
Тыловайская	Большепургинское и Уйвайское Большепургинской вол.	2449	2730	2	д.Тыловой
Чутырская	Чутырское Большепургинской вол.	1073	1176	3	с.Чутырь
Якшур-бодьянская	Пислеглудское Большепургинской вол.	1290	1382	3	д.Якшур-Бодья
Нырошурская	Большеошворцынское и Нырошурское Шарканской вол.	2756	3132	2	поч.Нырошур
Шарканская	Шарканское и Ляль-Шурское Шарканской вол.	4286	4718	1	с.Шаркан
Полозовская	Полозовское Тойкинской вол., с причислением к нему от Кизелинского общ-ва поч.Осиновка (20 душ обою пола)	2271	2618	2	с.Полозово
Тойкинская	Тойкинское и Бородулинское Тойкин. вол.	4386	5110	1	с.Тойкино
Петропавловская	Кизелинское Тойкинской вол.	2430	2819	2	с.Петропавловское
Итого волостей 17, из них 1-го разряда – 4, 2 – 7, 3 – 6 и 1 общество на правах волости.					
Елабужский округ					
Александровская	Александровское Кватчинской вол.	1689	1826	3	с.Александровское
Ильинская	Ильинское Кватчинской вол.	2048	2261	2	д.Ильинская
Можгинская	Сюгаильское и Нышикаксинское Кватчинской вол.	4028	4671	1	с.Можга
Большекибынская	Нижнеюринское и Большекибынское Сарсак-Омгинской вол.	3266	3554	2	д.Б.Кибья
Старосальнинская	Старосальнинское Сарсак-Омгинской вол.	2200	2445	2	д.Ст.Салья
Асановская	Кузубаевское и Новоутчанское Асановской вол.	4814	5357	1	д.Нижняя Асановая
Бондюжская	Тойминское и Бондюжское Асанов. вол.	3607	3907	2	д.Бондюж
Граховская	Верхнегринское и Адам-Учинское Граховской вол.	4192	4788	1	с.Грахово
Макан-Пельгинская	Верхнебемьж-Пельгинское Граховской вол.	2202	2460	2	д.Макан-Пельга
Староятчинская	Староятчинское Граховской вол.	2060	2376	2	д.Ст.Ятчи

Черкасовская	Дюмдюмское и Староюмашевское Еловской вол.	3772	4214	2	д.Черкасовская
Козыльская	Чиршинское и Козыльское Еловской вол.	3704	4344	2	д.Козыль
Трехсвятская	Гусевское и Полянское Хлыстовской вол.	3381	3870	2	д.Хлыстовка
Хлыстовская	Большеармалинское и Колосовское Хлыстовской вол.	3360	4027	2	д.Хлыстовка
Итого волостей 14, из них 1 разряда – 3, 2 – 10, 3 – 1.					
Глазовский округ					
Тишинская	Большебагаевское и Дворищенское Тишинской вол.	4460	5151	1	д.Тишинская
Ветошкинская	Ветошкинское Тишинской вол.	2130	2381	2	д.Ветошкинская
Рыбаковская	Барашковское и Рыбаковское Порезской вол.	4335	5217	1	д.Больше-рыбиковская
Порезская	Порезское и Наймушинское Порез. вол.	3847	4607	2	с.Порез
Елганская	Поломское и Ключинское Елганской вол.	3952	4613	2	д.Елганская
Гожнинская	Тимшинское и Пислеговское Елган. вол.	3817	4601	2	д.Гожнинская
Глабановская	Батовское Шабалинской вол.	2206	2387	2	д.Глабановская
Быковская	Опалевское и Кошаринское Шабалин. вол.	4413	5132	1	д.Быковская
Лекомская	Сеземское и Лекомское Рябинской вол.	3960	4560	2	д.Лекомская
Балахнинская	Балахнинское Рябинской вол.	2198	2559	2	д.Балахнинская
Забалуевская	Забалуевское Рябинской вол.	2015	2309	2	д.Забалуевская
Юрская	Юрское и Сибирское Нижнеуканской вол.	3231	3647	2	д.Юрская
Нижнеуканская	Нижнечуринское и Дизминское Нижнеуканской вол.	3503	3841	2	с.Укан
Кычановская	Кычановское и Починошное Кочуковской вол.	3361	3710	2	д.Кычановская
Юмская	Турчинское и Унигучинское Кочуков. вол.	4878	5564	1	д.Юмская
Ключевская	Ключевское Сепыцкой вол., с присоединением поч. при речках вверх Большой и малой Сыгах (32 м. и 30 ж.) и с отчислением поч. вверх по Убыте (58 м. и 58 ж.)	2388	2736	2	д.Ключевская
Кестымская	Омутницкое и Котеговское Сепыцкой вол., кроме отчисленного из этой волости поч. вверх Б. и Малой Сыгах (38 м. и 30 ж.)	4624	5011	1	д.Кестымская
Сюрзинская	Сюрзинское Сепыцкой вол. с присоединением поч. вверх по Убыте	2717	3117	2	д.Сюрзинская
Игринская	Гиреевское Малополомской вол.	2101	2182	2	д.Игринская
Малополомская	Пульбское Малополомской вол.	1877	2028	3	д.Малополомская
Тольенская	Сиринское Малополомской вол.	2442	2704	2	д.Тольенская
Лыпская	Костымское Малополомской вол.	1148	1253	3	с.Лыпское
Буринская	Буринское Петуховской вол.	2001	2099	2	д.Буринская
Юлдырская	Сазановское и Гыинское Петуховской вол.	4053	4102	1	д.Юлдырская
Юсовская	Юсовское Петуховской вол.	1563	1783	3	д.Юсовская
Карсовайская	Карсовайское Петуховской вол.	1029	1160	3	д.Карсовайская
Гординская	Гординское Петуховской вол.	1451	1596	3	д.Гординская
Понинская	Дондинское и Папоговское Верхлюм. вол.	4477	4711	1	с.Понино
Лековаевская	Костромское и Бояранское Верхлюмской вол.	4622	4875	1	д.Лековаевская
Воронинская	Воронинское Шумайловской вол.	1593	1776	3	д.Воронинская
Зиминская	Белозерское Шумайловской вол.	1825	2064	3	д.Зиминская

Харинская	Харинское Порубовской вол.	2339	2426	2	д.Харинская
Бисеровская	Бисеровское Порубовской вол.	2621	2776	2	д.Бисеровская
Леденцовская	Леденцовское и Купринское Кленовской вол.	4558	5487	1	д.Леденцовская
Мухинская	Мухинское Кленовской вол.	2398	2753	2	д.Мухинская
Итого волостей 35, их них 1 разряда – 9, 2 – 19, 3 - 7					
Малмыжский округ					
Зягрудская	Зягрудское Жайгильской вол.	2307	2617	2	д.Зягрудская
Кейлудская	Уметьгурское и Лепшурское Жайгильской вол.	3815	4154	2	д.Кейлуд-Зюнья
Кырчим-Копкинская	Кырчим-Копкинское Жайгильской вол.	1870	2055	2	д.Кырчим-Копки
Вылынгурская	Вылынгурское Жайгильской вол.	2230	2408	2	поч.Вылынгурский
Ува-Туклинская	Поршур-Туклинское и Старочунчинское Ува-Туклинской вол.	2627	2873	2	с.Ува-Тукля
Начар-Котьянская	Начар-Котьянское и Ягул-Можгинское Ува-Туклинской вол.	2728	2998	2	с.Вавож – временно
Акмаровская	Акмаровское и Позял-Зюмьинское Волипельгинской вол.	3440	3852	2	с.Большеутчинское – временно
Волипельгинская	Нюрподкаксинское и Новомоньинское Волипельгинской вол.	4776	5048	1	д.Ст.Котья – временно
Рыбноватажская	Рыбноватажское Малокильмезской вол.	1027	1080	3	д.Рыбная Ватага
Вихаревская	Вихаревское Малокильмезской вол.	3139	3619	2	д.Вихаревская
Мелеклезская	Мелеклезское Малокильмезской вол.	2299	2553	2	д.Мелеклезская
Большепорекская	Большепорекское Малокильмезской вол.	2316	2570	2	д.Б.Порек
Малорошкинская	Шишинерское и Янкинское Малорошкинской вол.	5044	5713	1	с.Рожки
Шудинская	Шудинское Арборской вол.	2298	2515	2	д.Шудь
Арборская	Шурганурское и Кушкетское Арбор. вол.	5369	5429	1	с.Арбор
Сизнерская	Смаильское и Юбекимелинское Сизнерской вол.	4175	4317	1	д.Сизнерская
Нижнечетаевская	Нуринерское и Касинское Сизнер. вол.	3472	3663	2	д.Н.Четай
Янгуловская	Бурнакское Сардыкбажской вол.	3160	3082	2	д.Янгуловская
Сардыкбажская	Сосновское Сардыкбажской вол.	2548	2686	2	д.Сардыкбаж
Кошкинская	Кушкетское и Копкинское Сардыкбаж. вол.	3580	3604	2	д.Кошкинская
Мериновская	Мериновское и Среднетойминское Усадской вол.	4063	4557	1	д.Нижняя Тойма – временно
Усадская	Матвеевское и Синяурское Усадской вол.	4559	4960	1	д.Чекашева близ с.Усада
Бабинская	Бабинское Усадской вол.	1569	1825	3	д.Бабинская
Большешабанская	Верхне-Детчуромгинское Старотрыкской вол.	1315	1482	3	д.Большешабанская
Старотрыкская	Синяурское и Маломултанское Старотрык. вол.	4281	4849	1	д.Старотрыкская
Итого волостей 25, из них 1 разряда – 7, 2 – 15, 3 – 3.					
Всего по 4 уездам волостей 91, в т.ч. 1-го разряда – 23, 2-го – 51, 3-го – 17 и 1 общество на правах волости					

Р.С. Всего в Вятской губернии было образовано 235 волостей, из них 1-го разряда – 88, 2-го – 123, 3-го – 23 и 1 общество на правах волости.

Источник: ГАКО, ф.582, оп.139, д.433, л.2-4, 5об.-8об., 14.

Из отчета о благосостоянии непрременных работников Ижевского завода

		1841 г.	1842 г.	1843 г.	1844 г.	1861 г.
Число селений в т.ч. сел		50 3	51 3	51 3	51 3	51 4
Численность	М.п.	5.000	4.888	4.913	4.997	6.525
	Ж.п.	5.088	5.292	5.261	5.412	7.299
Работников	Конных	500	500	499	500	500
	Пеших	599	599	595	599	750
Престарелых и неспособных к работам		3901	3789			5275
Домов		1258	1276	1258	1258	1622
Пахотной земли		23079	23079		23911	29774
Общей с удельными и казенными крестьянами		2487	2487		2487	2107
Общей с отставными мастеровыми		64	64		64	
Сенокосов		5131	5131		5287	7964
Общих с крестьянами		1091	1091		1091	386
Общих с мастеровыми		75	75		75	22
Под общественными запашками		156	156	156	156	513
Хлебных магазинов			4	4	8	15
В них собрано	Озимых		563 чт.	854	2327	3694
	Яровых		1536	1756	1813	5110
В долгу за непрременными работниками	Озимых		239	248	192	5161
	Яровых			141	236	3178
Лошадей	От казны	980	992	979	987	983
	Личных	4484	4555	4918	5127	6661
Коров		5470	5958	5639	6203	3559
Овец		8937	9447	9618	10433	11711
Коз		1191	1221	1317	1867	1141
Свиней		3861	3991	4549	4489	4311
Кузниц		32	35	35	34	47

Источник: НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.9, л.313.

Фискально-попечительская и этно- конфессиональная политика государства

Возможный маршрут вятского губернатора по территории

«удмуртских» уездов при обзоре губернии:

г.Вятка – ... – г.Слободской – ... – д.Усть-Лекма – д.Мосеевская – г.Глазов – с.Балезино – д.Банниковская – с.Полом – с.Дебесы – д.Чепца (граница с Пермской губернией) – с.Дебесы – д.Зура – д.Чемошур – д.Бакчегур – д.Зятцы – д.Узи – д.Кильмезь – с.Селты – д.Кожиль – д.Сюмси-Можга – д.Муки-Какси – с.Кильмезь – д.Порек – д.Милеть – г.Малмыж – д.Янгулово – до границы Казанской губернии – д.Янгулово – г.Малмыж...

Источник: ГАКО, ф.582, оп.81, д.30, л.8.

Таблица 1

О нарезке земель крестьянам Удмуртии (1856 г.)

Общество	Душ по 9 ревизии	Количество земли	Земли на душу	Возможность переселения на свободные земли поблизости
Глазовский уезд				
<u>Елганская волость</u>				
Поломское	1867	13.506 дес.	7 дес. 506 саж.	Переселить в Малмыжский округ, Копкинскую дачу, отстоящую в 40 верстах
<u>Тишинская волость</u>				
Дворищенское	2108	14.273 дес. 993 саж.	6-1851	Нет поблизости казенных земель
Больше-Багаевское	2024	14.045-1459	6-2254	
Ветошкинское	1951	13.931-1433	7-337	
Малмыжский уезд				
<u>Сардыкбажская волость</u>				
Бурниковское	2852	13.237	4-1511	Казенные земли отстоят в 40 верстах: в соседние волости Мукикаксинскую, Селтинскую, Китякскую и частью Кизнерскую
Сосновское	2306	20.111	8-1730	
Колкинское	1640	7009	4-657	
Колекинское	1652	7807	4-1723	
<u>Арборская волость</u>				
Шугунурское	2002	15.645	7-1955	Нет поблизости казенных земель
Кушкетское	2260	18.986	8-906	
<u>Сизнерская волость</u>				
Нуринерское	1705	14.158	8-729	Переселить в Порезскую казенную дачу, отстоящую в 25 верстах
Смаильское	1914	13.335	6-2321	
Юбинское	1834	14.922	8-327	
Косинское	1398	12.537	8-2322	

Елабужский уезд				
<u>Еловская волость</u>				
Ко..льское (?)	1678	9351	5-1374	Нет поблизости казенных земель
Чиршинское	1892	10.190	5-926	
<u>Кватчинская волость</u>				
Александровское	1510	33.353-2175 (на 2 общества)	В среднем на 2 общества 9-2040	Идет переписка с Ижевским заводом
Ильинское	1876			
Сарапульский уезд				
<u>Бурановская волость</u>				
Бурановское	1903	15.304	8-104	Идет переписка с Ижевским заводом
Большекечевское	1720	16.901	9-1932	
Суриковское	1767	5363	3-84	
<u>Большенорьинская волость</u>				
Большенорьинское	1414	17.250	12-478	Идет переписка с Ижевским заводом
Гожнинское	1236	17.250	13-2295	
Нылгизюмьинское	1107	5593	5-125	
Веньинское	1269	9180	7-530	
<u>Тойкинская волость</u>				
Полозовское	1943	7277	3-1788	Из Дебеской дачи (в 85 верстах) или земель, оставшейся за наделением Уйвайского и Бородулинского обществ или крестьяне назначают место для наделения, то по неполучении законных приговоров о сем и сделать по ним должное распоряжение
<u>Кырлыганская волость</u>				
Агрызское	1556	4145	2-1593	Идет переписка с Ижевским заводом
Соколовское	377	1536	4-178	

Источник: РГИА, ф.383, оп.19, д.24998, л.8, 19, 20.

Таблица 2

Села и церкви Удмуртии в XIX в.

№	Село (городской храм)	Год основания церкви	№	Село	Год основания церкви
Малмыжский уезд					
1	Богоявленский собор	1737	25	?	1894
2	Афимское	1801	26	Рожкинское	1844
3	Большекильмезское	1769	27	Ральниковское	1871
4	Большеучинское	1837	28	Савалинское	1737
5	Брызгаловское	1872	29	Старобурецкое	1737
6	Вятско-Полянское	1737	30	Сушинское	1737
7	Верхне-Слудское	1737	31	Старо-Мултанское	1850
8	Водзимонское	1737	32	Старо-Кильмезское	1841
9	Вавожское	1755	33	Селтинское	1845
10	Волипельгинское	1861	34	Сюмсинское	1836
11	Дерюшевское	1737	35	Сям-Можгинское	1860
12	Ст. Зятцинское	1761	36	Тыловой-Пельгинское	1849
13	Зонское	1761	37	Токашур	1861
14	Кулыгское	1802	38	Усадское	1737
15	Кизнерское	1761	39	Узинское	1827
16	Каксинское	1855	40	Увату克林ское	1852

17	Константиновское	1858	41	Халдинское	1860
18	Каменно-Ключинское	1861	42	Цыпшинское	1769
19	Копкинское	1845	43	Черемисско-Малмыжское	1864
20	Мултанское	1755	44	Гоньбинское	1737
21	Мушковайское	1873	45	Шаршадинское	1874
22	Новобурецкое	1737	46	Умякское	1799
23	Новозятцинское	1879	47	Васильевское	1884
24	Порекское	1873	48	Русский Пычас	1890
Елабужский уезд					
1	Асановское	1878	23	Сырындинское	1872
2	Анзирка	1722	24	Лекаревское	1772
3	Алнаши	1761	25	Мещеряковское	1756
4	Алексеевское	1842	26	Можгинское	1751
5	Адамучинское	1878	27	Мушаковское	1865
6	Бемышевский завод	1770	28	Новогорское	1734
7	Биллярское	1833	29	Пьяноборское	1722
8	Большепудгинское	1876	30	Покровское	1864
9	Верхне-Игринское	1862	31	Петропавловское	1859
10	Варзиатчинское	1842	32	Пужеучинское	1774
11	Гаринское	1862	33	Поршур-Каксинское	1736
12	Голышурминское	1882	34	Саралинское	1722
13	Граховское	1838	35	Свиногорское	1722
14	Еловское	1737	36	Тихоновское	1732
15	Ермолаевское	1840	37	Тихогорское	1722
16	Икско-Устьинское	1722	38	Танаевское	1722
17	Курановское	1752	39	Токмакшинское	1876
18	Качкинское	1763	40	Троицкое	1860
19	Котловское	1726	41	Удаловское	1868
20	Костенеевское	1722	42	Челнинское	1722
21	Крымско-Слудское	1737	43	Чекалдинское	1879
22	Космодалианское (?)	1722			
Сарапульский уезд					
1	Вознесенский собор	1774	32	Сюрсовойское	–
2	Покровская церковь	1774	33	Косьмодалианское (?)	1841
3	Троицкая церковь	1861	34	Киясовское	1861
4	Кладбищенская церковь	–	35	Кекоранское	1845
5	Женского монастыря	–	36	Кельчинское	1861
6	Тюремная церковь	1838	37	Люкское	1860
7	Арзамасцево	1837	38	Мазунинское	1774
8	Большека..(?)	1838	39	Моствинское	1774
9	Бурановское	1860	40	Новопоселенное	1852
10	Большенорьинское	1842	41	Нечкинское	1774
11	Бодьинское	1860	42	Нылги-Вамьинское	1859
12	Большепургинское	1850	43	Нылги-Жикьинское	1774
13	Вятское	1774	44	Николаевское	1863
14	Выездинское	1837	45	Нижнелыпское	1862
15	Воткинский завод	1774	46	Пермяковское	1785
16	Галановское	1795	47	Пургинское	1859
17	Гольянское	1774	48	Паздеринское	1796
18	Даниловское	1774	49	Полозовское	1850
19	Дебесское	1749	50	Петропавловское	1833
20	Завьяловское	1774	51	Сивинское	1832
21	Ильдибаевское	1828	52	Сосновское	1851
22	Ижевский завод	1774	53	Тарасовское	1859
23	Июльское	1855	54	Тойкинское	1833
24	Каракулинское	1722	55	Христорождественское	1741
25	Колесниковское	1722	56	Чегандинское	1722
26	Кулюшевское	1723	57	Чекалкинское	1850
27	Козловское	1721	58	Чутырское	1749
28	Кигбаевское	1774	59	Шарканское	1837
29	Яраназское	1774	60	Юскинское	1774

30	Яжбахтинское	–	61	Тыловайское	1887
31	Чумойское	–	62	Светлянское	1891

Источник: НОА УИИЯЛ, РФ, оп.2-Н, д.469, л.222-222об.

Из доклада Вятской казенной палаты в департамент государственных имуществ Министерства финансов о крестьянских переселениях (до 1837 г.)

По поступаемым в казенную палату просьбам от казенных крестьян в большом количестве о дозволении им переселиться из настоящих мест жительства на другие места, избираемые в других волостях и уездах, представляя обыкновенно побудительные к тому причины недостаток земли и неудобность оной к хлебородию, и представляя при оных приговоры, данные им от мирских обществ, одним на увольнение их из настоящих жилищ, а другим на принятие на жительство к себе, хозяйственное отделение в докладах своих по ним, представляя в палату, выводит обыкновенно на справку наделение тех волостей, в коих просители состоят по генеральному межеванию на число душ V ревизии землю, прописывая с того и произведенные по распоряжению отделения, чрез посредство земских судов на местах изыскания к подтверждению сих просьб. ...но впоследствии открывается, что поводом к переселению их были совсем другие причины: 1) желание раздробить свои семейства во избежание рекрутской повинности, 2) намерение чрез заселение внутри лесных дач извлекать выгоды свои чрез самовольное заготовление в оных для продажи лесов и лесных изделий, чего по рассеянности таковых заселений и малочисленности лесной стражи невозможно никак отвратить и прочее тому подобное.

...заселяются в лесах новыми починками так скрытно, что ни волостное начальство, ни земская полиция никакого не имеют о сем сведения... вотяки в особенности претерпевают от такого самовольного переселения стеснение чрез отнятие у них лучших участков земли, для них необходимой в наделение недостающею пропорциею на прибыльные души и разные другие притеснения.

Источник: ЦГА УР, ф.Р-534, оп.1а, д.135, л.22, 22об. (из РГИА, ф.379, оп.1, д.1290, л.1-2об., 7-7об.)

О переселении крестьян Орловского уезда в Малмыжский (1849 г.)

Согласно предписанию министерства сделать следующее:

а) Избранное крестьянами место отдать им под поселение по допущении к владению оным предписать малмыжскому лесничему Бодрову.

б) Как для постройки домов и служб и отопления их потребуется крестьянам строевой и дровяной лес, то велеть лесничему Бодрову на основании 677 статьи Лесного устава издания 1842 г. дозволить им вырубку оного в количестве, отпускаемом другим государственным крестьянам, с строгим наблюдением, чтобы вырубка сего леса была произведена именно с тех мест, которые предположены по плану для разработки полей, дабы по вырубке лесов они могли приготовить эти места под пашню.

в) Для разработки пашен и покосов из-под лесу предписать лесничему отвести крестьянам не более, как по одной десятине на душу в один раз, и строго наблюдать, чтобы расчищенный лес они не сжигали, а употребляли на свои домашние нужды; и затем дальнейшее приготовление полей разрешать их и в таком же в один раз количестве не прежде, как по удостоверении, что отведенные места окончательно разработаны и срубленный лес употреблен по назначению. На сей предмет препроводить к лесничему копию с представленного в министерство плана на участок, избранный крестьянами, на котором показано, какие места назначаются крестьянам для разработки полей, какие должны оставаться под лесом для продовольствия их и под заповедную рощу и, наконец, какие предположены в запас на прибыльные души, о снятии этой копии дать предписание лесному землемеру Певницкому.

г) Избранный и отдаваемый крестьянам под поселение участок исключить из состава казенных лесов и из числа занимаемого им пространства 393 дес. 1929 саж. 172 дес. 1200 саж., назначенных для продовольствия крестьян в заповедную рощу и в запас на прибыльные души, причислить к лесам крестьянским, а остальные 221 дес. 729 саж., предназначенных под поселение и под рас-

чистку и находящиеся под неудобною землею со счетов вовсе исключить. О чем дать знать лесничему и передать сведение в хозяйственное отделение.

и д) О разрешении крестьянам переселения передать сведение в хозяйственное отделение, поручив оному сделать распоряжение о вводе крестьян во владение назначенною им землею при бытности местного лесничего, об ограничении ее межевыми признаками, а также и о обозначении особыми знаками и просеками частей, назначенных для продовольствия лесом, в заповедную рощу и в запас на прибыльные души, и, наконец, о перечислении крестьян из Орловского в Малмыжский уезд, имея при том в виду, что по случаю нахождения избранного места под лесом крестьяне не вдруг могут пользоваться им, а должны готовить его постепенно и, следовательно, пока они не разработают необходимого для них количества земли на новом месте, должны пользоваться землею в старом жительстве, причем поручить тому отделению сообразить, не нужно ли будет и в настоящем случае предоставить крестьянам в пользование за платеж податей только по 8 дес. на душу, а за остальные назначить соответственный сбор. Вместе с тем по получении от землемера Певницкого копии с плана передать в хозяйственное отделение и подлинный план на участок, представленный крестьянам в Селтинской казенной даче.

По исполнении всего этого настоящее дело считать по лесному отделению оконченным.

Источник: ГАКО, ф.575, оп.13, д.848, л.10об.-12.

К вопросу о просвещении инородцев

Высказав года полтора тому назад (ВГВ. 1861 г. № 47) наше мнение о необходимости обучения инородцев первоначальным предметам не на русском, а на природных их языках, мы не переставали надеяться, что предмет такой важности обратит на себя внимание и подвергнется всестороннему гласному обсуждению со стороны занимающихся обучением инородческих детей в сельских приходских училищах в здешнем крае. К сожалению, надежда наша так и осталась надеждою: до сей поры никто не хотел сказать ни слова ни за, ни против...

Недавно (см. № 15 Вятских епархиальных ведомостей) мы выписали мнение г. Ильминского о способе преподавания инородческим детям христианского учения... Истины, проповедуемые на языке родном, скорее постигаются умом и сердцем и входят в кровь и плоть человека...

А мы, с своей стороны, надеемся, что крещеные татары, черемисы, вотяки и пермяки, живущие в Вятской губернии, тоже не будут лишены этого благодеяния, когда обратится на это внимание.

Источник: ВГВ. 1863. № 24. С.197-198.

Пухов Е. Неопрятность крестьян в домашней жизни

При постоянных разъездах по селениям я довольно насмотрелся на домашний быт крестьян, который в Вятской губернии почти одинаков между всеми крестьянами, конечно, русскими, исключая татар, черемис, вотяков и других. Все бы хорошо в их жизни..., да то плохо что русский мужичок уж чересчур неопрятен и нечистоплотен... Подобная нечистоплотность встречается у всех вообще крестьян, как бедных, так и богатых; редко, редко у кого-нибудь можно встретить чистоту в доме.

Источник: ВГВ. 1860. № 33. С.224-227.